

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

А. Н. Кожановский

НАРОДЫ ИСПАНИИ во второй половине XX в.

(Опыт автономизации
и национального развития)

Москва «Наука» 1993

Ответственный редактор

доктор исторических наук С. А. АРУТЮНОВ

Рецензенты:

кандидат исторических наук Р. М. КАПЛАНОВ,

кандидат исторических наук С. Я. КОЗЛОВ

Автор выражает благодарность за помощь в издании этой книги господину Эдуардо Алонсо-Луэнго (Испания).

El autor expresa la más profunda gratitud al señor Eduardo Alonso Luengo (España) por su ayuda desinteresada en la publicación de este libro.

2004127386

К 0505000000—146
04.2(02)—93 95—92 (Пол.)

ISBN 5-02-010063-3

© А. Н. Кожановский, 1993
© Российская академия наук, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Не будет преувеличением сказать, что опыт развития испанского общества на протяжении последних трех десятилетий становится для нашего государства с каждым днем все более актуальным, а обращение к нему отечественных исследователей — не только правомерным, но прямо-таки необходимым. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить — хотя бы в самых общих чертах, — что же происходило в Испании в указанное время.

Как известно, еще раньше, в 1939 г., после почти трех трагических лет гражданской войны, в крупнейшей стране Пиренейского полуострова утвердился авторитарный режим крайне правого толка. По сути дела, это была военная победа одной из двух издавна существовавших в Испании и боровшихся между собой общественно-культурных тенденций: прогрессивно-антиклерикальной и традиционалистско-католической. Последняя, включавшая в себя воинствующий католицизм, убежденность в незыблемости социальной иерархии и в том, что лишь такие взгляды совместимы с истинным патриотизмом¹, заняла монопольное положение в политике, идеологии и культуре. Альтернативные направления были устранены с общественной арены и яростно осуждались за их якобы наносный, чуждый Испании характер. Присущее традиционалистской идеологии стремление к замкнутости, к противодействию всем влияниям из-за рубежа, и в первую очередь — из Европы, приняло в первые годы характер настоящей ксенофобии, особенно усилившейся после краха блока фашистских государств (бывших союзников) во второй мировой войне, когда франкистское правительство оказалось в относительной политико-экономической изоляции на международной арене. В обстановке «враждебного окружения» экономика страны была перестроена в соответствии с принципами так называемой автаркии, т. е. самообеспечения. Репрессии против инакомыслящих сочетались с усиленной заботой о поддержании «социального мира»: трудящимся города власти стремились обеспечить устойчивую занятость при низкой заработной плате, крестьянам — гарантии от разорения с помощью определенных юридических; финансовых и других мер.

Во второй половине 50-х годов внутреннее положение страны резко ухудшилось. Со всей полнотой сказались последствия экономической политики франкистской администрации: недостатки организационной структуры хозяйства (в том числе глубокие межотраслевые диспропорции)², изношенность оборудования, его мораль-

нос устарение, низкая квалификация рабочей силы и как результат всех этих и других однопорядковых факторов — низкая производительность труда. Наиболее ярким проявлением ухудшения обстановки стал разразившийся в это время валютно-финансовый кризис, показавший, что «узконациональные критерии эффективности экономики изжили себя»³. Дефицит государственного бюджета достиг огромных размеров. Страну захлестнула инфляция; быстрый рост цен соответствовал нехватке важнейших предметов потребления, не в последнюю очередь — сельскохозяйственных.

Несмотря на суровые репрессии, быстро росло и ширилось недовольство населения, и прежде всего трудящихся города, учащались их выступления, все более радикальными становились требования. Продолжение прежней социально-экономической политики, которая была, по сути дела, скомпрометирована, должно было неминуемо привести к краху режима.

В поисках выхода правящая верхушка приняла решение окончательно отказаться от автаркии и начать перестройку экономики в соответствии с западноевропейской конъюнктурой и по «классическому» капиталистическому образцу, с тем чтобы сделать рыночные силы основным фактором решения производственных и в целом экономических задач⁴.

План стабилизации экономики, вступивший в силу в 1959 г., предусматривал отмену государственного контроля над хозяйственной деятельностью, ценами, заработной платой и т. д. Лозунгом дня стала рационализация производства. Нерентабельные предприятия закрывались одно за другим, их рабочие и служащие оказывались на улице.

Реформам в промышленности способствовал мощный приток в страну иностранной валюты, начавшийся в это время. Границы широко открылись, причем в обе стороны, не только для зарубежного капитала, который привлекался на весьма выгодных для вкладчиков условиях, но и для граждан. Власти организовали массовую эмиграцию трудящихся, потерявших средства к существованию, в страны Западной Европы, где в то время имелась острая потребность в рабочей силе, главным образом для промышленности и сферы услуг. А навстречу сотням тысяч испанцев, отправившихся попытать счастья на чужбину, хлынули туристы, преимущественно из Европы и Северной Америки, ежегодная армия которых стала быстро возрастать и вскоре измерялась уже десятками миллионов человек, приблизившись к численности населения страны. Огромные доходы от иностранного туризма и заработка рабочих-эмигрантов, перечисляемые на родину, составили второй и третий (после прямых инвестиций) источники обильных валютных поступлений.

Радикальная перестройка экономики в 60-е годы привела к ее стремительному развитию. Во множестве возникали новые предприятия, обновлялись уже существующие. Модернизация технологии и ввоз современного оборудования из-за рубежа резко повысили производительность труда. Ежегодный рост валового национального

продукта оказался значительно выше, чем в других западноевропейских государствах, и уже в начале следующего десятилетия Испания выдвинулась в группу лидирующих стран капиталистического мира.

Примечательной чертой нового порядка вещей стало невиданное по своим масштабам переселение сельских жителей в города, принявшее кое-где характер настоящего исхода и приведшее к обезлюдению целых районов. Процент населения, занятого в сельском хозяйстве, упал с 41,3 в 1960 г. до 24,9 в 1970 г.⁵ и продолжал быстро снижаться. Уже к концу 60-х годов на экономико-демографической карте Пиренейского полуострова отчетливо просматривался своего рода шестиугольник, в центре и по периметру которого стремились сконцентрироваться индустриальные производительные силы и население. Центром этой спонтанно сложившейся геометрической фигуры был Мадрид, его вершинами — Виго и Корунья (в Галисии); Бильбао и Сан-Себастьян (в баскских провинциях); Барселона; Валенсия и Аликанте; Кадис-Севелья и шестая «вершина» — португальские Лиссабон и Оporto. Столь своеобразная зона, образованная названными центрами, являла собою как бы «богатую Испанию», обширные пространства внутри страны — напротив, Испанию, быстро беднеющую и покидаемую населением. Социальные сдвиги не сводились, однако, к массовой миграции из деревни. По мнению исследователей, в стране появился многочисленный и влиятельный новый средний класс («мелкие и средние собственники, промышленники и торговцы, служащие, технические специалисты и квалифицированные рабочие... объединившись с традиционными средними слоями, образовали умеренную и уравнивающую базу...») ⁶, своего рода стабилизирующая сила общества.

Как и следовало ожидать, бурная индустриализация и урбанизация установили «новые культурные нормы, тесно связанные с особенностями развития страны» ⁷. В общем контексте испанской истории произошедший сдвиг воспринимается как эпохальный, как переход от «вечных» ценностей к принципиально иным ⁸. Испанский социолог А. де Мигель характеризует 60-е — начало 70-х годов как время «возникновения общества потребления» ⁹. Уже в 1965 г. известный английский автор Дж. Бренан написал, что Испания к этому времени настолько изменилась в сравнении с тем, какой она была в 1950 г., что он не смог ее узнать; перед ним оказалась фактически другая страна ¹⁰. Примерно в это же время происходит смена направлений в испанской литературе, поскольку ведущие писатели «...осознали, что их окружает как-то незаметно и быстро изменившаяся страна», господствующий слой которой «...пожертвовал все же культурной изоляцией ради интенсивного индустриального развития» ¹¹.

В самом деле, радикальные перемены в облике Испании теснейшим образом были связаны с политическим курсом ее тогдашнего руководства. За два десятилетия до этого, силой утвердившись у власти, оно установило — в соответствии со своими идеологическими

принципами — определенный режим социально-экономической жизни. Естественные закономерности общественного развития оказались, таким образом, нарушенными, что с неизбежностью привело в конце концов к кризису и вынудило администрацию отказаться от идеологических постулатов в одной из контролируемых ею сфер. Тем самым, однако, франкистские правители сами выпустили из бутылки джинна, который сразу стал угрожать их власти; но не сделать этого они не могли, поскольку их собственная модель существования испанского общества оказалась несостоятельной. И уже в скором времени между новой социально-экономической реальностью и прежними политическими институтами возникло несоответствие, которое становилось все более вопиющим по мере развития «базиса». Чтобы не обострять ситуацию, правящие круги вынуждены были жертвовать некоторыми формами управления и контроля — прежде всего, конечно, наиболее жесткими и скомпрометировавшими себя в глазах мирового общественного мнения. Эта «либерализация», при всей своей ограниченности и непоследовательности, объективно способствовала эмансипации общества. И когда в 1975 г. умер человек, бывший создателем, главой и символом режима, оказалось, что страна достаточно подготовлена к сравнительно быстрому демонтажу авторитарных структур и переходу к демократическим формам государственного устройства. Произошло как бы возвращение на круги своя, а то, что при этом удалось избежать кровавых катаклизмов, наподобие потрясшей Испанию не в столь уж отдаленные времена гражданской войны, следует, очевидно, отнести не в последнюю очередь и на счет стечения благоприятных для страны объективных и субъективных обстоятельств.

Если говорить о дальнейших событиях, то среди наиболее важных из них нужно отметить следующие:

1977 г. — первые (после долгого перерыва) парламентские выборы в стране с участием всего спектра легализованных политических партий; победа центристского блока,

1978 г. — принятие новой конституции, утвердившей, в частности, право на автономию для «национальностей и регионов»,

1981 г. — попытка военного переворота и возвращения к прежним авторитарным и унитарным структурам,

1982 г. — приход к власти в стране социалистов,

1983 г. — завершение процесса предоставления регионам Испании статусов постоянного самоуправления,

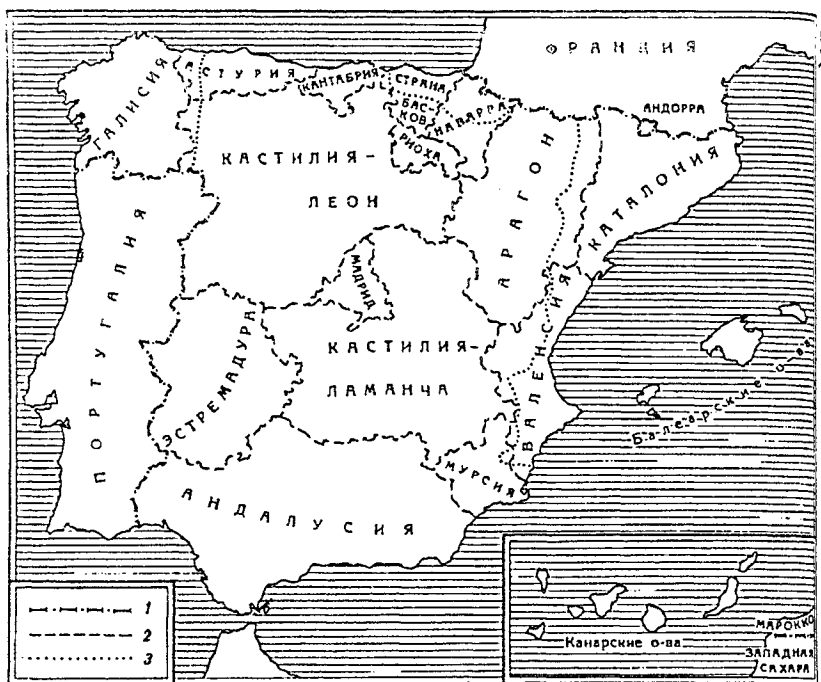
1986 г. — вступление Испании в НАТО и ЕЭС.

Итак, мы видим, что Испания в сравнительно короткие сроки прошла путь от жесткой диктатуры к парламентской демократии, от монопольного господства в обществе одной партии и одной идеологии к многопартийности и идеологическому плюрализму, от унитарной централизованной структуры к широкой системе местного самоуправления, от отсталой, «замкнутой» экономики к развитой индустриальной, от обособленности, отгороженности от остального мира к интеграции в объединяющуюся Европу. И все это без

гражданской войны, бунтов и погромов, без экономического хаоса, голода и массового обнищания... Учитывая переходное время, которое переживает сейчас наша страна, и буквально кричащие внешние аналогии с тем, что не так уж давно происходило в Испании, очень соблазнительно призвать ученых-обществоведов разных специальностей (политологов, правоведов, социологов, экономистов и др.) к тщательному изучению испанских вариантов решения соответствующих проблем, и не «отвлеченно», а на предмет выработки рекомендаций — с тем, чтобы избежать повторения чужих ошибок, но зато максимально использовать удачный опыт.

Бесспорно, что одна из наиболее серьезных проблем, с которыми сейчас столкнулось наше общество, — национальная. В то же время общепризнано в нашей науке, что Испания — как раз яркий пример многоэтничного государства, в котором национальные меньшинства долгое время страдали от своего угнетенного положения, вели национально-освободительную борьбу против ассимиляции, за признание своей самобытности и политическую автономию в пределах Испанского государства. Конфликты на почве национального неравноправия постоянно осложняли внутривнутриполитическую жизнь, и несудивительно, что их устранение стало одной из первоочередных задач послесфранкистских правительств, важнейшей частью общедемократических преобразований. В свете этого очевидно, казалось бы, что национальная политика Испанского государства должна стать для нас объектом самого скрупулезного анализа. Но очевидно также, что необходимым условием такого анализа является верное представление об этнической ситуации в стране, понимание происходящих там процессов.

В соответствии с бытующей в нашей научной литературе традицией, основные народы-этноты (иногда квалифицируемые как нации) Испании суть собственно испанцы, каталонцы, галисийцы и баски. Три последних — национальные меньшинства, освободительной борьбе которых также традиционно уделялось большое внимание в советской испанистике. Все перечисленные этноты проживают компактно, так что между ними существуют отчетливо выраженные границы, и рассматриваются обыкновенно как основные действующие лица этнических процессов в испанской части полуострова, где живут еще, кроме того, довольно многочисленные цыгане и ряд других более мелких групп. Как известно, борьба национальных меньшинств увенчалась временным успехом в годы Второй республики (1931—1939 гг.), когда каталонцы и баски получили, а галисийцы вскоре должны были, но из-за оккупации Галисии франкистскими мятежниками не успели получить автономный статус для своей «малой родины». Падение Республики на долгие десятилетия закрыло вопрос об автономии, который, однако, уже с 60-х годов по сути дела был вновь поставлен в связи с мощным подъемом этнонационального движения «окраинных» народов страны и переведен в практическую плоскость сразу после 1975 г. Необходимость решения этого вопроса назрела настолько, что процесс обретения

Административные и языковые границы Испании

1 — государственные границы; 2 — границы автономных сообществ Испании; 3 — распространение основных языков населения Испании

местного самоуправления начался еще до принятия новой конституции Испании, провозгласившей принцип автономии: вновь созданные автономные образования (так называемые автономные сообщества, *comunidades autonomas*) первоначально возникали на основе временных статусов, которые уже в дальнейшем, после разработки соответствующего законодательства, преобразовывались в постоянные. Автономии получили весьма широкие полномочия: решения своих внутренних дел; местные языки были признаны официальными наряду с испанским (кастильским) в границах соответствующих сообществ.

Всему этому сопутствует, однако, ряд обстоятельств, на которые этнограф не может не обратить внимание.

Во-первых, процесс автономизации оказался значительно шире предоставления самоуправления Каталонии, Галисии и Странах ба-

сков; он охватил все население Испании и всю ее территорию, так что к настоящему времени страна представляет собой совокупность 17 автономных сообществ.

Во-вторых, при сопоставлении карты вновь созданных испанских автономий с привычной для нас этнической картой этой страны обнаруживается очевидное, хотя отнюдь не неожиданное для историка-испаниста, несовпадение: автономные сообщества Каталония, Галисия и Страна басков, возникшие как справедливый итог упорной борьбы не одного поколения их коренных жителей за признание своей этнической самобытности, не охватывают в каждом случае всей территории того этноса, с которым они обычно ассоциируются, а как бы делят этноязыковые ареалы с соседними автономными сообществами. Так, каталонцы в Испании проживают еще в Валенсии, в восточной части Арагона и на Балсарских островах; галисийцы — на смежных с Галисией землях Астурии и Кастилии-Леона; баски — в северной части Наварры.

Уже из этих двух обстоятельств с очевидностью следует, что в основу автономизации был положен отнюдь не этнический принцип. Но ведь становление автономных сообществ происходило в соответствии с демократической процедурой, заложенной в новой конституции, и имело своим источником инициативу местных выборных органов, поддержанную волеизъявлением (в ходе референдума) населения. Значит, об административном произволе в данном случае говорить не приходится.

Мы оказываемся, таким образом, перед явлением, которое невозможно объяснить, исходя из постулата о сосуществовании и взаимоотношениях четырех народов-этносов. Уже одного этого, на взгляд автора, достаточно, чтобы по крайней мере усомниться в полной адекватности привычных представлений об этнической ситуации в Испании. А между тем с подобного рода «необъяснимыми явлениями» как в истории страны, так и в событиях, происходивших там в последующие годы, советский исследователь-испанист сталкивался постоянно. Ниже мы более подробно остановимся на том, как отечественные авторы по-разному решают возникающие в этой связи вопросы. Здесь же отметим, что в свете только что сказанного упомянутое несколько ранее обязательное условие для изучения национальной политики Испании, состоящее в верном представлении об этнической ситуации там, не кажется в должной мере соблюденным. Следовательно, вполне правомерно стремление предложить такую трактовку интересующего нас предмета, которая бы в большей степени соответствовала реальности. Иначе говоря, необходимо выяснить, что же в действительности представляет собою население Испании в этническом смысле, какие народы там на самом деле проживают, какова направленность и динамика их этнического развития, каковы их взаимоотношения. Только на такой основе, очевидно, можно понять сущность национального вопроса в стране, связанные с ним события и процессы в различных сферах жизни испанского общества.

- ¹ Тертерян И. А. Испытание историей. М., 1973. С. 468.
- ² Авилова А. В., Веденяпин Я. С. Экономика Испании. М., 1978. С. 3.
- ³ Испания, 1918—1972 гг. М., 1975. С. 375.
- ⁴ Там же. С. 383.
- ⁵ Авилова А. В., Веденяпин Я. С. Указ. соч. С. 96.
- ⁶ García Escudero J. M. Historia política de la época de Franco. Madrid, 1987. P. 118.
- ⁷ Пио Родригес. Сорок лет испанской культуры//Культуры. 1986. № 2. С. 60.
- ⁸ Там же. С. 58.
- ⁹ Мигель А. де. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С. 25.
- ¹⁰ См.: García Escudero J. M. Op. cit. P. 117.
- ¹¹ Тертерян И. А. Испанская проза в изменяющейся стране//Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе, 70-е годы. М., 1982. С. 76.

Глава первая

ВАЛЕНСИЙСКОЕ «ОКНО» В ОБЩЕИСПАНСКУЮ ЭТНИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ

ПОЧЕМУ МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ ИМЕННО НА «ВАЛЕНСИЙСКИХ КАТАЛОНЦАХ»

Уже первое приближение к теме этнической ситуации в Испании обнаруживает чрезвычайно большое количество и многообразие имеющегося материала и в то же время большую его количественную и качественную разнородность по отдельным областям, отдельным временным периодам и т. д. В этих условиях одним из наиболее целесообразных и методически оправданных подходов к делу представляется выделение для начала какого-то одного пространственно ограниченного фрагмента ареала с тем, чтобы именно на его материале «войти» в этническую ситуацию. Разумеется, выбор такого участка должен отвечать определенным критериям. Так, желательно, чтобы была соблюдена «представительность» — возможность рассмотреть на данном примере наиболее важные и характерные проблемы этнической ситуации в стране в целом. Естественно, что судить о том, какие проблемы являются ключевыми и наиболее типичными, невозможно, не проведя самого исследования. Поэтому нам придется действовать, исходя из самого общего, опирающегося на очевидность и по возможности исключающего различные толкования представления о предмете, а также из утвердившихся в нашей науке и даже в обиходном сознании взглядов на этносы-народы.

Будет вполне логично, если мы обратимся к одному из четырех упомянутых выше коренных народов-этносов Испании. К какому же именно? Здесь вступают в силу второй критерий выбора объекта, более субъективный, но в существующих условиях едва ли не решающий: обеспеченность материалом, позволяющая сделать сколько-нибудь надежные выводы. Это обстоятельство и привлекло наше внимание к каталонцам.

Такой выбор представляет интерес для нас еще в одном отношении. Как мы уже знаем, границы автономий делят территорию расселения каталонцев на несколько частей, которые входят, следовательно, в такое же число автономных сообществ. В Валенсии и Арагоне, кроме того, земли, населенные каталонцами, составляют лишь часть соответствующего автономного сообщества: в первом случае — большую, во втором — меньшую. Оставшаяся часть территории этих автономий — земли, где проживают «собственно испанцы». Короче говоря, автономные границы проведены здесь без видимого учета языковых или этнических рубежей.

Из этого следует, что, разобравшись в «каталонском случае», мы смогли бы, очевидно, многое понять и в принципах, в соответствии с которыми в стране после распада франкистского режима осуществлялась автономизация, и в отношениях между разноэтничными группами населения, а возможно, и между разными частями единой этнической общности. Это позволит нам на последующих стадиях исследования выбирать точки приложения наших усилий уже не на основе «общего подхода», как при первых шагах, а в гораздо большем соответствии с реальным положением дел.

Заметим, однако, что, имея перед собой только что сформулированные цели и следуя вышесказанным методическим установкам, мы можем еще больше локализовать область нашего первоначального исследования, сузив ее до одной из частей каталонского этноса, а именно той, которая после утверждения временного (1978 г.), а затем постоянного (1983 г.) автономного статуса оказалась в составе Автономного сообщества Валенсия. Таким образом, мы будем рассматривать этническую ситуацию в рамках одного из 17 нынешних автономных сообществ, что — по крайней мере так это выглядит «в первом приближении» — поможет максимально сблизить этническую и автономистскую проблематику.

Попытаемся «войти» в этническую ситуацию с того момента, когда количество и качество имеющихся данных покажет нам ее достаточно полно, применим критерий «представительности» для избрания временной точки исследования, подобно тому как выше мы применили его для «пространственного» выбора. В таком случае нам придется отказаться от того, чтобы приступить к исследованию с 1939 г., с победы франкистов в гражданской войне. Скудость и фрагментарность имеющихся материалов не компенсируются его определенностью, почти однозначностью, которая привлекает кажущейся возможностью сделать обобщающие выводы на явно недостаточном фактическом основании.

Такое основание появляется у нас только тогда, когда мы, как бы продвигаясь по хронологической лестнице все ближе к нашему времени и рассматривая каждый год с точки зрения его «обеспеченности» источниками да и просто информацией по интересующей нас тематике, добираемся до начала 60-х годов. Вот тут в нашем распоряжении оказывается достаточно материалов, проливающих свет на этническую ситуацию в Валенсии, и в том числе — свидетельства и оценки непосредственно вовлеченных в эту ситуацию лиц, а также сторонних наблюдателей. Едва лишь приступив к их исследованию, мы обнаруживаем, что, во-первых, интересующие нас вопросы здесь чрезвычайно актуальны, а во-вторых, — они трактуются в самых разных, вплоть до противоположных, точках зрения.

КТО ЖЕ НАСЕЛЯЛ ВАЛЕНСИЮ В 1960-е ГОДЫ?

Уже простое сопоставление высказываний разных авторов, как свидетелей и участников событий начала 60-х годов, так и тех, кто их исследовал годы спустя, о том, что происходило в то время,

даст обширный материал для размышлений. И так, в мае 1960 г. вышел из печати первый номер ежемесячного журнала «Валенсиа Культураль» — одного из основных наших источников. Появление журнала с таким названием именно в это время было представлено его издателями как ответ на очевидную общественную потребность, даже как вклад в уже развернувшееся и быстро набирающее силу, становящееся с каждым днем все более массовым движение, неоднократно определяемое ими ни много ни мало как «*Repaixença*», т. е. «возрождение» — возрождение языковой и культурной самобытности местных жителей. Рупором по крайней мере одной из групп участников этого движения и стал журнал «Валенсиа Культураль». На его страницах, практически в каждом номере, появлялись, например, материалы, всячески восхвалявшие общественную культурно-просветительскую организацию «*Le Rat Penat*» («*Lo Rat Penat*») и рекламировавшие ее деятельность, которая включала следующие мероприятия.

Бесплатные курсы валенсийского языка; организация «цветочных игр» («*Jocs Florals*», как традиционно со времен средневековья назывались здесь ежегодные популярные конкурсы на лучшие литературные произведения); исследования в области филологии и лингвистики на материалах валенсийского языка; курсы живописи; создание театральных коллективов; проведение театрализованных праздников и т. д. ¹

В том же духе действовали возникавшие по общественной инициативе «в городах и селениях королевства» многочисленные центры по изучению и распространению валенсийской культуры ². Весьма примечательно, как подчеркивают авторы ряда сообщений, что на призыв «возрожденцев» во всех трех провинциях откликнулись официальные учреждения и организации, включившиеся в проведение разного рода праздничных и памятных мероприятий, литературных конкурсов, театральных представлений, конференций и т. д. ³

Причем культивирование интереса и любви к «малой родине» происходило уже на уровне отдельных городов и даже селений, например в форме конкурса для школьников в местечке Накера. Инициаторами здесь выступали местные власти: алькальд (глава локальной администрации) возглавил жюри, в которое вошли священник, доктор и несколько школьных учителей. Вопросы задавались по истории и географии родного городка, об его муниципальном устройстве, достопримечательностях, в первую очередь, конечно, церквях и часовнях и т. д. ⁴

Публикации самой «Валенсиа Культураль» демонстрируют представления активистов местного «возрождения» о тех ценностях валенсийской культуры, к которым они хотели бы приобщить своих земляков, ценностях, составляющих культурное достояние валенсийской общности, делающих ее самобытной, непохожей на другие. Журнал буквально переполнен материалами, которые можно было бы отнести скорее всего к категории краеведческих. В каждом

номере под особой рубрикой дается подробное справочное описание какой-либо валенсийской «комарки» (маленького, включающего не более нескольких населенных пунктов, кусочка страны) с очевидным намерением представить читателю таким образом последовательно всю Валенсию. Печатаются сообщения об отдельных традициях, обычаях, праздниках (подобно прославленным на весь мир «фальяс»). Повествуется о памятниках архитектуры (церквях, монастырях, часовнях, замках) и живописи на территории Валенсии, гербах ее городов и селений. Приводятся биографии видных деятелей культуры — местных уроженцев. Много места занимают исторические очерки, а также тексты исторических документов и комментариев к ним. Детально описываются экскурсионные маршруты по достопримечательностям «валенсийского королевства» и т. д. Все это, однако, подчиняется более широкому замыслу: способствовать «формированию общественного мнения валенсийцев»⁵, тому, чтобы «нам всем (издателям и их землякам.— А. К.) вновь стать валенсийцами, восстановить свой особый самобытный валенсийский облик»⁶. Если добавить сюда постоянное информирование читателей о всевозможных культурных акциях, отчеты о прошедших и сообщения о готовящихся мероприятиях, т. е. организационно-координационную деятельность, то становится очевидным, что журнал практически реализует призывы из манифестов уже упомянутого общества «Ле Рат Пенат», которые он регулярно публикует на своих страницах и один из которых звучит так: «Мы, валенсийцы, не слишком представляем себе, в чем состоит наша особая сущность. Мы мало знаем, например, о наших (древних государственных.— А. К.) учреждениях, художественных сокровищах, прекрасном фольклоре... ремесленных традициях, религиозных верованиях, литературе и т. д. Все это составляет часть нас самих, и мы должны включить это в наше социальное сознание»⁷.

О том, что размах и значение описываемых событий не переоценивались современниками, можно судить по высказываниям различных исследователей много лет спустя. Так, видный испанский этнограф отмечает в своей книге резкое увеличение, «начиная с 60-х годов», общественного внимания к этнографическим темам, в том числе к народным традициям, их изучению и развитию; пробуждение живого интереса «людей валенсийской общности», о чем может свидетельствовать, в частности, «необычайная активность со стороны женской секции официальной партии» в деле создания хоров и танцевальных групп; возрождение песен и танцев валенсийских селений, культивирование любви к этим традициям, поощрение деятельности танцевальных и хоровых школ, возобновление традиционных шествий с участием фольклорных групп⁸. По оценке другого автора, 60-е годы ознаменовали новый этап для Валенсии, качественно отличный от предыдущего. Одной из его характерных черт он считает начало процесса становления «истинно национального политико-культурного сознания»⁹.

Итак, авторы, говоря о местных жителях, имели в виду, по их

словом, валенсийцев, валенсийский народ, характерными чертами которого являются валенсийский язык, валенсийская культура, валенсийское самосознание и т. д. Но мы-то никак не можем удовлетвориться этими терминами, для нас они нуждаются в объяснении. Ведь известно, что автономное сообщество Валенсия возникло лишь в конце 70-х годов (сперва на основе временного статуса), а в начале 60-х годов в официальной жизни Испании слово «Валенсия» обозначало, во-первых, один из крупнейших и древнейших городов страны, а во-вторых, одну из пятидесяти испанских провинций, центром которой был этот город. Какое же именно значение слов «валенсийцы», «валенсийский» и т. п. подразумевается в данном случае?

Выясняется, что Валенсия наших авторов — это не город и не провинция (если нет специального уточнения), а именно та территория, которая впоследствии стала автономной под тем же названием. А прежде так называлось древнее королевство, вошедшее когда-то в состав испанской короны, долгое время сохранявшее в ее рамках свободы и привилегии, а затем лишенное каких бы то ни было прав, да и самой целостности в результате разделения в 1833 г. на три провинции: собственно Валенсия, Кастельон и Аликанте. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, хотя такое употребление термина «Валенсия» и производных от него было неофициальным, оно оставалось общезвестным и широко употребляемым. Кроме того, для обозначения территории, о которой идет речь, в местной печати и литературе часто используются такие слова, как «королевство» («regne») «земля, страна» («pais»), «регион» («region»), нередко опять же с эпитетом «валенсийский».

Объяснение для нас, однако, на этом не закончено. Ведь если валенсийцы — суть жители региона Валенсии, состоящего из трех провинций, то как быть с тем обстоятельством, что они подразделяются на две разноязычные группы? В нашей науке этот вопрос решен однозначно: большая часть обитателей Валенсии говорит на каталанском языке, они — часть каталонского этноса, каталонцы; меньшая часть жителей региона испаноязычна, это — испанцы. Какое же содержание вкладывают те, кто пишет о «валенсийцах», в этот термин?

Языковые различия двух частей населения Валенсии ни в одном из наших источников не отрицаются. Но вот на страницах той же «Валенсиа Культураль» настойчиво повторяется, что язык — не главная отличительная черта общности, поскольку есть еще география, история, образ мышления и т. д.¹⁰ Делается это для того, чтобы утвердить приоритет региональных границ над языковыми, поставить единство всех коренных обитателей древнего королевства выше существующих между ними лингвистических различий, напомнить, что какой бы ни была «языковая подкладка», перед нами всякий раз валенсийцы. Этой мысли подчинена и подача материала в журнале. В нем воспеваются «традиционные ценности» Валенсии, ее достопримечательности, культурные деятели, памятные события

и т. д. без какого-либо предпочтения одних частей региона другим. Хозяйственно-географические описания отдельных уголков Валенсии постепенно, номер за номером представляют читателю всю территорию «королевства», и лишь одной фразой сообщается, на каком языке говорят в каждом случае местные жители.

Для подтверждения своей концепции журнал ссылается на реальную жизнь. Так, в одной из редакционных статей утверждается, что у жителей испаноязычных районов Валенсии сильно выражено чувство региональной солидарности. Оно постоянно проявляется в различных формах, вроде обязательного исполнения в концертах местных музыкальных ансамблей регионального гимна и т. п., но главное — в горячем желании многих из них усвоить язык и культуру своих каталаноязычных компатриотов. Во многих испаноязычных городах и селениях, сообщается в статье, свободно говорят по-каталански, поют на этом языке региональные и религиозные гимны или уж в крайнем случае сожалеют о его незнании...¹¹ Автор, как нетрудно догадаться, приветствует интеграцию всех валенсийцев, говорящих на обоих языках. Здесь нужно отметить, что в рассматриваемом нами издании тот язык, который мы привыкли называть испанским, обозначается только как кастильский, а говорящие на нем — соответственно как «кастильскоязычные». Термин «каталанский» исключительно в этой форме употребляется только для родного языка коренных жителей региона Каталония, а для его валенсийского варианта часто используется название валенсиано («valenciàno»), т. е. «валенсийский», в данном случае — «валенсийский язык». Поэтому, характеризуя языковую ситуацию в регионе, авторы нашего журнала в подавляющем большинстве случаев говорят именно о валенсийскоязычных и кастильскоязычных местных жителях, а не о каталано- или испаноязычных, как сказали бы мы.

Вряд ли нужно спорить, что мы имеем дело с несколько иной, чем привычная для нас, системой понятий, представлений и терминов. По определению журнала, его сторонники — «валенсианисты», «т. е. кто отдает предпочтение историческим критериям, отстаивает Валенсийское королевство... родившееся в христианстве 9 сентября 1238 г.» Речь идет об отвоевании валенсийской территории у мавров в ходе Реконкисты, когда были установлены в основном ее границы и утвержден полусамостоятельный статус в составе Арагонского королевства, границы которого, и определяют, независимо от языка, «валенсийский народ»¹².

Иначе понимают термин «валенсийцы» сторонники другой позиции, которых их оппоненты из «Валенсиа Культураль» называют адсптами «общекаталонского единства... теми, кто сделал из языка бастион национальности (de nacionalitat) и считает, что все земли каталонского языка (который и должен, по их мнению, так называться и в Валенсии, и на Балеарских островах) составляют единое целое, так называемую Великую Каталонию»¹³. Нетрудно заметить, что эта позиция в трактовке ее оппонентов выглядит на первый взгляд наиболее близкой к установке, принятой в советской науке:

единому каталанскому языку соответствует единый говорящий на нем каталонский этнос. Заметим, что журнал полемизирует исключительно с выразителями этих взглядов, очевидно, считая их своими основными противниками.

Действительно, если мы обратимся к книге Жуана Фустера «Мы — валенсийцы», вышедшей первым изданием в 1962 г.¹⁴ и тут же подвергнутой критике на страницах «Валенсиа Культураль», то встретим здесь такие высказывания: «Мы, валенсийцы и другие каталонцы...», «называться валенсийцами — в конечном счете, наша манера называться каталонцами», «валенсийцы-каталонцы» и другие им подобные. Для автора нет никакого сомнения в том, что валенсийский язык — всего лишь местное название каталанского, что говорящие на нем жители Валенсии — суть прямые потомки каталонцев, в ходе Реконкисты и в дальнейшем заселявших прибрежные земли региона. Перед нами, как будто, ясно выраженная и хорошо знакомая позиция: один каталанский язык — один каталонский народ, а валенсийцы — часть его, живущая в регионе Валенсия. «Изолированная Валенсийская земля — утопия и была бы изменой ее собственной сути. От Сальсеса до Гуардамара, от Мао до Фраги мы все — один народ (имеется в виду весь каталаноязычный ареал. — А. К.) Каждая из наших земель — лишь фрагмент (целого. — А. К.)». И далее: «Под прикрытием валенсианизма, валенсианства или валенсианства нас пытаются отделить от нашей естественной общности... Если Валенсийская земля... хочет сохранить свою самобытность, она должна сохранить верность своему базовому каталонству (вариант: «своей каталанской основе.» — А. К.)».

Совсем иначе, чем его оппонентам, видится Фустеру и внутри-валенсийский вопрос, т. е. взаимоотношения двух разноязычных общин в пределах региона. Он отказывается считать оба элемента равнозначными, равноценными и даже не столько потому, что каталаноязычные валенсийцы всегда составляли подавляющее большинство обитателей региона, а земли, на которых они живут, — большую часть территории Валенсии (402 из 520 валенсийских муниципий), сколько потому, что, как он полагает, «каталаноязычная зона» региона как бы воплотила, сконцентрировала в себе все валенсийское. В самом деле, термин «валенсийский язык» относится только к местному диалекту каталанского языка, но не к названиям распространенных здесь диалектов кастильского языка. В целом некаталаноязычные валенсийцы, по мнению Фустера, — как бы «вторичные», маргинальные валенсийцы, по отношению к которым их восточные соседи по региону ощущают отчужденность, не означающую, правда, какой-либо дискриминации. Языковые и культурные устремления обитателей каталаноязычной зоны никогда не разделялись в той части Валенсии, где говорят по-кастильски. Тем самым Фустер оспаривает приводившиеся выше утверждения о региональной солидарности и, в частности, — о большой тяге кастильскоязычных валенсийцев к культурно-языковым моделям их «региональных компатриотов». Сожительство двух общин в рамках

Валенсийской земли, по его мнению, нелепо и является результатом «абсурдной неадекватности границ» тому, как они должны были быть установлены в свое время.

Вместе с тем Фустер допускает, что, при условии свободного волнизъявления, кастильскоязычные комарки могут выразить желание остаться валенсийскими, но только потому, что в ходе долгого сосуществования возникли многочисленные связи между различными «национальными секторами» валенсийского общества, а также из-за сравнительно благоприятного экономического положения Валенсии.

Упоминание Фустером национальных различий двух разноязычных общин Валенсии, казалось бы, полностью отождествляет его позицию с принятой в нашей исторической науке. Но интересно, что во многих местах той же книги он говорит о валенсийцах каталанского языка как о народе, например: «Мы — валенсийцы, и не хотим... потерять нашу особую сущность... перестать быть тем народом, которым являемся...». Конечно, историко-публицистический жанр книги позволил автору не придерживаться научной строгости и последовательности в употреблении терминов. Важно в данном случае, каким он видит положение в целом. Но вот здесь как раз и получается, что отнесение Фустером к одной и той же категории — «народ» — двух явно разных по характеру общностей (всех каталаноговорящих и особо жителей одного из входящих в арсал регионов) — результат не неряшливости, небрежного обращения с терминами, а своеобразного видения ситуации, любопытной и довольно странной, если, конечно, ее восприятие Фустером соответствует действительности.

Как указывает наш автор, население (*població*) какой-то области становится народом (*poble*) лишь в результате «акта осознания». Иначе говоря, решающее значение в формировании народа он придает становлению его самосознания. В свете этого утверждения знаменательно отмеченное им отсутствие «общего надрегионального названия» для всех земель, входящих в арсал, и «общенационального наименования» (*d'un nom nacional comú*) для его обитателей. Оставим пока в стороне название арсала в целом, но как же быть с термином «каталонцы»? Разве автор не считает его «общенациональным наименованием»? Фустер разъясняет, что термин «каталонцы» (*catalans*) имеет два значения: во-первых, — это коренные обитатели региона Каталония, а во-вторых, — все каталаноговорящие. О валенсийцах как о каталонцах он говорит каждый раз именно во втором значении, т. е. как об одной из общностей, об одном из народов, для которых каталанский — родной язык: «Мы — каталонцы в том широком смысле этого слова, который охватывает все народы каталанского языка». А что еще объединяет эти народы?

Фустер делает экскурс в историю, чтобы показать читателям, как сравнительно скоро после отвоевания у арабов и заселения (преимущественно каталонцами) Валенсии и Балеарских островов, стали ослабевать связи и контакты между названными землями и Каталонией и угасло изначально существовавшее чувство каталон-

ского единства. Взамен все больше усиливалось местное самосознание. Так, уже в XIV в. зафиксированы первые заявления о самостоятельном валенсийском народе в ряду других народов Испании. Со временем валенсийцы и мальоркинцы перестали называть себя каталонцами, в результате чего этот термин сузился до обозначения жителей собственно Каталонии.

Все происходящее своеобразно отражалось в представлениях о родном языке и его названии. В XV в. валенсийцы начали называть свой язык валенсийским, тогда еще не претендуя, как считает Фустер, на его принципиальное отличие от каталанского. В дальнейшем его самобытность подчеркивалась все больше («более благородный и изящный» по сравнению с якобы архаичным и грубым каталанским) вплоть до того, что в XVIII в. здесь распространилось представление о каталанском и валенсийском как о двух родственных и, следовательно, равноправных «потомках» более древнего общего языка.

Таким образом, по логике Фустера и в соответствии с приведенными им фактами, существовавшее в прошлом тождество «народ-язык» в применении к арсалу каталанского языка со временем оказалось — в силу различных исторических причин — нарушенным. Обрисованная им ситуация очень напоминает ту, в которой находятся, например, испаноязычные народы Латинской Америки, или англоязычные народы Европы, Северной Америки, Австралии и Океании: при общем языке и происхождении отсутствует (утрачен) единый этноним. По сути дела, когда наш автор говорит о каталонцах «во втором значении» (по его терминологии, т. е. имея в виду каталаноговорящих жителей Испании и зарубежных стран), он тем самым всякий раз напоминает об общности происхождения, языка, о единстве в прошлом, а также выражает надежду на его восстановление в будущем. Что же до настоящего времени, то и по содержанию его работы, и по точному смыслу его формулировок (в частности, уже приводившегося высказывания о роли самосознания в становлении народа) получается, что он в общем-то подтверждает превалирование региональной сплоченности над общезыковой. Конечно, у него это выглядит совсем иначе, чем у его оппонентов, он, безусловно, исключает кастильскоязычную часть населения региона из валенсийской общности, но очевидно, что и для него региональные границы пока еще делят обширный массив каталаноязычного населения на самобытные, хотя и «единоутробные» народы: каталонцев, валенсийцев, баlearцев.

Если такова точка зрения сторонника общекаталанского единства, то не приходится удивляться радикальности в этом вопросе его оппонентов из «Валенсиа Культураль». Они постоянно указывают на генетическую связь валенсиано с языком, на котором говорят жители региона Каталония (язык последних всегда однозначно называется каталанским) и допускают, что он тоже может быть назван каталанским или каталано-валенсийским. Правда, порой следом идет замечание, что ныне между двумя языками существуют зна-

чительные диалектальные различия¹⁵, но в других случаях оговорок может и не быть, из чего видно отношение к данному обстоятельству как к не принципиальному. Нередко говорится о языковой близости или родстве населения Каталонии, Балеарских островов и Валенсии (конечно, за исключением кастильскоязычных жителей ее западных земель), о том, что все они имеют общий литературный язык. Но при этом решительно отрицается так называемый панкаталонизм¹⁶, под которым подразумевается «включение Валенсии в Каталонию по языковому критерию»¹⁷, взгляд на жителей Валенсии и Балеарских островов как на «детей каталонской цивилизации»¹⁸ и т. д., иначе говоря — отказ им в праве быть самостоятельными народами в рамках своих регионов. Таким образом, отрицается, что все, кто говорит на каталанском языке — каталонцы (вопреки тому, что само собой разумеется в нашей науке), а сам этот термин оставляется только для жителей региона Каталонии, который иногда в память о далеком прошлом называют Принципатом, подобно тому как Валенсию — королевством. Отсюда упорное подчеркивание, что Каталония, Валенсия и Балеарские острова не единый регион, но «братские регионы», а их обитатели — «братские народы»¹⁹. И, следовательно, в устах тех, кто думает таким образом, название языка — «валенсиано» — означает не претензию на его самостоятельность, а уверенность в самостоятельности говорящей на нем общности.

Несомненно, что именно стремление избежать даже намек на какую-то иерархию, соподчиненность в рамках каталаноязычного ареала, представить его как совокупность трех равноправных компонентов отразилась в таком термине, использованном на страницах «*Valencia Cultural*» для обозначения каталанского языка как «*llengua bascaresa*», т. е. балеарско-каталано-валенсийский язык²⁰, или в предложении принять для него название «окситанский» (*llengua occitana*)²¹, не опирающееся ни на одно из региональных наименований. В любом случае это означало бы ограничение термина «каталанский» границами региона Каталония.

Журнал рассказывает о еще одном направлении, близком его собственному, поскольку его сторонники тоже ставят во главу угла исторический критерий. Для них он, однако, означает особенно тесные связи земель, входивших когда-то в состав Арагонской короны (т. е., помимо Валенсии, нынешние регионы Арагон, Каталония и Балеарские острова), и традиционно сложившееся географическое, историческое и духовное сообщество их обитателей. «Арагонисты», как и «валенсианисты», считают, что язык не может определять принадлежность к общности, ведь тогда пришлось бы исключить из нее «наших братьев из Арагона», кастильскоязычных валенсийцев и других, что, по их мнению, просто абсурдно²².

Наконец, есть сообщения о существовании в 60-е годы еще одной группы «панкаталонистов», но более радикальных, чем сторонники направления, представленного Фустером. Эти люди были

убеждены в необходимости форсировать сплочение всех каталано-язычных групп, безоговорочно считая их единым целым²³.

Итак, сделав лишь первые шаги в попытке разобраться в этнической ситуации в пределах региона Валенсия, мы тут же столкнулись с различной трактовкой состава ее участников, с различными представлениями о том, какие именно общности являются субъектами культурно-языковых процессов. Налицо явное противоречие: ведь озабоченность активных представителей общности сохранением и возрождением ее самобытности должна говорить, казалось бы, о достаточно развитом самосознании. Да и мы, помня о том, что каталаноязычные валенсийцы — часть каталонского этноса, обычно квалифицируемого как нация, вправе ожидать высокого уровня национального самосознания, не оставляющего места для сомнений в том, кто к этой нации принадлежит. Приведенные же выше оценки заставляют усомниться в существовании подобного четкого и повсеместного самосознания. Перед нами по сути дела новая проблема, которая требует решения. Отражаются ли во взглядах сторонников вышеприведенных, не очень согласующихся между собой точек зрения какие-то действительно существующие особенности организации валенсийского общества? Если отражаются, то какие именно? Если нет, то что является причиной существования столь несходных точек зрения? Во всяком случае, теперь мы уже не можем в своем исследовании исходить из априорного и однозначного представления о каталаноязычных валенсийцах как всего лишь о части каталонского этноса.

ПОЛИТИКА МАДРИДА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ВАЛЕНСИИ

Стремясь воссоздать картину этнической ситуации в Валенсии в начале 60-х годов, мы подошли к необходимости обрисовать общеполитический фон рассматриваемой нами ситуации. Ясно, что для того, чтобы верно понять и оценить, например, формы, размах, направленность действий активистов культурно-языкового возрождения в той же Валенсии, необходимо представлять себе, что им было разрешено, а что — нет. Но, ограничив себя в начале исследования локальными рамками, будем продолжать следовать им и в этом случае. Поэтому не станем анализировать «этническую политику» испанского правительства в это время «вообще», а рассмотрим ее практическое воплощение в Валенсии. Обратившись же к государственной политике в этноязыковой сфере в начале 60-х годов, мы обнаруживаем, что тогда продолжали оставаться в силе не только тенденции, заложенные в предшествующее время, но и многие официальные нормы. Таким образом, мы неизбежно вынуждены «спуститься» в более ранние годы, когда и сложилась эта ситуация.

Общепризнано, что политика режима во время и после гражданской войны была направлена против интересов национальных меньшинств, в том числе и против каталонцев. Одним из норма-

тивных актов, весьма значимых по своим последствиям, был закон-декрет от 5 апреля 1938 г. об отмене автономного режима, которого Каталония добилась в условиях второй республики. Этот закон стал как бы отправной точкой в наступлении на каталонский национализм, более того — на каталонскую самобытность, и прежде всего, конечно, на ее особенно яркое проявление — язык. Как указывает Фр. Феррер-и-Жиронес, исследовавший много лет спустя языковую политику франкистских властей, в этот период они стремились отменить и уничтожить каталанский язык не столько юридическими запретами, сколько именно силой, репрессиями, открытыми преследованиями во всех сферах жизни²⁴. «Ни в одном современном и цивилизованном государстве не было столь свирепого преследования, как то, что обрушило на каталанский язык франкистское правительство»²⁵. Уже 18 мая 1938 г. — за год до окончания войны — вышло распоряжение франкистского министра юстиции о запрещении гражданам Испании записывать свои имена на каком-либо ином языке, кроме испанского. Все прочие записи, сделанные ранее на других бытующих в Испании языках, этим распоряжением аннулировались. Через несколько дней последовало запрещение использования «языков, которые не являются кастильским», в официальной жизни и каких бы то ни было документах; 14 апреля 1939 г. — в сфере обслуживания. Одновременно повсеместно спешно ликвидировались каталанские вывески, объявления, плакаты и т. д., причем не только в государственном, но и в частном секторе экономики. Нарушителям грозил штраф, 1/4 которого полагалась доносчику²⁶. Изгнание каталанского языка из школы подкреплялось установлением жесткого инспекторского контроля над учителями, что грозило слушникам немедленным увольнением. Аналогичное наказание ожидало чиновников, посмевших воспользоваться каталанским на службе, хотя бы и в устной речи²⁷. Церковные иерархи воздействовали своим авторитетом на приходских священников, добиваясь монополии испанского языка в храмах²⁸. Специально созданная комиссия по кинематографической цензуре осуществила перевод всех текстов и диалогов испанских фильмов на кастильский язык; исключения допускались только для эпизодических персонажей²⁹. Разумеется, вышел запрет на каталанский язык в телеграфных сообщениях и т. п., т. е. государство осуществляло его изъятие из всех сфер общественной жизни. «Особые языковые формы» в устах испанских граждан могли быть терпимы только в быту.

Хотя речь здесь идет только о языке, приведенные факты недвусмысленно рисуют картину тяжелого положения каталонского этноса в первые послевоенные годы. Однако мы должны отметить одно обстоятельство. Говоря о языковой политике администрации, автор, из нашумевшей книги которого взяты цитированные выше материалы, сообщает тексты общегосударственных распоряжений, но рассматривает их реализацию только в бывшей автономной Каталонии, границы которой совпадают с пределами нынешнего автономного сообщества под тем же названием. Следовательно,

обширные земли к западу и югу, а также острова Средиземного моря, населенные, как мы считаем, каталонцами, остались вне пределов его внимания. В их числе была и территория будущей автономной Валенсии, в годы Республики, напомним, не имевшей ни совместного с Каталонией, ни отдельного от нее автономного статуса.

О том, как осуществлялась языковая политика властей в Валенсии, мы можем судить по некоторым данным, которые свидетельствуют, что она не стала исключением в общем ряду. Так, один из авторов той же «Валенсиа Культураль» — современник и свидетель рассматриваемых событий — с удовлетворением констатирует окончание эпохи, когда утверждалось, что «наш язык — это диалект кастильского, или испанского языка»³⁰. Однако, как и прежде, валенсиано не входит в обязательную школьную программу, и многие учителя преподают его малышам по несколько раз в неделю после окончания основных уроков³¹. Выражено осторожное пожелание восстановить валенсийскую топонимику, поскольку все географические названия на территории Валенсии разрешены только в кастильской форме³².

В этом же ряду ставится вопрос о языке церковной службы. Как известно, в соответствии с решениями II Ватиканского собора на смену латыни в литургии должны были прийти повсюду те языки, на которых говорили прихожане. Из сообщений «Валенсиа Культураль» выясняется, что названный принцип здесь не соблюдался и в середине 60-х годов, когда вместо валенсийского языком литургии становился кастильский. По мнению журнала, возражающего против такой практики (правда, опять же без каких-либо конкретных указаний на ее авторов и проводников, не говоря уже о вскрытии более общих причин, сделавших ее возможной), нелепо, что священник, в обычной жизни говорящий, как и его прихожане, по-валенсийски, в церкви ведет службу на кастильском языке³³.

В конце концов даже у непредубежденного читателя, не втянутого в этот конфликт, мало-помалу складывается представление о том, что именно кастильский язык является торжествующим соперником валенсиано, неуклонно вытесняющим его из всех областей общественной и даже частной жизни, и что это наступление обеспечено полной поддержкой государства, установившего монополию кастильского языка в официальной сфере. Именно он фигурирует как престижный, как язык культуры и образованности, литературы и делопроизводства, школы и церкви. В итоге к началу «возрождения» средний валенсиенец практически не умел ни читать, ни правильно писать на валенсиано³⁴. От него отказались не только интеллигенция и власть имущие, но и часть народа. Однако и в отношении оставшейся части не следует питать иллюзий, и было бы ошибкой считать, например, земледельцев более приверженными родному языку из-за того, что они сохраняют его в быту: это значит лишь, что они «не имели случая отказаться от него»³⁵. Ведь упоминается же по другому поводу, что крестьяне, говорящие на валенсийском

языке в своем селении, за его пределами немедленно переходят на кастильский³⁶. Сами многочисленные призывы к языковому возрождению, с которыми выступает «Валенсиа Культураль», строятся таким образом, что становится очевидной непрестижность валенсийского языка, его низкий социальный и культурный статус. Не раз и не два с упрехом и горечью говорится о «предрассудках» в отношении валенсиано, от которых не готова еще отказаться местная интеллигенция³⁷, о необходимости переориентировать сознание людей, убедить их, что сегодня знание и использование валенсийского языка вполне может считаться признаком культуры³⁸ (здесь явно подразумевается «в отличие от того, что было вчера»). Даже объявление о языковых курсах выглядит как реплика в споре с теми, кто настроен пренебрежительно: «Говорить по-валенсийски — это поистине элегантно, если говорить хорошо!» Наконец, очень показательно, что журнал такой направленности выходит почти целиком на испанском (кастильском) языке; лишь отдельные сообщения, короткие очерки, объявления набраны по-валенсийски. Примечательна форма подачи информации: под фотографиями с изображением сцен традиционного праздника подписи на валенсийском языке, при том что текст, который иллюстрируется этими фотографиями — на испанском. С каждым номером, правда, валенсийскоязычных публикаций становится все больше, читателей как бы приучают к ним, но кастильский язык не теряет своего преобладающего положения.

Очень многие валенсийцы, предки которых, а то и родители говорили по-валенсийски, теперь кастильскоязычны. «Прискорбен тот факт, что многие валенсийские молодые люди, особенно дети из обеспеченных семей городов Валенсии и Аликанте (наиболее крупных и значительных в регионе. — А. К.), не владеют валенсийским языком как родным, так как их родители с детства говорят с ними по-кастильски»³⁹.

Доводы, которыми «значительная часть валенсийцев» объясняет неуважение к языку предков и переход или стремление перейти на кастильскую речь, таковы: диалектный характер валенсиано, т. е. его неофициальность; малоупотребительность, малораспространенность, диктующая выбор в пользу одного из крупных языков, например кастильского; опасение оказать дурную услугу своим детям, которые, изучив в качестве основного языка валенсиано, не научатся как следует гораздо более необходимому кастильскому; плебейский характер валенсиано, его несовместимость с современной культурой⁴⁰.

Отход от родного языка может рассматриваться как одно из наиболее очевидных проявлений общего угасания валенсийского культурного, исторического своеобразия, утраты валенсийской общностью своего лица. Главное, что особенно удручает активистов «возрождения», — утрата валенсийцами стремления сохранять эту самобытность облика. Как сказано в одном из первых номеров «Валенсиа Культураль», у валенсийского народа «нет ясных идей

относительно своей сущности. — А. 51). Именно поэтому он так легко отказывается от того, что составляет эту сущность: от своей традиционной культуры и своего родного языка.

Суровость языковой политики центра ощущалась на протяжении долгого времени после окончания войны, хотя есть мнение, что франкистский режим проявлял некоторую снисходительность к «фольклорному валенсианизму» правого толка. Лишь в 1950 г. увидела свет «Грамматика» видного валенсийского ученого Санчиса Гуарнера, благодаря которой у его земляков появилась возможность изучать свой родной язык, разумеется, неофициально. В следующем, 1951 г. (по другим сведениям — двумя годами раньше), в рамках общественной культурно-просветительской организации консервативной направленности «Ле Рат Пенат» были впервые после войны организованы курсы валенсийского языка. Все это выглядело в то время исключением из общего правила, поскольку мало кто решался что-либо делать в том же направлении. Число учеников на языковых курсах оставалось сравнительно небольшим, хотя и возрастало год от года: в 1952/53 учебном году — 180 человек; в 1954/55 г. — 201 человек, в 1959/60 г. — 324 человека⁴².

Вместе с тем еще в 1942 г. в одном из местных издательств начали понемногу выходить книги на каталанском языке⁴³, что говорит о существовании своего рода брешей в стене запретов, которые, судя по всему, не меняли общую негативную ситуацию каталанского языка в Валенсии.

Лишь с начала 60-х годов позиция властей как будто несколько смягчилась, и на смену неприятию пришла относительная терпимость.

Как мы помним, единомышленники «Валенсия Культураль» придают большое и даже определяющее значение самобытности валенсийской региональной общности. Отношение к ней со стороны центральной власти неоднократно затрагивалось на страницах журнала. Авторы выражают свое несогласие с тем, что, в частности, в результате «печального недоразумения» или непонимания, вместо названий «Валенсийское королевство» и «валенсийцы», уходящих корнями в далекое прошлое и точно отражающих суть «и нашей земли, и нас самих», используются термины «Левант» и «левантинцы», характеризующие Валенсийскую землю как «простую географическую местность» на востоке Испании⁴⁴. Речь идет, конечно, именно об официальной терминологии, принятой, само собой, и в школьном обучении, и стоящей за ней административной практике. Но дело тут не просто в замене одного наименования другим, хотя и это нарушает многовековую традицию и может восприниматься народом или какой-то его частью весьма болезненно (вспомним, например, об историческом контексте названий «Украина» и «Малороссия» для обозначения одной и той же страны). В случае с Валенсией произошла подмена понятий, дающая основание говорить о посягательстве на сущность исторической валенсийской общности, об игнорировании ее самобытности, ведь термин «Левант» включил «чуждые для

Валенсийской земли» территории — провинции Мурсия и Альбасете (население которых, добавим здесь, исконно говорит на кастильском языке и которые ныне входят в состав разных автономий: Мурсия и Кастилия-Ламанча). Валенсия тем самым как бы растворилась в более крупном территориальном подразделении.

Таким образом, испанское правительство в первые десятилетия после утверждения Франко у власти отказывалось признавать не только языковую, но и региональную самобытность отдельных групп населения страны, и Валенсия здесь не была исключением. Но справедливости ради надо сказать, что такая политика не была чем-то уникальным в истории Испании. Тот же Фустер в своей книге, избегая прямых выпадов в адрес франкистского режима (не следует забывать, что его работа была издана в 1962 г.), утверждает, что деятельность многих испанских правительств на протяжении столетий была так или иначе направлена на ослабление «каталанского элемента» Валенсии и усиление кастильского⁴⁵. Результатом стала постепенная, но повсеместная и глубокая кастельянизация валенсийского общества. И значит, при всем том огромном значении, которое имела для развития валенсийцев политика властей, их этноязыковый облик к началу 60-х оказался результатом значительно более широких и долговременных процессов, нежели те, что происходили с 1939 г.

«ВАЛЕНСИЙСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» И БОРЬБА ВОКРУГ НЕГО В МЕСТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Можно предположить, что именно долговременная насильственная — во имя определенных идеологических постулатов и политических принципов — деформация естественных процессов в этноязыковой сфере и привела к тому, что на поверхности общественной жизни оказались столь противоречивые факты и явления, не дающие возможности составить ясную и определенную картину положения дел. Ослабление в начале 60-х годов жесткого политико-идеологического контроля, связанное с новыми тенденциями в экономике, неизбежно должно было привести к резкой активизации всех дремавших до той поры в недрах общества сил и направлений. А в возникшей сумятице те из них, за которыми стояли реальные влиятельные тенденции социально-культурного развития, перемешались со случайными, конъюнктурными и спекулятивными. Если это так, то за прошедшие с того времени 30 лет, включающие и годы автономии, дело должно было, казалось бы, проясниться. Но и сейчас журналисты и исследователи-очевидцы задаются все тем же вопросом: кто же перед ними? Что представляет из себя та общность, частью которой являются они сами, по их же собственному неожиданному определению, «так называемый (валенсийский) народ: «Испанцы из Валенсии, забытые Мадридом? Каталонцы, не любящие родственников? Беспутные валенсийцы, обуреваемые националистическими сомнениями?»⁴⁶.

Вот каков спектр вариантов, может быть, несколько упрощающих существующие концепции, не исчерпывающих всего их многообразия, но в целом дающих представление об основных трактовках ситуации и основных течениях в культурно-языковом развитии местного общества. Кроме того, они во многом подтверждают то, что выявилось в результате нашего знакомства с ситуацией начала 60-х годов. Такое сочетание различных тенденций в одном и том же обществе дало основание уже в наши дни говорить о нем как о «беспозвоночном» и разнородном⁴⁷. Вместе с тем практически все авторы, как бы по-разному, нередко едва ли не противоположным образом они ни трактовали ситуацию, сходятся тем не менее на восприятии валенсийцев как народа, единого целого, сила внутреннего сцепления которого выше, чем силы, разъединяющие его составные части.

Все это время в Валенсии проходили жаркие дискуссии по нескольким взаимосвязанным проблемам. Прежде всего речь шла о языке. Продолжался спор о его названии: каталанский или валенсийский? Санчис Гуарнер указывал, что валенсийцы в целом сопротивляются принятию названия «каталанский» для своего языка, поскольку «отвергают все, что не носит подчеркнутых знаков уважения к их региональным особенностям»⁴⁸. В предисловии к историческому исследованию своего земляка он указывает, что название родного языка являет собой для валенсийцев «серьезную ономастическую проблему»⁴⁹. В литературе и печати, местной и центральной, для языка некастильскоязычных валенсийцев употребляются оба термина. В ходе утверждения автономного статуса Валенсии возобладал термин «валенсиано», который был таким образом узаконен.

Однако спор на этом не был закончен, так как для очень многих «валенсиано» означает всего лишь местное название каталанского языка, или его диалект, на котором говорят жители региона Валенсия. Тот же Санчис уверенно писал еще в 30-е годы, что валенсийцы, борющиеся за «региональное» название языка, ни в малой степени не отрицают языковое единство Валенсии, Каталонии и Балеарских островов⁵⁰.

Во второй же половине нашего столетия для определенной группы валенсийцев иное, чем в Каталонии и на Балеарах, название местного языка, закрепленное в официальных документах, означает безусловное признание его самостоятельности, полной независимости. Апелляция к региональной конституции стала одним, но не единственным из аргументов этих людей в их спорах с оппонентами. Начиная с 60-х годов широкой общественности становятся известными результаты исследований различных ученых — лингвистов и историков, полученные в прежние, иногда отдаленные годы и остававшиеся до того по преимуществу достоянием академической науки. В политике стали использоваться те научные материалы, которые были призваны доказать изначальную неродственность валенсийского и каталанского языков.

Такова, например, концепция происхождения валенсиано непосредственно от языка мосарабов — христиан, живших на подвластных мусульманами землях и говоривших якобы в быту на самостоятельной разновидности романской речи, восходящей ко временам доарабской Испании.

Другой вариант той же идеи о языковой непрерывности на территории Валенсии и, следовательно, самостоятельности валенсиано таков: пусть мосарабов не было на валенсийской земле к моменту ее отвоевания (есть историки, настаивающие на этом обстоятельстве), зато сами мавры, как известно, в значительной своей части бывшие потомками местных жителей, принявших ислам, употребляли в быту романский язык (романсе), оставляя за арабским лишь сферу официальной и культовой жизни⁵¹. Собственно, признание того или другого обстоятельства в прежние времена вовсе не влекло за собой далеко идущих выводов. Санчис, позиция которого относительно соотношения валенсиано и каталан нам известна («Лингвистическая история Валенсии может быть резюмирована в нескольких словах: язык валенсийцев — романский и каталанский»), считал тем не менее, что валенсийские мосарабы сохраняли свою романскую речь до прихода конкистадоров Хайме (Жауме) I. Для ученого из этого факта вытекает лишь констатация существенного влияния романсе на принесенный с севера каталанский, в результате чего последний приобрел облик, характерный для нынешнего валенсиано, но не изменил своей сущности. Для его оппонентов, однако, подтверждение непрерывности существования в регионе с домусульманских времен и вплоть до рсконкисты романоязычного анклава — ясное доказательство их правоты, законности их претензий на самостоятельность валенсиано по отношению к каталанскому.

Языковые валенсийские «изоляционисты» постоянно ссылаются на высказывания видных деятелей культуры и науки Испании об особом характере валенсиано, его яркой индивидуальности, толкуя эти слова, разумеется, в свою пользу⁵². Полностью аналогичной представляется им ситуация с португальцами и галисийцами; однако тем, по словам валенсийских изоляционистов, позволено называть свой язык и свою культуру так, как они хотят, и в подавляющем большинстве случаев признается существование галисийцев наряду с португальцами.

Кроме вопроса о названии местного языка и его статуса относительно каталанского — валенсийский вариант или самостоятельный, в Валенсии с 60-х годов широко дебатировались вопросы происхождения коренных валенсийцев. Кто является предками нынешних обитателей региона? Разумеется, проблемы этого рода тесно связаны с предыдущими. Те, кто считает, что валенсиано восходит непосредственно к романсе мосарабов или даже какой-то части мавров, именно в них, естественно, и видят предков нынешних валенсийцев. Тем самым они отказываются признать свое проис-

хождение от каталонцев, заселивших, как принято считать, регион в ходе Реконкисты и в последующие годы. Для доказательства привлекаются данные о том, что якобы в составе войск Хайме — завоевателя Валенсии — выходцы из Каталонии составляли всего около двух процентов. Этот факт, по мнению валенсийских антикаталонистов, бесспорно опровергает утверждение о каталонском происхождении их земляков. Ведь не могла столь ничтожная кучка пришельцев всерьез рассматриваться как прародитель целой региональной общности, при том, что весь массив коренного населения сохранился на исконных местах своего обитания. К тому же «неграмотные наемники» не сумели бы научить множество жителей вновь образованного королевства говорить и читать по-каталански, да еще так, чтобы те постепенно отказались от своего родного романсе. Заселение с севера, из Каталонии, валенсийских земель не было сколько-нибудь значительным и не сыграло в формировании их населения не то что решающей, но вообще какой-либо заметной роли, — считают противники концепции каталонских корней нынешней валенсийской общности⁵³.

Из вышеприведенного совершенно ясно, что для сторонников обрисованной нами позиции абсолютно неприемлемо применительно к Валенсии название «каталонцы». Равным образом они решительно отвергают любое название для своего региона, которое не то чтобы объединяло его с Каталонией и другими каталаноязычными землями Испании и других государств, но даже содержало в себе претензию на особые связи этих областей. В указанном смысле обычно употребляется термин «Каталанские земли», подразумевающий соответственно для Валенсии название «Валенсийская земля», — и против него ожесточенно борются валенсийские изоляционисты («мы, валенсийцы, — не каталонцы!»), отстаивая взамен названия, подчеркивающие самобытность, такие, как «Валенсийское королевство», «Валенсийское сообщество» и др.⁵⁴

Понятно, что для людей, исповедующих такие взгляды (об их действиях мы будем говорить ниже), и речи не может быть о том, что валенсийцы — все жители региона или какая-то их группа — составляют подразделение, часть иной, более крупной, общности, а именно — каталонской, будь то в языковом, культурном, генетическом или любом другом отношении.

Неоднородность движения за поддержание местной языковой специфики в Валенсии проявилась еще в XIX в. В первой трети нашего столетия окончательно определились, с одной стороны, тенденция ориентации на общекаталанское языковое единство, и прежде всего на Каталонию с ее достижениями в борьбе за поддержание и укрепление своей культурной самобытности, на языковую реформу, проводившуюся тамошними учеными и просветителями с целью поставить каталанский язык на уровень требований современной (для той эпохи) культуры; с другой стороны, более отчетливо дала о себе знать тенденция валенсийской языковой самобытности, ориентации на тот народный

язык, который сложился в городах области к этому времени и нес на себе в большой мере печать отсутствия литературной нормы и сильнейшего воздействия кастильского языка. После долгих и бурных споров, дискуссий, попыток создания собственных нормативов к 1932 г. подавляющее большинство культурных учреждений, обществ и издательств Валенсии приняли орфографические нормы, представлявшие собой адаптацию к местным особенностям того, что было сделано в сфере языка в Каталонии⁵⁵. В настоящее время, как бы на новом витке истории страны, старый спор продолжается.

Лингвистическая разнородность валенсийского общества, однако, определяется не только конфликтом двух по-разному ориентированных частей одной валенсианоязычной общины — какое бы значение ни вкладывалось в термин «валенсиано». Как мы помним, в пределах региона существует обширная территория (западные, относительно менее населенные районы, около 42% общей площади Валенсии), на которой обитает около 12% всего населения «королевства»; исторически, исконно эти люди кастильскоязычны. Но ведь и в восточной, исторически валенсианоязычной части Валенсии, где проживает подавляющее большинство жителей региона, уже давно нет языкового единства. Если первое, «территориальное», разделение воспринимается многими из тех, кто пишет о нем, как естественное, так сказать богом или историей данное, то второе трактуется уже как драматичное, болезненное. Ведь речь идет о «природных», коренных валенсийцах, принадлежащих к тому же в значительной своей части к наиболее влиятельным, обеспеченным и образованным слоям общества, которые сознательно отказались от языка предков. Их антиваленсийское (антикаталано-валенсийские) установки в вопросе о языке имеют своим источником, по мнению некоторых исследователей, глубокие социальные противоречия, разделяющие валенсийское общество. Еще в давние времена местная аристократия, желая отделиться от народа, стремилась в «своей сервильности» усвоить язык королевского мадридского двора. Во второй половине прошлого века на уже проторенный путь обособления от своих земляков встали буржуазные слои, быстро обогатившиеся в результате социально-экономических трансформаций того времени. Таким образом, предпочтение кастильского языка местному в валенсийском обществе опирается на старую традицию и коррелируется с его социальной структурой, а также, как мы увидим в дальнейшем, и с политической ситуацией.

Из высказываний ряда авторов вырисовывается довольно любопытная картина. В прошлом — в том числе и в прошлом веке — культурно-языковые процессы как бы разделили валенсийское общество на тех, кто участвовал в «возрождении», и тех, кто оставался в стороне от него (хотя в среде самих участников, как мы уже упоминали, существовали два основательно отличавшихся течения). Линия разграничения проходила между ассимилированными, в данном случае кастельянизированными, валенсийцами и теми их зем-

ляками, которые стремились сохранить родной язык в той или иной форме. Представление о таком соотношении позиций, о такой форме конфликта существовало до самого последнего времени. Еще в 60-е годы валенсийцы, боровшиеся за местный язык, упрекали своих соседей-компатриотов в «сукурсализме» («sucursalismo»), т. е. в том, что они выступают в роли своего рода «периферийных кастильцев», провинциалов по отношению к Мадриду, рабски копирующих все, что исходит от политического центра страны, носителей и проводников чуждого для восточной части региона и разрушающего его самобытность кастильского языкового влияния. Те же, в свою очередь, обвиняли своих оппонентов в ориентации на Каталонию, в слепом подражании чуждым, исходящим из другого региона образцам, в вольной или невольной игре на руку «каталонскому империализму». Конфликт, таким образом, трактовался некоторыми как столкновение «эспаньолистов» с «каталонистами». Но мы помним, что «каталонисты» — лишь одно из течений в рамках тенденции, носители которой ориентируются на возрождение местного языка. Сторонников второго течения можно было бы, очевидно, обозначить как «валенсианистов». Подчеркнем, однако, что речь идет у нас сейчас лишь об отношении к языку. Итак, три группы в составе валенсийского общества, три позиции в языковом вопросе (отметим, что мы говорим лишь о тех, кто активно выражает свою точку зрения, отстаивает ее и предпринимает какие-то реальные действия для ее защиты и утверждения в жизни): кастельянизированные жители Валенсии; валенсийцы, говорящие или стремящиеся говорить на языке своих предков и ориентирующиеся на лингвистическое единство всех каталаноговорящих; валенсийцы, отстаивающие самобытность своего языка и от кастильского, и от каталанского.

Эти три позиции, так сказать, осознанные; для их защиты привлекаются различные аргументы, оппоненты оспаривают доводы друг друга. Мы и выявить их смогли лишь потому, что они заявляют о себе и друг о друге, оценивают позиции — свои и своих оппонентов. Но совершенно неясно, каково влияние каждого из этих направлений в валенсийском обществе. Сведения запутаны и противоречивы, не говоря уже о том, что их просто недостаточно. Мало того, картина, судя по всему, еще и далека от стабильности, в ней происходят изменения. Тот же автор, который с горечью поведал о не владеющей языком своей родины валенсийской городской молодежи, указывает тем не менее что многие молодые люди, «взрослея, приобщаются к языку своей земли, сначала слыша его, а затем обучаясь говорить на нем»⁵⁶. Мы помним, кроме того, что возрожденцы начала 60-х годов жаловались на пассивность «рядовых валенсийцев» в языковом вопросе. В то время, если судить по высказываниям публицистов-современников, весьма основательная доля валенсийцев, если не подавляющее большинство, не дорожила своим языком и не принимала никаких шагов с целью его поддержания. Потому возрожденцы и пытались апеллировать к «гражданскому сознанию»

...идеологическую работу по изменению отношения к родному языку. Активность выразительно обозначенных трех направлений в многом стимулировалась потребностями борьбы за численно преобладающую неопределившуюся массу.

С лингвистическим разделением на носителей кастильского и местного языков ситуация достаточно ясна. А вот как быть с теми, кто отстаивает местный язык, но придерживается при этом разных ориентаций («автохтонисты-изоляционисты» и «каталонисты»)? Они говорят на одном языке или нет? Ведь эти люди земляки, соседи, часто родственники... Интересно, что взгляды обеих этих групп на данную проблему в определенном смысле совпадают. Так, в письмах в редакцию журнала «Камбио 16» языковая ситуация трактуется следующим образом: спор в Валенсии идет не между кастильскоязычными обитателями. Здесь сплотились те, кто говорит по-кастильски, и те, кто говорит по-валенсийски, против тех, кто хочет навязать каталанский язык. А на каталанском здесь никогда не говорили, он чужд Валенсии⁵⁷.

Идеологические соперники сторонников языковой самостоятельности валенсиано, в свою очередь, в письмах в тот же журнал, отстаивая известную позицию о валенсийском как разновидности каталанского, объясняют, что все утверждения «изоляционистов» зиждется на одном-единственном фальшивом основании: отказе от языковых норм, рабском копировании на письме насыщенной кастельянизмами разговорной речи⁵⁸, фактически — на следовании нелепой установке «пиши, как хочешь». Как и их оппоненты, они настаивают на том, что в Валенсии имеются только два языка, но это кастильский и каталанский⁵⁹. И подобно тому, что мы сообщали о движении между двумя общинами — носителей кастильского и местного языков — есть, хотя и минимальные, буквально на единичном уровне, свидетельства о движении между двумя валенсианоязычными тенденциями (напомним, что термин «валенсиано» признается и теми и другими, но содержание они вкладывают в него различное). Так, известно, что один из активистов «языкового валенсианизма», участник и организатор многих акций против «навязывания чуждой валенсийцам каталанской речи», Карлос Ресио, покинул в один прекрасный день лагерь своих сторонников, обратился в «лингвистический каталанизм» и даже выступил на Втором международном конгрессе каталанского языка в 1986 г. с покаянной речью.

«Языковый расклад» в Валенсии 60-х — начала 90-х, воссоздаваемый по данным научной литературы и печати, будет неполным, если мы не включим в него ту группу, которую стали упоминать все чаще в литературе и прессе, что, очевидно, отражало возрастание

* Это является продолжением давней традиции: ведь еще в XVII—XVIII вв. «многие валенсийцы стремились утвердить независимость валенсийского языка от каталанского на основании большого проникновения кастельянизмов в валенсийский язык», а для 20—30-х годов исследователь-филолог указывает как наиболее серьезную проблему «податливость, с которой валенсийские писатели-популисты (т. е., видимо, пишущие для народа на понятном ему языке. — А. К.) принимали кастельянизацию»⁵⁸.

ее значения именно в языково-культурной сфере. Речь идет о мигрантах, во всевозрастающих количествах прибывавших в это время на территорию региона, главным образом в прибрежную, наиболее промышленно развитую, урбанизированную и посещаемую туристами зону — в районы расселения все тех же валенсианоязычных граждан. Процент приезжих, оседавших, как правило, в городах, в общем числе населения оказался мало-помалу весьма значителен, а то обстоятельство, что они прибывали почти исключительно из кастильскоязычных областей Испании, не могло не повлиять на общую языковую ситуацию, во всяком случае оно стало фактором, с которым нельзя было не считаться.

Таким образом, в пределах региона Валенсия мы наблюдаем, на базе всего двух распространенных здесь языков, очень непростую расстановку общественных сил. Даже из приведенного достаточно поверхностного обзора очевидно, что многое зависит от социально-политических условий и неизбежно должно измениться с изменением этих условий. По-видимому, так оно и происходило, иначе трудно было бы объяснить отмеченную наблюдателями из стана каталонистов «регионализацию» валенсийских эспаньолистов — тех людей, для которых до сих пор единственным образцом для подражания был Мадрид, в том числе его язык и культура. С подъемом регионального движения, а затем с развитием автономного процесса стало очевидно, что прежние откровенно промадридские позиции ведут к полной потере влияния в региональном обществе, и им на смену пришлось подчеркнутое «валенсийство». В этом переходе можно видеть и своеобразную компенсацию утраты монополии кастильского языка с изменением общегосударственной политики (распад франкистского режима). Кастильский язык теперь не был здесь защищен мощью государственного аппарата в такой степени, как раньше, зато деятельность каталонистов расширялась и множилась, приобретая все новые аспекты. Именно здесь можно видеть причины сближения кастильскоязычных валенсийцев и сторонников независимого валенсиано. Возникла почва для этого. Вторые всегда отстаивали свой «особый путь», «особый взгляд», первые же увидели в новых условиях угрозу для своего кастильскоязычия. Защищаясь от «каталанского языкового империализма», они отстаивали право сохранить свой языковой облик. К сожалению, никакими данными, позволяющими исследовать процесс эволюции двух течений — кастильско- и валенсианоязычного — в сторону их сближения, мы не располагаем.

В качестве фактора, изменение которого должно было с неизбежностью повлечь за собой изменение лингвистической ситуации в Валенсии и повлиять на языковые процессы, уверенно обозначила себя государственная политика, либо благоприятная развитию какого-то языка или обоих бытующих здесь, либо, напротив, враждебная такому развитию. После образования автономного сообщества возросла роль местного регионального руководства. К нему и переходят в значительной мере рычаги влияния на языковую ситуацию.

Конечно, здесь дело не только в запростительных мерах, но и в том, что именно и в какой форме будет разрешено. В этом смысле особое значение приобретает установление места каждого из языков Валенсии в официальной жизни (прежде всего в делопроизводстве), в школьном деле, в средствах массовой информации.

В 40—50-е годы в Валенсии, как и во всей стране, кастильский язык господствовал. Выход валенсийских книг в местных издательствах, разрешение на частное преподавание валенсиано в немногих центрах с ограниченным несколькими десятками, пусть даже сотнями, числом учеников, мало, конечно, меняли ситуацию в масштабе всего регионального общества, но зато таким образом почти непрерывно как бы поддерживался образец, ориентир. «Норма стала мощно воздействовать на недисциплинированность (в сфере орфографии и синтаксиса. — А. К.) валенсийских авторов»⁵⁹.

Те курсы, которые организовались на основе частной инициативы в 50-е годы, и те книги, которые начали выходить здесь несколькими годами раньше, могли соответствовать только нормам, принятым в 1932 г. на основе реформы каталанского языка, проведенной известным языковедом Помпеу Фаброй. Учет некоторых региональных особенностей и тогда, и в дальнейшем, когда началось культурно-лингвистическое «возрождение», не менял принципиально характера языка, поскольку был предусмотрен теми же общекаталанскими нормами⁶⁰. Под названием «валенсиано» все более активно и широко в Валенсии и в 60-е годы культивировался именно каталанский язык. В этом процессе следует отметить еще несколько моментов, представляющих интерес для нас. Речь идет о контактах между валенсийцами и каталонцами, в которых отнюдь не последнее место занимали вопросы обучения каталанскому языку. Есть сведения, что связи преподавателей из обоих регионов были весьма тесными, что естественно, поскольку в Валенсии в отличие от Каталонии не было сколько-нибудь серьезной традиции обучения ни своему языку, ни тем более на своем языке⁶¹. Именно из среды молодых учителей вышла в 1964 г. декларация о «национальном возрождении валенсийцев».

На рубеже 50—60-х годов здесь возникло «молодежное движение в поддержку культурного единства» с каталаноязычными жителями Принципата (Каталонии) и Балеарских островов. Уже тогда группа валенсийцев отправилась в Каталонию для изучения «механизмов национальной борьбы и контактов с ее участниками». В сентябре 1960 г. возникла политическая группа, оформившаяся затем в региональную партию социалистического направления и приступившая к выпуску печатных изданий как подпольных, так и легальных, предназначенных для отдельных комарк. К середине десятилетия эта партия создала базу для упрочения каталаноязычной культуры в Валенсии, в том числе — Центр валенсийской книги, знаменитое издательство «Трес и Куатре» с сетью книжных магазинов, ставшее комплексным культурным учреждением (курсы каталанского языка, обучение пению на нем, каталаноязычные театральные постановки

и т. д.)⁶². Под влиянием движения «Новая каталонская песня», родившегося в соседнем регионе в 50-е годы, здесь в следующем десятилетии возникло аналогичное: «Новая валенсийская песня»⁶³.

В валенсийских библиотеках появлялось все больше книг из Каталонии. В 1961 г. были организованы курсы каталанского языка при Валенсийском университете (такой термин для обозначения языка при данных обстоятельствах был употреблен тогда впервые)⁶⁴. В начале 70-х годов в городе Валенсия были учреждены ежегодные октябрьские конкурсы на лучшее литературное произведение на каталанском языке. Большинство участников были местными уроженцами, но немалое число прибывало из других регионов страны и даже из-за рубежа⁶⁵. Таким образом, «каталонистская» тенденция обнаруживает отчетливую связь с другими каталаноязычными регионами, и прежде всего — с Каталонией, где движение языкового «возрождения» добилось наибольших успехов; обнаруживает очевидное стремление развиваться в общем русле каталанского языка, решительно переходя от общих деклараций к делу.

Второй момент, заслуживающий внимания, — это условия, в которых развивалось языковое каталонистское движение (называя его языковым, мы несколько сужаем его реальное содержание, которое включает и другие аспекты культуры, где язык тем не менее остается основным, главным элементом). Терпимость франкистских властей имела свои пределы, и недоброжелательство то и дело проявляло себя, например, в огромных штрафах, которым подвергались организаторы уже упомянутых «октябрьских конкурсов», не говоря уже о замалчивании прессой этих и других, подобных им, мероприятий⁶⁶. Правда, в середине 70-х годов положение несколько смягчилось, местные власти (провинциальная депутация Валенсии) начали оказывать помощь в организации обучения каталанскому языку в частных школах. В 1974 г. были впервые организованы уже официальные курсы каталанского языка при Валенсийском университете. В 1975 г. обучение каталанскому языку было включено в государственную программу повышения квалификации учителей и т. д.⁶⁷

И вот здесь мы приходим к интересному вопросу: «каталонистская» тенденция в возрождении местного языка в Валенсии, казалось бы, вполне проявила себя, а как же их оппоненты, языковые «изоляционисты»? У нас есть сведения, что действия, высказывания, идеи валенсийских языковых «каталанистов» почти с самого начала их активизации вызвали противодействие не только властей, но и оппонентов в рамках самого валенсийского общества. Даже упомянутое нами выше употребление термина «каталан» для курсов местного языка при университете было немедленно оспорено многими «старыми валенсианистами»⁶⁸. Сразу после выхода в свет первого издания книги Фустера — виднейшего для того времени валенсийского «каталаниста» — развернулась широкая кампания, враждебная этому автору, свособразной кульминацией которой стало торжественное сожжение его изображения на знаменитых «фальяс»⁶⁹. На

издательство «Трес и Куатре» неоднократно совершались нападения, его магазины подвергались разгрому. Диапазон враждебных акций был весьма широк, от угроз безопасности и поношений в печати, до взрывов бомб⁷⁰ и физического насилия⁷¹.

Что же могли противопоставить «каталанистам», с их моделью развития валенсийского языка, их идейные противники из лагеря языковых «изоляционистов»? Есть сообщение, что, когда в 1976 г. культурно-просветительское общество «Ле Рат Пенат» (которое еще в начале 60-х годов Фустер упрекал в консерватизме) перешло в руки ярых регионалистов-изоляционистов, курсы валенсийского языка, проводившиеся с начала 50-х годов, прекратили свое существование⁷². Тем временем в регионе уже велась подготовка к внедрению билингвизма (кастильско-валенсийского, причем последний воплощал собой каталанскую форму). С 1979—1980 гг. должна была начаться реализация принятого 23 августа 1979 г. декрета о билингвизме, но местная администрация в соответствии с политикой находившихся в то время у власти в стране правых центристов начала всячески тормозить уже подготовленные мероприятия. Предлогом послужил все тот же вопрос о самостоятельности валенсийского языка. Совет региона по образованию требовал, чтобы специальная комиссия решила вопрос о сущности валенсиано, и, если он будет признан особым, независимым от каталанского языком, для внедрения декрета о билингвизме понадобится выработать новую орфографию⁷³. Весной 1982 г. комиссия приняла орфографические нормы, выработанные в Академии валенсийской культуры, по определению валенсийского филолога-каталаниста, «не соответствующие никаким языковым и научным критериям». Эти нормы были приняты официально, вопреки многочисленным протестам огромного числа преподавателей и всевозможных научных, учебных и культурных учреждений, активно участвовавших в укреплении каталанской языковой модели. Было объявлено, что только теперь декрет о билингвизме и будет внедрен в Валенсии. При этом действительными (пригодными) признавались дипломы преподавателей языка, выданные как учреждениями, руководствовавшимися каталанскими нормами, так и языковыми «изоляционистами», в том числе Группой валенсианистского действия, по отзыву их противников — «частной организации, не имеющей ничего общего с академической жизнью». Последние организовали курсы для учителей и издавали книги по «своей особой орфографии», причем, как указывают их критики, «одна и та же книга могла отличаться в первом и втором изданиях»⁷⁴. Возникла необычная ситуация: внедрялись одновременно две нормативные системы одного и того же языка, одну из них власти поощряли, другую — тормозили. При этом вторая обладала значительно более развитой, разветвленной и авторитетной инфраструктурой, поощряемая же располагала, по имеющимся сообщениям, очень небольшим числом подготовленных преподавателей.

История не кончилась и на этом. С приходом к власти социалистов

в стране (1982 г.) и в области (1983 г.) колесо вновь повернулось в более благоприятную для «каталанистов» сторону. Новое валенсийское социалистическое правительство, при том что в автономном статусе сохранилось название «валенсийский язык», ввело в практику обязательное обучение местному языку по нормам, принятым в 1932 г., что знаменовало собой распространение на Валенсию реформы языка, родившейся в Каталонии. В ноябре того же 1983 г. региональный парламент, собравшийся в городе Аликанте, обсуждал проект закона об использовании валенсийского языка и обучении ему. В преамбуле констатировалась ситуация «диглоссии» (неравноправного двуязычия. — А. К.), в которой находится большая часть населения региона в результате трехсотлетнего угнетения валенсиано. Очень важно, что при этом были отвергнуты возражения и поправки оказавшейся в оппозиции правой партии Народный альянс, среди которых нужно отметить, во-первых, все те же утверждения о самостоятельной сущности валенсиано, а во-вторых, протест против обязательности обучения ему, поскольку это «дискриминирует» кастильскоязычное местное население⁷⁵. Тем самым на официальном уровне утвердилось одно из двух пониманий термина «валенсиано» как регионального названия для местного варианта каталанского языка; утвердился сам этот вариант, впервые за многие годы добившийся здесь реальной поддержки властей; было ясно продемонстрировано единство политических интересов носителей двух языковых тенденций: кастильской и «валенсийско-изоляционистской».

Разумеется, той или иной политикой властей языковая проблема не снимается. Мы видели, как в той же Валенсии в условиях монополии кастильяно возрождался и развивался местный язык. При неблагоприятной ситуации для защитников общекаталанской нормы (на рубеже 70—80-х годов) продолжались ее разработка и распространение, вплоть до подготовки все новых кадров преподавателей и внедрения в школы. И точно так же после принципиального выбора, сделанного региональным правительством, не сложили оружия ни сторонники самостоятельности валенсиано, ни кастильскоязычные приверженцы статус-кво. По имеющимся сообщениям, создается впечатление, что они выступают единым фронтом или, во всяком случае, заодно. Поэтому не очень понятно, какова та позитивная платформа, на которой они сходятся, ведь с негативной все ясно, она состоит в борьбе против «каталонского языкового империализма», противники характеризуются как предатели, подкупленные Барселоной, жертвы промывания мозгов или в лучшем случае невсжды⁷⁶. В свою очередь, аттестованные таким образом валенсийцы видят среди своих земляков — сторонников языковой самобытности как искренних людей, убежденных в своей правоте, так и тех, кто примкнул к ним с определенной целью⁷⁷, далекой от забот о судьбе валенсиано. По контексту ряда высказываний, да и по прямому смыслу некоторых из них можно заключить, что эти «недобросовестные валенсианисты» — все те же ассимилирован-

ные кастильскоязычные жители региона, именно в такой форме защищающие свое право не знать другого языка, кроме того, на котором они говорят.

Об этом как будто свидетельствуют сообщения о некоторых выступлениях в регионе. О требованиях в местном парламенте обеспечения прав кастильскоязычных валенсийцев в каталаноязычной зоне Валенсии мы только что упоминали. «Камбио 16» сообщает, что в восточных частях региона с изменением политики местных властей в сторону, благоприятную каталанскому языку, его изучение быстро расширилось (в 1983 г. им было охвачено около 60% учащихся, в 1987 г. — все 100%)⁷⁸. Из сообщений того же журнала мы узнаем о реакции на этот рост. Оказывается, многие ассоциации родителей из разных валенсийских провинций выступают против обучения их детей, как они заявляют, каталанскому, а не валенсийскому языку, да еще в ущерб кастильскому. Они настаивают на признании за ними права обучения их детей на том языке, на каком они хотят⁷⁹. Фотографии в другом номере журнала показывают нам демонстрацию родителей — главным образом женщин — в городе Валенсия под лозунгами: «Валенсиано — в школы!», «Нам хотят контрабандой навязать каталанский язык» и т. д.⁸⁰.

Широко пошло внедрение валенсийско-каталанского языка в средства массовой информации региона после 1983 г. Еще до того предпринимались небезуспешные усилия по созданию здесь сети частного радиовещания на каталанском языке, а в ходе реализации планов по созданию автономного валенсийского канала на местном телевидении было объявлено, что его передачи будут вестись на 70—80% на валенсиано, остальное время — на кастильском, в соответствии с представлениями авторов проекта о соотношении численности носителей двух языков в регионе⁸¹. Не дожидаясь становления автономного телевидения, местные «каталанисты» (языковые, естественно, речь пока идет только об этом) всячески способствовали сооружению на территории своего региона ретрансляционных установок, которые могли бы дать возможность принимать передачи уже давно функционирующего телевидения автономной Каталонии — так называемого TV-3 (третьего местного канала, помимо двух общегосударственных). Сторонники прихода в Валенсию каталонского телевидения выражали свою глубокую убежденность в том, что после того, как это произойдет, будет невозможно убедить кого-либо в принципиальном различии между валенсиано и каталан⁸². В кампанию внесла свою лепту и центральная печать: тот же «Камбио 16», один из наиболее популярных в стране общественно-политических иллюстрированных еженедельников, начал издаваться с июня 1988 г. на каталанском языке с тем, чтобы эта часть тиража распространялась в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах⁸³. Такого рода акции можно перечислять бесконечно, они определенно являются показателями продолжающегося в регионе в настоящее время мощного процесса возрождения каталанского языка, «пропитывания» им всех сфер внутренней жизни

общества. Дело явно идет к тому, чтобы номинально (т. е. исторически) каталаноязычную зону Валенсии сделать таковой фактически, во всяком случае к этому направлены усилия как властей, так и широких слоев и групп местного населения. Задача, разумеется, крайне сложна, и нельзя переоценивать успехи и недооценивать трудности на этом пути. Приходится преодолевать накопившиеся веками препятствия, предрассудки, инертность, бороться с откровенной враждебностью очень многих валенсийцев, не желающих «каталанизироваться»; приходится что-то делать с теми многочисленными группами, которые были изначально чужды по языку каталаноязычным валенсийцам — мигрантами-трудящимися последних десятилетий и живущими на своей земле исконно кастильскоязычными валенсийцами западных частей региона. Если раньше обстановка в области и в стране в целом никак не поощряла их к овладению иными, помимо собственного, языками, то теперь положение начало меняться, и стала вырисовываться проблема, требующая решения.

Мы, к сожалению, очень мало знаем о языково-культурных тенденциях на кастильскоязычных землях региона. В начале 60-х годов говорили о большой тяге тамошних обитателей к языку их валенсийских соседей, но так ли это, проверить трудно, и всегда есть сомнение: а вдруг перед нами лишь благие пожелания, стремление, пусть и невольное, выдать желаемое за действительное? Тем более что то время никак не располагало носителей официального языка государства и нации к изучению малопrestижного в плане социальном, политическом и культурном (на что жаловались тогда и сами деятели возрождения) языка. Для более позднего времени известны лишь отдельные штрихи, характеризующие опять же скорее позицию носителей валенсиано. Так, в середине 70-х, рассматривая присутствие многочисленных кастильскоязычных мигрантов как серьезный фактор лингвистической ситуации в Валенсии, один из исследователей социально-экономических процессов в регионе заявил о необходимости найти решение проблемы «по линии облегчения доступа этим (новым) валенсийцам ко всей полноте их гражданства к каталаноязычному обществу, языку и культуре Валенсийской земли»⁸⁴. А десять лет спустя мы узнаем о том, что установки для присма передач каталонского телевидения строятся и в кастильскоязычных районах Валенсии⁸⁵.

Что же валенсийские изоляционисты в этих условиях? Отметим, кстати, что наблюдатели относят обострение конфронтации между валенсийцами-«каталанистами» и их противниками ко второй половине 70-х годов. С приходом к власти социалистов насильственные акции здесь в основном прекратились, однако противостояние сохранилось. Оно проявляется теперь, в частности, в уже упомянутых митингах и демонстрациях и, более широко — в бойкоте мероприятий, которые представляются посягательством на их права. Языковые «валенсианисты» дают отпор всеми доступными им средствами. О том, что именно вызывает их негодование, можно судить и по

лозунгам на плакатах в руках демонстрантов и пикетчиков, на стенах зданий и прямо на асфальте, и по письмам в редакции периодических изданий. Так, подобно родителям некоторых школьников, борющимся против каталанского для своих детей, некоторые политические организации выступают против двуязычного обучения в Валенсийском университете, видя здесь опять же «протаскивание» каталанского языка на место, предназначенное для истинного валенсиано⁸⁶. Как и прежде, ими не остается незамеченным ни один случай пренебрежения термином «валенсиано» для обозначения языка некастильскоязычных валенсианцев, употребления вместо него названия «каталан»⁸⁷. Характерно требование переводить утренние новости, передаваемые на Валенсию по центральному радио, на валенсийский язык, подобно тому как они переводятся на каталанский, баскский и галисийский языки в соответствующих регионах и т. д.⁸⁸.

В качестве примера осуществляемых здесь обструкций можно привести эпизод с выступлением в городе Валенсия американского исследователя профессора Розенталя, переводчика на английский произведений средневекового валенсийского поэта Ж. Мартореля. Едва он произнес, что Марторель писал по-каталански, из зала на сцену ворвались «валенсианисты», которые развернули плакат: «Тирант Белый» (классическое произведение Ж. Мартореля, обессмертившее его имя. — А. К.) написан на валенсийском, а не на каталанском языке!»⁸⁹.

ОСОБЕННОСТИ И ВАРИАНТЫ САМОСОЗНАНИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

События в языковой, лингвистической сфере и внешне, и по сути составляют важную часть этнических процессов, идущих в Валенсии, но являются ли они их прямым аналогом? Можно ли прямо отождествлять картину языковой «раскладки» и межязыковых отношений, равно как и языковых процессов (или тенденций лингвистического развития) с этнической «раскладкой», межэтническими отношениями, этническими процессами? Зависимость между двумя рядами явлений, судя по всему, существует, но в том, каков ее характер, еще надо разобраться.

В нашем распоряжении есть два параметра для изучения этнической ситуации, которые в наибольшей степени обеспечены материалом: языковая ситуация и самосознание. Языковую ситуацию мы только что рассмотрели, разумеется, не во всем ее объеме, это потребовало бы большого всестороннего исследования, к тому же междисциплинарного, а главным образом в том аспекте, который позволил наметить несколько групп в пределах определенной совокупности населения (жителей региона Валенсия). Речь идет о группах, имеющих различный «языковой облик», а также по-разному ориентированных в языковом отношении. Их позиции, реальное языковое поведение, действия, сказывающиеся на лингвистической ситуации, наконец, их отношения между собой позволили нам

говорить о целом ряде общностей и категорий (не осознающих себя и не действующих как общности), на которые подразделяется население интересующего нас региона.

На очереди — воссоздание картины валенсийского общества с точки зрения его самосознания, выявление существующих здесь групп и категорий. Полученную таким образом картину будет интересно сопоставить с первой, построенной по принципу отношения к языку. Такой прием не ставит исследование с самого начала в зависимость от априорных рамок, дает возможность охватить весь имеющийся материал. В противном случае существует опасность того, что какая-то часть его останется учтенной. Это также позволяет избежать его неадекватной трактовки, когда происходит своего рода подверстывание, использование имеющихся данных для характеристики тех объектов, к которым они не имеют прямого отношения.

Возможно, правильнее всего будет начать с тех вариантов самосознания, которые включают местных жителей или какую-то их часть в более широкую общность. Характеризуя политику властей в области языка, мы уже отмечали, что она строилась на утверждении монополии одного из бытующих в стране языков, а именно кастильского (испанского). Как ни массивированна была эта деятельность, все же она составляла лишь одну сторону политики франкистов, направленной на утверждение единства всего населения страны. Известно множество лозунгов в обоснование борьбы за «монолитность» лингвистической основы испанского общества: «Одна родина, один язык, один меч!», «Мы должны ликвидировать все инородное!»⁹⁰. Но все это — во имя единства испанской нации, которая, по представлениям идеологов господствующей группы, включала всех граждан страны. В качестве терминов, характеризующих эту декларируемую общность, употребляется как слово «нация», так и «народ». Содержательную же сторону каждого из них выражает слово «испанцы», которое относится ко всем гражданам страны («Мы, испанцы, имеем счастье принадлежать к народу, призванному повелевать...» и т. д. в том же роде). При такой трактовке термина «испанцы» очевидно, что при Франко все жители Валенсии, независимо от языка, на котором они говорят, подходили под это определение. Не обращаясь специально к документам или воззваниям, исходящим от центрального правительства, мы на материалах самой Валенсии можем найти подтверждение установок властей, а также осмысления их местными авторами. На страницах той же подцензурной «Валенсиа Культураль» мы неоднократно встречаем вот такую расшифровку понятия «испанцы», вне всякого сомнения, согласующуюся с официальными постулатами: «политическое, национальное, социальное и духовное единство» всего населения Испании, «национальное сосуществование» всех живущих здесь народов. Именно в таком значении об «испанцах» говорится как о «национальной общности», и мало того: авторы неоднократно указывают, что собственные язык, обычаи и традиции ничуть не мешают жителям Валенсии

быть испанцами, например «валенсианство» не противоречит «испанизму», так как одно включает другое⁹¹. Очень примечательно, как в ряде случаев употребляется на страницах журнала определение «испанский» в применении к языку. Говорится, к примеру, о «двух испанских языках» — кастильском и валенсийском⁹², и это может означать лишь одно: языки всех групп населения, входящих в испанскую общность (в вышеприведенном смысле), трактуются как испанские.

Вполне перекликается с такой трактовкой известного термина и точка зрения Фустера, которого вряд ли можно назвать носителем господствующей идеологии, но который тем не менее недвусмысленно заявляет: «Мы, каталонцы (как мы помним, речь идет о каталаноговорящих жителях страны. — А. К.), — тоже испанцы», — и решительно выступает против претензий на монопольное владение названиями «Испания» и «испанцы» со стороны какого-то одного региона и его обитателей, прежде всего — Кастилии и кастильцев⁹³.

То, что сходная позиция выражена представителями соперничающих общественных направлений, заставляет отнести к ней со вниманием, а если учесть, что она просматривается и во взглядах других авторов, придерживающихся различных политико-идеологических ориентаций, можно попытаться сделать из нее ряд предварительных выводов и общего, и частного, применительно к жителям Валенсии, порядка:

декларируется иерархия общностей на территории Испании; общность наиболее высокого ранга включает, по-видимому, все население страны. Это и есть испанцы. А валенсийцы, какое бы содержание ни вкладывалось в этот термин, располагаются как бы ниже рангом и входят тем самым в состав «испанской национальной общности». Термин «нация», равно как и производные от него, в соответствии с вышеупомянутой трактовкой имеют иное значение, нежели привычное нам, и, что очень важно, не исключают этнической разнородности;

нам важно знать, каково самосознание жителей Валенсии, и мы, очевидно, имеем основание полагаться на мнения, высказываемые в печати с того времени, когда можно было уже не опасаться репрессий за «подрыв основ». Так вот применительно даже к середине и второй половине 80-х годов исследователи постоянно сталкиваются со свидетельствами огромного значения, придаваемого испанской общности в неофициальных кругах. У них в ходу выражения типа: «Мы, валенсийцы, — двуязычный народ, используем и любим как валенсиано, так и кастильяно; мы — и валенсийцы, и испанцы»⁹⁴. На фотографии в «Камбио 16» запечатлен манифестант, везущий на тележке тяжелый, по-видимому, плакат с лозунгом (кстати, на кастильском языке): «Испанцы — все, каталонцы — в Каталонии, валенсийцы — в Валенсии!»⁹⁵.

Для нас тут особенно интересно то, что убежденность в качественной однородности категорий «испанцы» и «валенсийцы», в их

соотношении как соподчиненных уровней единой иерархической системы характерна для носителей разных языков, разных культурно-лингвистических ориентаций, да попросту различных, с нашей точки зрения, этносов. Исходя из привычного нам понимания термина «испанцы» как названия определенного народа-этноса, можно было бы ожидать такой трактовки лишь от жителей западных, «испанских» земель в Валенсии да еще, может быть, от осевших там мигрантов из «испанских» регионов. Поскольку ситуация иная, остается предположить, что оба термина лишены этнического содержания. Вместе с тем известны попытки властей и стремление части местного населения наполнить термин «испанцы» какими-то элементами, которые мы назвали бы этническими. Речь идет, если иметь в виду позицию правительства, о желании внедрить как можно шире идею единообразия населения страны. Ведь не франкисты выдумали гонения на своеобразие испанских окраин, борьбу с «сепаратизмом»; они только усилили эту тенденцию, обострили и распространили ее на все доступные сферы общественной жизни. При этом ведь существовал определенный образец, который предлагался, а фактически навязывался в качестве эталона: кастильская модель. Еще в XVIII в. граф-герцог Оливарес проникся идеей видоизменить все местные учреждения и службы в пределах Испании (а разнообразие их было очень велико) по образцу Кастилии — доминирующей части страны, ставшей ее объединяющим центром. В дальнейшем была достигнута не только эта цель, но и другие, в этом же направлении. При Франко усиленно внедрялся язык одной группы и вытеснялись языки других групп. Правительство преследовало те народные традиции, праздники, манифестации, которые носили с точки зрения властей, подчеркнуто локальный, экзотичный, а значит, подозрительно сепаратистский характер. И стало быть, с одной стороны, нивелировалась специфика отдельных частей желаемого целого, а с другой — внедрялись какие-то элементы общей культуры, общей духовной жизни, призванные укрепить у населения ощущение его общности, единства, поддержать его сплоченность. В первую очередь, здесь нужно отметить деятельность по внедрению единого для всех языка, затем — навязывание одним и тех же официально-религиозных празднеств, а главное — внедрение в массовое сознание с помощью безраздельной монополии на идеологическую жизнь в стране, на школьное обучение, средства массовой информации и т. д., представлений о единстве происхождения всех «испанцев», общности их исторической судьбы, объединяющей их «миссии» в мировой истории. И конечно, представлений о том, что все различия в пределах общиспанской общности — это региональные, локальные особенности отдельных частей целого, ничуть не нарушающие его целостности. Мы помним, что валенсийский язык трактовался как местный диалект кастильского, а в 1940 г. было ширококатолично заявлено, что наряду с официальным языком государства существуют «особые языковые формы регионов и комарк», которые признаются властями в частной жизни⁶. Тем

самым власти стремились представить элементы специфики как местные формы существования единого целого.

Что касается движения «снизу», так сказать, встречного по отношению к упомянутой политике властей и преследующего — иными средствами — те же цели, то здесь можно говорить о тех группах валенсийского населения, которые как раз и усваивали предлагаемые им властями языковые, культурные и идеологические модели, или — если это усвоение произошло раньше — укреплялись в своей приверженности «центральный» образцам. Видимо, не случайно здесь выделяют категорию «эспаньолистов», о которой тот же Фустер говорит как о людях, самосознание которых включает две тенденции: они ощущают себя «периферийными испанцами», носителями общегосударственной официальной модели, но как бы второго сорта, и при этом они — и он видит в этом обратную сторону только что описанного ощущения — выступают как горячие, даже экзальтированные приверженцы местных, локальных форм, как дети своей «малой родины». Во всяком случае, именно в этих людях воплотилось — по внешней видимости — стремление государства создать однородную по основным культурно-языковым параметрам демографическую базу.

Переходя к следующим категориям, напомним, что, по бытующим у нас представлениям, большую часть коренного населения Валенсии составляют живущие здесь и говорящие по-каталански каталонцы. Надо сказать, что группа населения, самосознание которой базируется на этом постулате, в Валенсии имеется. Мы многократно встречаем в местной печати упреки и обвинения в адрес «агентов каталонского империализма». В ходе «лингвистической борьбы» в валенсийском университете («за» и «против» обязательных курсов на каталанском языке) одна из сторон использует лозунг: «Кто хочет испанского языка (именно в такой форме, а не с использованием более широко здесь применяемого термина «кастильский». — А. К.), пусть отправляется в Испанию!». Здесь произошла студенческая манифестация во главе с вице-ректором, участники которой сожгли государственный флаг Испании; раздавались требования независимости для Каталонских земель, крики «Валенсия — это тоже Каталония!»⁹⁷.

Демонстрации такого рода были отнюдь не единичны и не ограничивались рамками высших учебных заведений. Так, в декабре 1986 г. состоялась демонстрация в городе Валенсия, которую журналисты называли «панкаталанистской». Что же делают ее участники? Сжигают флаги, причем не только испанские государственные, но и Валенсийской автономии. Над головами манифестантов при этом развеваются знамена Каталонии и возвышаются плакаты: «Быть эспаньолистом — значит быть фашистом!». «Фашист» в данном случае просто ругательное слово, а «эспаньолист», по всей видимости, означает человека, ориентирующегося на испанские образцы — политические, языковые, идеологические.

Еще в середине 70-х годов здесь вышли на политическую арену

организации «радикальных националистов», как их называют в печати, левого и ультралевого направления, ставящие перед собой задачи в соответствии с вышеприведенными лозунгами. Продолжали эти и им подобные группы действовать и в дальнейшем. На листовках их единомышленников из Каталонии карта страны была представлена таким образом, что само слово «Испания» отсутствовало, а вся территория Испанского государства была поделена на четыре ареала, обозначенные как Галисия, Страна басков, Каталанские и Кастильские земли⁹⁸. Как видим, эта точка зрения наиболее близко подходит к нашей, привычной схеме с ее четырьмя народами-этносомами.

Из лозунгов и публичных акций сторонников этого направления можно сделать некоторые выводы об их самосознании. В его основе лежит представление о национальной общности тех, кто говорит на каталанском языке, где бы они ни жили. Земли их обитания составляют основу особого образования, имеющего право претендовать на самостоятельность, по отношению к которому Испания предстает чуждым началом. Мы уже упоминали о том, как ревностно относятся представители разных общественных течений и групп к тому, чтобы ни один регион, ни одна часть населения, ни один язык на территории страны не узурпировали названия «Испания», «испанцы», «испанский», принадлежащие всем без исключения. А вот сторонники рассматриваемой нами доктрины явно осознанно отделяют себя от всего испанского, и тем самым как бы устраниают один из возможных уровней самоотождествления — «общеиспанский», отказываясь в какой бы то ни было мере чувствовать себя испанцами. Для них это другой мир, другая страна. Одновременно, судя по отношению к валенсийской символике, они отвергают существование любых отличий каталаноязычных валенсийцев от коренных обитателей Каталонии, видя в них единый народ, а земли их обитания рассматривая как части так называемой Великой Каталонии, идея которой существовала с XIX в., но оживилась лишь в последние годы франкистского режима⁹⁹. Видимо, в этой среде находят для себя базу сторонники «единого народа из Каталонии», в том числе те из них, кто взял на вооружение террористические методы.

Интересно, однако, что Фустер, которого называют «интеллектуальным отцом литературного и националистического валенсийского каталаноязычного возрождения», творчество которого, как говорят, повлияло на два поколения валенсийцев¹⁰⁰, а именем — даже названо одно из двух наиболее влиятельных в регионе общественно-культурных направлений, рассматривает позицию тех, кто «форсирует сплочение Великой Каталонии», как недопустимую крайность¹⁰¹. В том, что он определяет себя не как «каталанист», а, скорее, как «панкаталанист», отразилась суть его взглядов, его самосознания¹⁰². Он, как мы помним, отстаивает генетическое и языковое единство всех каталаноговорящих жителей Испании и других стран и даже говорит обо всех этих людях как о «едином

народе». Язык для Фустера, по мнению его критика, «играет фундаментальную роль, так как... является результатом не только предшествовавшего единства, но и движителем будущего, источником новых связей в рамках общности»¹⁰³. Не случайно среди тех представителей молодого поколения, которые оказались под влиянием его концепции, резко усилился интерес к каталанскому языку, и многие из них составили в дальнейшем многочисленный отряд его исследователей, пропагандистов и учителей¹⁰⁴. Если согласиться с тем, что нация для Фустера — фактор прежде всего языка и культуры и только затем — сознания общности исторической судьбы в прошлом и совместных целей в будущем¹⁰⁵, то очевидно, казалось бы, что он, во-первых, иначе понимает содержание национальной общности, чем официальные круги, а во-вторых, воспринимает все каталаноговорящее население как единый особый народ. Но в таком случае непонятны его претензии к крайним «каталанистам».

На вопросе о понимании Фустером и его единомышленниками всех, говорящих по-каталански, как единого народа следует остановиться особо. Когда мы впервые коснулись концепции Фустера, изложенной в его книге 1932 г., было упомянуто о том, что соответствующие высказывания имеют, так сказать, публицистический характер, они обращены в прошлое (как напоминание) и будущее (как пожелание и программа действий, программа развития), но не могут относиться к настоящему. Фустер, для которого столь большую роль играет сознание исторического единства — коллективное самосознание какой-то совокупности людей, ощущающей себя общностью, как раз и отмечает отсутствие или недостаточный уровень такого самосознания в среде значительной части валенсийцев. Не случайно он говорит о двух значениях слова «каталонцы»: коренные обитатели Каталонии и все каталаноговорящие. Сам факт того, что он так озабочен необходимостью проведения терминологического различия между теми и другими, свидетельствует об особом понимании им каталаноязычной общности, подразумевающей такую самобытность, индивидуальность, самостоятельность отдельных ее частей, которые не позволяют пока говорить о целом. То, что разделяет, воспринимается им как превалирующее над тем, что соединяет, хотя он всячески ратует за изменение этого соотношения. И потому он считает наиболее предпочтительным для всей совокупности территорий, входящих в ареал, название «Каталанские земли». Оно наиболее адекватно отражает, по его мнению, существующее положение дел, поскольку подчеркивает множественность, сложный характер декларируемого образования и равноправие его отдельных частей.

Как можно понять из высказываний Фустера и из ссылок некоторых авторов на его высказывания, нам неизвестные, он воспринимает каталаноязычный ареал как совокупность отдельных близкородственных и говорящих на одном языке групп, «национальное дело которых еще не завершено» и связано с их конечной

интеграцией. В настоящее же время перед нами народы (pueblos), самобытность которых необходимо уважать. Материал же, «сырье для строительства», налицо.

В своей книге Фустер недвусмысленно указывал: валенсийцы — это коренные обитатели каталаноязычной зоны региона Валенсия, хотя какая-то часть их перешла на кастильский язык, а кроме того, многие из них плохо осознают свою самобытность, а значит, не дорожат ею и легко отказываются от нее, когда возникают подходящие для этого обстоятельства (обычно такое явление иллюстрируется процессами в сфере языка). Валенсийцы — это народ, родственник другим народам каталаноязычного арсала; самобытность его в силу неблагоприятных исторических условий находится под угрозой и потому нуждается в быстрейшем восстановлении. Что касается кастильскоязычных соседей по региону, то Фустер отвергал общность с ними на том основании, что они принадлежат к «другому миру» и их «национальное дело» уже сделано. Из этого казалось бы, следует вывод о том, что «разрозненному», составленному из родственных, но отдельных народов, которым еще только предстоит сплотиться, каталанскому конгломерату противостоит нечто монолитное, то, что мы обозначаем как «испанцы», а иногда, если перечисляем народы Испании, как «собственно испанцы». Но, во-первых, для Фустера испанцы суть все живущие в стране, а во-вторых, — и это самое интересное — он видит общность кастильскоязычных жителей региона главным образом в языке. Общее обозначение их для него лежит в лингвистической сфере: «кастильскоязычные». Это то, что противопоставляет их, по его мнению, каталаноязычным валенсийцам. Когда же он рассматривает их, так сказать, самих по себе, он указывает на существование в их среде трех групп, говорящих соответственно на собственно кастильском, кастильско-арагонском и кастильско-мурсийском диалектах. Фустер не сомневается, что все три группы сохраняют глубокое родство соответственно с жителями Кастилии, Арагона и Мурсии. Наиболее естественный для этих групп обитателей Валенсии путь самоопределения, по мнению Фустера, — интеграция с упомянутыми регионами ¹⁰⁶.

Вот и получается, что во взглядах одного из идеологов «прокаталанского» направления обнаруживается признание большой значимости именно региональных общностей в социально-историческом бытии и самосознании жителей Испании вообще. Если бы речь шла только о носителях каталанского языка, то можно было бы решить, что их нынешнее состояние дезинтеграции он считает специфическим для них, вызванным каким-то особенно неблагоприятным и, следовательно, уникальным стечением исторических обстоятельств. Но примерно то же самое вытекает из его взгляда на кастильскоязычное население. Разница только в существующей в одном случае и отсутствующей в другом угрозе для самобытности, в первую очередь языковой.

Таким образом, расхождение «панкаталанистского» подхода Фу-

стера и позиций крайних «каталанистов» заключается в выборе критерия для определения общности. Для последних все решаст язык; для него же язык еще не все, хотя и очень многое, а наиболее важно осознание общности, и потому такое значение он придаст региональным формам объединения населения и не считает возможным хоть в малой степени пренебрегать региональными границами и в кастильском, и в каталанском лингвистических ареалах. «Каталанизация» Валенсии, с его точки зрения, нужна не столько для слияния в единый народ с каталонцами, мальоркинцами и другими, сколько для восстановления истинной сущности валенсийцев, потерянной или деформированной за столетия ущербного развития.

«Сожительство» с кастильскоязычными обитателями западных районов представляется Фустеру свособразным историческим недо-разумением. Признавая значимость региональных границ, он все же в этом случае не ставит их выше языковых рубежей, не считает, что сосуществование в пределах одного региона двух разноязычных общин породило между ними силу сцепления, првосходящую языковые и генетические связи с другими группами за пределами региона; обе валенсийские общины остаются, по его мнению, носителями разнородных начал. Региональные границы оказались достаточно сильны, чтобы осуществить деструктивную функцию — отсечь от единого целого части, зажившие самостоятельной жизнью, превратившиеся в самостоятельные организмы (народы — *pueblos*), но недостаточно сильны, чтобы сплотить обитающих в их пределах носителей разных языков, разного происхождения.

Мы так подробно остановились на концепции Фустера потому, что она представляется наиболее последовательной и разработанной, а кроме того, известна роль его произведения в «пробуждении национального сознания в среде молодежи» в Валенсии. Но идентичные или сходные взгляды можно отыскать в работах и других авторов, хотя акценты в них могут быть слегка смещены. Так, в книге филолога Санчиса говорится о «языке своей земли» как о единственном пути к «коллективному свособразию»; только овладев им, можно почувствовать себя и стать «в основе своей валенсийцами». И вместе с тем автор нигде не говорит о носителях каталанского языка как о едином народе. Напротив, у него достаточно определенно сказано о «народах, говорящих на нашем языке», одним из которых являются валенсийцы.

Иначе говоря, убежденность в общности языка и культуры, в единстве происхождения не приводит и этого автора автоматически к констатации существования единого народа, даже с оговоркой о недостаточной его консолидированности. В то же время значение языка, по мнению Санчиса, огромно: «Если мы, валенсийцы, откажемся от нашего особого языка, мы откажемся от нашей сути как особого народа... перестанем быть валенсийцами и превратимся в провинциальных левантинцев». И еще: «Мы, валенсийцы, верим в себя, в наш дух и наш родной язык»^{106а}.

Относительно же взглядов Фустера необходимо добавить, что уже в 80-е годы он считал возможным называть валенсийцами «всех, кто живет и работает в трех провинциях» региона: «одни из нас говорят по-каталански, другие — по-кастильски»¹⁰⁷. Перед нами не отказ от прежней терминологии, а определенное изменение прежних взглядов, по-видимому, в сторону большего значения, придаваемого региональной общности. Можно, конечно, видеть здесь просто как бы «измерения в двух плоскостях»: каталонцы — это общность языкового, культурно-генетического порядка; валенсийцы — общность иного рода, и, значит, одни и те же люди могут входить и туда, и сюда, другие — только в состав каталонцев, третьи — только в состав валенсийцев. Тем не менее примечательно, что наш автор начиная с какого-то момента считает возможным видеть общность и говорить о ней там, где раньше решительно ее отрицал.

Таким образом, для крайних «каталанистов» существует один уровень самоотождествления: Великая Каталония (или Каталанские земли) и населяющие их каталонцы, при этом решающее значение в делении на «своих» и «чужих» придается языку. Для Фустера же таких уровней уже несколько: общеспанская общность, жители каталаноязычного ареала («надрегиональная» общность), общность обитателей региона Валенсия, каталаноязычные валенсийцы. Правда, по некоторым признакам он считается, и призывает считаться всех, с еще более низкими, локальными уровнями. Один из них, следующий за региональным в сторону приближения к отдельной личности, — провинциальный. Как утверждает Фустер, после раздела древней исторической области на провинции возник провинциальный партикуляризм как «новая форма коллективного чувства», которая начала расти «медленно, но уверенно и последовательно». В итоге, указывает он, к 60-м годам в провинции Аликанте (к югу от провинции Валенсия) сложилось такое ощущение провинциальной исключительности, которое дает основания говорить о настоящем «аликантизме», особенно на юге, т. е. об ощущении себя прежде всего жителями Аликанте. В северной провинции Кастильоне, расположенной на границе с Каталонией, такого рода чувства выражены в гораздо меньшей степени. А третья, «срединная», столичная провинция Валенсия, постоянно претендует на то, чтобы быть воплощением всего региона, забывая об остальных или пренебрегая ими, что вызывает недовольство и раздражение многих тамошних обитателей. Для Фустера все это означает крайне низкий уровень интеграции самих валенсийцев, ситуацию, нуждающуюся в решительном и как можно более скором исправлении.

Интересно, что уже в наше время, едва ли не три десятилетия спустя, сообщения прессы подтверждают существование проблем, намеченных Фустером. В письмах читателей в «Камбио 16» из провинции Аликанте — части уже автономного валенсийского сообщества можно встретить возражения против того, чтобы трактовать ситуацию во всем регионе на основе анализа событий, происходящих в г. Валенсия, поскольку процессы, протекающие в Аликанте, имеют

очень своеобразный облик¹⁰⁸. Есть протесты против попыток отдельных групп жителей автономной столицы навязать флаг города Валенсии провинциям Кастильон и Аликанте¹⁰⁹ и т. д.

Можно привести еще один пример того, насколько Фустер был озабочен недостаточной интегрированностью валенсийцев. Сообщают, что он настаивал на отказе от практики широкого использования термина «Валенсия» в значении «Валенсийская земля» из одной лишь заботы не задеть чувств аликантийцев и кастильонцев¹¹⁰. Интересен один из его отзвучив о самом себе: «Я скромный житель селения Сузка, который говорит по-каталански»¹¹¹. Если даже видеть здесь шутку, то все равно она по-своему знаменательна.

Но можно ли считать все перечисленные формы самосознания этническими? Если использовать принятый в нашей науке подход, то об этническом самосознании можно говорить там, где в качестве критерия фигурируют так называемые этнические признаки. Следовательно, такие формы самосознания будут включать представление о том, что в фундаменте общности лежит единое происхождение (родство по происхождению), единый язык и культура на его основе; что общности, сцементированные этими элементами, отличаются от других, типологически подобных им, особенностями своего склада мышления, своей психологии, иначе говоря — особым взглядом на мир и его восприятием. А в нашем случае такому критерию отвечает, по сути дела, лишь позиция крайних «каталанистов». Что до остальных форм самосознания, то они строятся на признаках, по внешнему впечатлению не являющихся этническими. Ведь в них во главу угла ставится факт рождения или проживания в данной местности; общность видится фактически в населении (иногда — коренном или старожильском) какого-то территориального, порой даже территориально-административного подразделения страны (региона, провинции, комарки и т. д.).

Налицо как будто две принципиально несхожие модели самоотождествления, два противоположных подхода к группированию населения. Можно было бы предположить, что в силу своей разнородности они сосуществуют не соприкасаясь; ведь всякий индивид, принадлежащий к какому-то этносу, где-то проживает. Но подобным образом ощущают и ведут себя лишь упомянутые «крайние». Что же до «областников» разных уровней, то очень многие из них, вполне отдавая себе отчет в единстве языка и происхождения той общности, к которой они считают себя принадлежащими, с другими группами, не придают этому обстоятельству сколько-нибудь существенного значения, откровенно ставя на первое место в различении «своих» и «чужих» региональные, провинциальные, комаркальные, муниципальные и другие границы. Но еще интереснее, что в ряде случаев границы эти осмысляются как важные не только сами по себе, но и как условие для возникновения и поддержания на протяжении длительного времени совместной жизни, что стало в конце концов общей историей, сформировавшей особенности образа мышления и братские чувства.

Примерно такой подход мы встречаем у сторонников регионального общеваленсийского единства, считающих единым народом всех жителей Валенсии. Они выступают за интеграцию в рамках региона носителей обоих языков и видят ее не в ассимиляции одних другими, а скорее в приобщении тех и других к языковым и культурным образцам друг друга ¹¹². Многие участники возрождения пришедшего на протяжении столетий в упадок валенсийского языка, стоящие на позициях приоритета регионального начала, осознают свою деятельность только как идущую во благо региональной общности, как восстановление ее самобытности. Самобытность же заключается в сочетании двух языковых и генетических начал, объединенных историей и составивших неразрывный симбиоз, имя которому — валенсийцы.

Сходным образом рассуждают сторонники единства населения «земель Арагонской короны». Декларируемая ими общность в пределах рубежей средневекового королевства, включавшего когда-то территории четырех нынешних «автономных сообществ», объединяет носителей даже не двух, а трех, а то и четырех языков (помимо кастильского и каталанского, еще и окситанского языка жителей долины Арана, а также арагонского, речь о котором пойдет ниже). С большой долей уверенности можно предполагать подобные чувства и на уровне более низком, чем региональный, во всяком случае свидетельства этого в нашем распоряжении имеются. Так, в письмах в редакции центральных изданий сообщается о том, что в провинции Аликанте в отличие от того, что происходит в городе Валенсия, нет противоборства между носителями каталанского и кастильского языков ¹¹³.

Таким образом, речь идет не о механическом провозглашении приоритета политико-административных границ, существующих в настоящее время или бытовавших в прошлом. Каждый раз подразумевается «наполненность» выделенных таким образом групп населения роднящим, объединяющим их содержанием, причем «силы сцепления» здесь осознаются как наиболее прочные, доминирующие над всеми иными. Что же рассматривается как «силы сцепления»? Прежде всего общая история, особый склад мышления, особенности характера, иногда — особенности географической среды, общие экономические интересы и т. д. Некоторые из такого рода признаков можно заподозрить в книжности вследствие попыток «научного» обоснования с их помощью своих ощущений, но сами-то ощущения не приходится ставить под сомнение.

Ряд форм регионального самосознания вплотную приближается к этническим. Так, журнал «Валенсия Культураль» декларирует возрождение культурно-языкового своеобразия населения Валенсии в целом. При этом подчеркивается его региональная общность как «валенсийского народа», единство которого выше разноязычия составляющих его частей. И все же трудно избавиться от ощущения, что для многих его авторов и единомышленников центр тяжести валенсийской общности, ее «точка притяжения» находятся в вален-

сийскоязычной зоне. Это видно уже по тому огромному да, собственно, центральному значению, которое они придают восстановлению позиций валенсийского языка, трактуемого как едва ли не доминанта развития валенсийцев в качестве самостоятельного народа, имеющего свое прошлое и желающего сохранить себя в будущем.

Какая-то часть сторонников «земляческого» критерия, стремясь укрепить свои позиции, даже претендует на особые языковые и генетические черты «исконных валенсийцев». Судя по всему, поиски такого рода стимулируются спорами с тем, для кого важнее всего язык и происхождение, т. е. среди прочих и с носителями этнического самосознания. Отсюда попытки доказать независимое от каталонцев и каталанского языка происхождение валенсийцев (якобы от местных мосарабов) и валенсийского языка (якобы от романского языка тех же мосарабов или даже арабов). Приверженцы подобных взглядов явно чувствуют себя задетыми аргументацией оппонентов и считают необходимым дать бой противнику на его территории. Но тем самым вольно или невольно они переходят на его позиции, ибо занимаются не чем иным, как моделированием общности по этническим признакам. И в то же время раздаются сетования активистов культурно-языкового возрождения на отсутствие у земляков заинтересованности в развитии или хотя бы сохранении собственной специфики, и прежде всего языка.

При описании вариантов самосознания в среде валенсийцев обращает на себя внимание следующее обстоятельство: и сформулированные так или иначе концепции, позиции, точки зрения, и активные действия в целях их отстаивания, пропаганды и распространения исходят из среды валенсийскоязычной общности (правильнее, конечно, говорить об исторически валенсийскоязычной общине, поскольку многие ее представители, особенно в городах, перешли на кастильский язык или являются потомками таких перешедших). Таким образом, мы фактически рассматриваем здесь самосознание именно этой части региона, именно для нее «строим уровни самоотождествления».

Что касается обитателей исторически кастильскоязычной западной части региона, а также приехавших туда в последние десятилетия, то имеющиеся у нас данные одновременно и скудны, и разноречивы, что не дает возможности сколько-нибудь уверенно говорить об их самосознании. В самом деле, на страницах «Валенсиа Культураль» нас убеждают в существовании ярко выраженного чувства региональной солидарности среди западных валенсийцев, в их страстном желании приобщиться к валенсиано (каталано) язычной культуре соседей по региону. Но конкретных сведений об участии этих людей в валенсийском «возрождении», помимо довольно общих утверждений со стороны явно заинтересованных лиц, у нас немного; и надо сказать, что их нет в других источниках.

Если же послушать оппонента журнала Жуана Фустера, их и не может быть. Он прямо утверждает, что каталаноязычная зона

Валенсии «с ее языком и образом жизни, с иными экономическими интересами и иной социальной температурой» кажется ее западным соседям по региону «миром, созданным без их участия»¹⁴. Он приводит факт, косвенно подтверждающий существование значительной дистанции между двумя валенсийскими общинами, хотя этот факт относится к иному, чем рассматриваемый нами сейчас, периоду времени и лишь к той части Валенсии, которая была присоединена к составляющим регион провинциям сравнительно поздно, в середине XIX в. Так вот, в то время как в каталаноязычной зоне в 1907 г. отмечалось двухсотлетие насильственной отмены валенсийской автономии мадридским правительством, «новые валенсийцы» чествовали память короля Филиппа V, того самого, который как раз и уничтожил за два века перед тем остатки самостоятельности бывшего королевства¹⁵. Другой автор оценивал события уже с расстояния в два десятилетия и имел, казалось бы, возможность узнать и учесть все, что произошло здесь за это время, но он также называет существование двух лингвистических ареалов в пределах одного региона первой по своей серьезности проблемой валенсийского автономного процесса. Он сомневается в том, что кастильскоязычная часть Валенсии примет в какой бы то ни было форме язык их иноязычных компатриотов¹⁶.

Несколько по-иному обстоит дело в случае с мигрантами. В одном из очерков, напечатанных в «Валенсиа Культураль» в начале 60-х годов, говорится о возможности существования, помимо «валенсийцев по рождению», еще и «валенсийцев по адаптации». Стать таковыми могут уроженцы других частей Испании, если они докажут свою полную заинтересованность в местных проблемах и включатся в их решение. Дается и конкретный пример — рассказ о том, как один из «новых валенсийцев» родом из Астурии приобрел известность и признательность окружающих активной пропагандой валенсийского языка вплоть до того, что на церемонии крещения своего ребенка демонстративно обратился к священнику с просьбой говорить по-валенсийски, а не по-кастильски¹⁷. Но о том, насколько широко могли быть распространены подобные факты в условиях, когда даже коренные валенсийцы обнаруживали в массе равнодушие к языку своих предков, судить трудно.

Итак, выявленные нами варианты самосознания представляют собой довольно широкий спектр образцов, которые, будучи расположены определенным способом, например по степени убывания значения «этнического фактора», как бы «перетекают» один в другой. В этом случае становится очевидным, что лишь часть населения обладает самосознанием, которое можно квалифицировать как этническое. Другие группы, из тех, что так или иначе своими высказываниями или действиями заявили о себе, обнаружили самосознание ложно- или псевдоэтническое, этническое лишь отчасти или даже полное отсутствие в самосознании этнического содержания.

Как же нам воспользоваться полученным результатом? Ведь если стоять на той точке зрения, что этническое самосознание отражает

реальную этническую структуру общества (а ведь именно это следует, помимо прочего, из доминирующей в нашей науке теории этноса), то как быть с тем обстоятельством, что разные его группы по-разному воспринимают упомянутую структуру? Не может же одна и та же совокупность населения пребывать одновременно в нескольких этнических ситуациях. Ведь каждая из частей конгломерата, очерченного региональными рубежами, претендует и на свое особое видение ситуации в целом, определенным образом трактует культурно-языковой облик не столько себя самой, сколько всей совокупности жителей Валенсии. Почти в каждом случае она не претендует на особую специфику именно группы носителей данного самосознания, а считает себя частью более широкой общности, хотя, разумеется, частью, единственно правильно понимающей, что происходит и что нужно делать. Планировавшееся первоначально сопоставление определенных типов самосознания и языковых параметров в таких условиях вряд ли способно само по себе прояснить этническую ситуацию. В самом деле, обратившись, например, к «регионалистским» формам самоотождествления, мы получаем такой ряд категорий местных жителей: каталаноязычные, выступающие за интеграцию с Каталонскими землями, но при сохранении «своего лица»; каталаноязычные, пренебрегающие своим «родством»; валенсианоязычные, стремящиеся создать совершенно особые культурно-языковые модели; кастильскоязычные, желающие сохранить свой облик под тем же предлогом региональной специфики («так исторически сложилось, и нечего навязывать каталонский империализм»); кастильскоязычные, стремящиеся вернуться к языку предков — каталановаленсийскому, и т. д.

Во всех этих случаях речь идет об осознанной позиции, о заинтересованности их носителей в определенной специфике той общности, к которой они, по их мнению, принадлежат. А ведь есть, насколько можно судить, еще позиция незаинтересованности, за которой стоит жизнь без этнических стимулов, без какой-либо сознательной этноцентристской корректировки своего культурно-языкового облика.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что указанные категории, равно как и их соотношения в обществе и взаимоотношения между собой, находятся в постоянной динамике в силу воздействия ряда факторов, среди которых явно выделяется политический.

Таким образом, подобно тому как самосознание индивида в Валенсии не свидетельствует однозначно о языке, на котором тот говорит, так и его родной язык отнюдь не означает той или иной формы самосознания.

Очень многое для того, чтобы подтвердить или, напротив, опровергнуть наши выкладки, могли бы дать результаты опроса местных жителей о критериях, в соответствии с которыми они «самоопределяются», и кое-какие данные у нас, к счастью, есть. Так, в том же «Камбио 16» приводятся сведения об опросе, проведенном в мае 1984 г. Выяснилось, что «валенсийский народ» свою специфику

видит прежде всего в особых климатических условиях, в которых он проживает; язык для него — далеко не самое важное, и вообще он в массе своей не интересуется проблемой самобытности¹¹⁸.

Восемью годами раньше в стране проводилось обследование регионального самосознания, не подвергавшегося до того, с точки зрения организаторов мероприятия, удовлетворительному изучению¹¹⁹. Хотя в нем за основную единицу был взят именно регион, и, таким образом, сравниваются высказывания населения различных регионов по одним и тем же пунктам, призванным выделить разницу в отношении к «региональному вопросу», есть среди этих пунктов и такие, которые позволяют заглянуть внутрь валенсийской общности. Так, оказалось, что свой язык воспринимают как одну из важных черт, отличающую их регион от других испанских регионов, лишь 39% валенсийцев¹²⁰. Можно предположить, что это именно те, кто считает валенсиано особым языком, самостоятельным по отношению и к кастильскому, и к каталанскому. Не исключено также, и даже более вероятно, что подобным образом высказались именно те лица, которые были заинтересованы в сохранении местного языка, тогда как равнодушные просто не сочли нужным его упоминать (по некоторым оценкам, в 80-е годы в Валенсии 70—80% населения было каталаноязычно). Но вот перед нами еще более важные показатели: самоотождествление в пределах страны, выраженное в ответе на вопрос: «Кем вы считаете себя, находясь в другой части Испании?» Выясняется, что вдали от «малой родины» валенсийцами ощущают себя 53% жителей региона, еще 27% «определились» по родной (одной из трех составляющих Валенсии) провинции, а из прочих 20% подавляющее большинство причислило себя к своей муниципии или комарке¹²¹.

Эти данные демонстрируют, во-первых, значение «земляческого» фактора в сравнении с этническим или этноязыковым. Подавляющее большинство высказывается за принадлежность к областной группе, а приверженцы языково-генетического, или языково-культурного, надрегионального единства в явном меньшинстве, во всяком случае обследование вообще не отразило их долю, что неизбежно произошло бы, будь она сколько-нибудь заметной. Во-вторых, в иерархии «уровней областничества», хотя принадлежность к региону и лидирует, но незначительно. Почти половина опрошенных причисляет себя к более мелким территориям в пределах Валенсии, не ощущая своего единства со всеми жителями региона.

Данные, характеризующие самосознание, языковое состояние и некоторые другие параметры личности жителей Валенсии, содержатся в чрезвычайно важной для нас работе Гарсиа Феррандо, написанной опять же по результатам социологического опроса. Строго говоря, книга дает возможность выявить динамику развития по ряду показателей, поскольку в ней сравниваются результаты обследований 1976 и 1979 гг., но нас пока интересует другое: реальная «раскладка» общества по самосознанию, по владению языком и т. д.

Уже приведенное высказывание из «Камбио 16», относящееся к концу 80-х годов, где отмечалось, что валенсийцы видят свое основное отличие от окружающих в климатических условиях своего обитания, находит подтверждение в данных эмпирического исследования, проведенного несколькими годами ранее. И в 1976 г. из отличительных черт валенсийцев они чаще всего указывали именно на климат своего региона (57%), а вот признаки, которые мы назвали бы этническими, — реже (язык — 39%, обычаи — 38, фольклор — 15%). Три года спустя в сознании местных жителей ощутимо поднялась роль языка (48%), зато снизилось значение обычаев (32%). Интересно, что, вопреки постоянному подчеркиванию значения совместного исторического прошлого сторонниками буквально всех вариантов самосознания, лишь около 20% опрошенных указали на него как на признак отличия от жителей других регионов¹²².

Что же до самоопределения в пределах Испании (за границей подавляющее большинство, 73%, называют себя «испанцами»), то здесь любопытна как раз динамика. Получается — и это отмечают проводившие опрос исследователи, — что за три года, с 1976 по 1979, региональное и провинциальное сознание как бы поменялись местами в том смысле, что количественно стали преобладать носители последнего: 50% выходцев из региона заявили, что они считают себя прежде всего жителями родной провинции, тогда как число назвавших себя валенсийцами сократилось до 37%. Около 10% отдали предпочтение своей комарке. По мнению автора работы, где приводятся эти цифры, «желание кастельонцев и аликантинцев предстать именно таковыми, а не валенсийцами, превратилось в доминирующее»¹²³.

После всего, что было сказано о языковой ситуации в Валенсии, интересно познакомиться с ее конкретным, реальным обликом, цифровым выражением. Здесь мы тоже не будем вдаваться в рассмотрение всех параметров, касающихся степени знания языка; отметим лишь, что в 1976 г. процент понимающих местный язык валенсиано составлял 75, говорящих — 65, не знающих вовсе — 24. Всего через три года уже 88% обитателей региона заявили, что понимают местный язык, 71 — что говорят на нем; число тех, кто вовсе не знал валенсиано, сократилось до 12%¹²⁴.

Очень интересная картина демонстрируется вопросом о симпатиях валенсийцев к другим регионам и их жителям. На первом месте оказались Андалусия и андалусийцы, а Каталония с каталонцами — только на третьем, Балсары и балсарцы — лишь на пятом и четвертом¹²⁵. «Родственники» по языку и происхождению уступили место кастильскоязычным «чужакам».

Наконец, нужно напомнить, что для периода растянувшейся на несколько лет «автономизации» мы не имеем каких-либо сведений о желании обитателей кастильскоязычных западных районов Валенсии отделиться от каталаноязычной зоны и войти в состав родственных регионов: Арагона, Мурсии, Кастилии, что «советовал» им в своей книге Фустер. Региональные границы были, по сути

дела, подтверждены волеизъявлением подавляющего большинства населения Валенсии, поставившего их тем самым выше языковых или каких-либо других.

Впрочем, одно массовое движение вспыхнуло в пределах Валенсии сравнительно недавно и на первый взгляд именно по «выкладкам» Фустера. Речь идет о событиях на крайнем юге автономного сообщества, в городке Ориуэла — «столице» местности Вега Баха, где проживают около 45 тыс. человек. В конце 1986 г., по свидетельству «Камбио 16», все горожане независимо от социальной, профессиональной и политической принадлежности (от муниципальных чиновников до монахов, от фалангистов до коммунистов) на массовых митингах и демонстрациях требовали отделения от Валенсии и присоединения к Мурсии¹²⁶. Апогеем движения стала всеобщая забастовка, парализовавшая город. Участники волнений обвиняли валенсийские власти в пренебрежении к насущным местным проблемам (отсутствие больницы, постоянное затопление улиц при разливах реки и т. д.) и в навязывании валенсийского языка в школах, где обучение ему, по их мнению, должно быть сугубо добровольным. Однако вряд ли стоит усматривать тут протест местных жителей, предки которых перешли с каталанского языка на кастильский в XVIII в., против их ассимиляции каталаноязычными валенсийцами, тем более — противостояние «собственно испанцев» и «каталонцев», как, несомненно, поступят те, кто исходит из традиционных для нас установок. Самими участниками конфликт осмыслиется совсем в иных категориях. Языковой вопрос для местных жителей по своей значимости, судя по публикациям в прессе, далеко уступает всем остальным, а главное — в этом краю традиционно, не одно столетие, бытует поговорка: «Сыновья Ориуэлы — не мурсийцы и не валенсийцы, а ориуэльцы». В полном соответствии с ней один из членов городского управления указал в интервью, что движение его земляков стимулируется отнюдь не желанием быть мурсийцами, а лишь нежеланием оставаться валенсийцами.

Очевидно, этот эпизод подтверждает не существование этнических или национальных (если прибегать к нашей, отчасти совпадающей с фустеровской, терминологии) противоречий, а большую силу и влияние земляческого, даже узкоземляческого самосознания, способного резко обостряться и активизировать действия его носителей в силу определенных причин, не всегда вполне ясных и самим участникам событий. Так дело обстоит и в данном случае. Кстати, местные социалисты утверждают, что те же требования, которые так взбудоражили горожан в 1986 г., они выдвигали еще в 1977 г., но тогда их никто не поддержал¹²⁷.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ВАЛЕНСИЙСКОЙ СИТУАЦИИ

Мы вплотную подошли к чрезвычайно важной задаче, состоящей как бы из двух взаимосвязанных частей, двух звеньев. Необходимо подвести итог под тем, что мы знаем об этнической ситуации в

Валенсии, и решить, какие же из полученных выводов мы будем в дальнейшем использовать.

По-видимому, правильнее всего начать с того, что в случае с населением региона, имющего с конца 70-х годов статус автономного сообщества, тождество этнос-язык не работает. Если бы дело обстояло иначе, перед нами находились бы две сплоченные общины, каждая из которых должна была бы ощущать себя, в соответствии с распространением языков на территории Испании, местной частью более широкой общности, охватывающей население нескольких регионов. Короче говоря, мы имели бы перед собой каталонцев и испанцев («собственно испанцев»), проживающих в одном из территориальных подразделений Испанского государства. Мы вправе были бы тогда рассматривать этническое развитие каждого из двух названных этносов, отношения между ними (межэтнические отношения) и, наверно, еще вопрос о наличии и характере местной, региональной специфики каждого из этносов. Они, конечно, были бы должны четко осознавать себя, тем более что в политическом контексте Испании один из них — исторически господствующий, доминирующий, другой же до последнего времени испытывал постоянное дискриминирующее, репрессивное и ассимилирующее воздействие со стороны властей.

Однако, знакомясь с самосознанием местных жителей, мы нашли картину, не соответствующую четкому изображению двух соседствующих народов-этносов, ясно осознающих существующую между ними разницу. Идя по линии разграничения на «своих» и «чужих», мы обнаружили, что в пределах региона существует на этот счет большое разнообразие мнений. И прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что «своими» для значительной части жителей Валенсии (судя по многим прямым и косвенным данным) являются те, кто происходит из одной с ними местности, региона в целом, провинции или даже совсем небольшого территориального образования, такого, как комарка или муниципия. Именно эта совокупность населения и осознается как общность, как свой народ, к которому прежде всего и принадлежит данный индивид. Стало быть, принцип, который положен в основу такого самоопределения, может быть назван «земляческим», или «областническим».

При таком подходе языковые отличия в пределах общности отходят на второй план, и владение тем или иным языком в качестве основного, родного, осознается скорее как личное дело человека. Здесь, правда, возникает естественный вопрос: можно ли говорить об общности там, где ее члены разговаривают на разных языках? Как уже осуществляется между ними связь, постоянный контакт, необходимый для существования именно общности основного уровня, поскольку речь идет о ней? Ведь как раз в пределах данной группы реализуется представление о «своих» в противовес всем остальным. Но ведь как история, так и современность знают сколько угодно такого рода ситуаций. Правда, чаще всего разноязычие какого-то народа — результат пребывания его или какой-то

его части в диаспоре. Живущие компактно обычно говорят на одном языке. Пожалуй, в рассматриваемом нами регионе так и происходит, просто вместо одного языка в коммуникациях фигурируют два. В случае с Валенсией двуязычное население во многих местах вполне может составлять подавляющее большинство и приведенные выше цифры из опросов как будто подтверждают это. Ведь не следует забывать о повсеместном многолетнем господстве кастильского. Все сказанное не исключает доминирования в той или иной группе какого-то одного языка.

У носителей определенных типов «земляческого» самосознания в качестве общности может выступать население территорий, больших, чем регион. На самой высокой ступени по этой шкале находятся, очевидно, те, кто определяют себя как «испанцев», ставят во главу угла единство всех граждан государства, к которому они принадлежат. Судя по данным опросов общественного мнения, таких людей относительно немного (в одном из обследований упомянут всего 1%). Еще с одной формой «областнического» самосознания мы встретились в начале нашего исследования в лице приверженцев единства жителей всех территорий, входивших когда-то в Королевство Арагон. Этот вариант, по всей видимости, не имеет широкой поддержки в народе, поскольку почти не получил отражения ни в печати, ни, самое главное, в социологических обследованиях.

Принципиально иная, казалось бы, форма самосознания та, в которой придается большое значение языку и исконному родству по языку, происхождению от общих предков, говоривших на этом языке. Примечательно, однако, что те, кто безоговорочно поддерживает лозунг «Валенсия — это тоже Каталония» и ему подобные, кто видит в каталаноязычных валенсийцах часть каталонского народа, воспринимаются не только их оппонентами, но и сторонниками сближения всех Каталонских земель как экстремисты. В большинстве же своем люди, убежденные в языково-генетическом единстве населения всех нынешних Каталонских земель, говорят все же о валенсийском народе, и для них «свои» — это прежде всего общность, очерченная границами региона, хотя в этом случае она сужена до обитателей каталаноязычной зоны Валенсии. А вот уже в ее рамках «свои» для них — все коренные жители, в том числе и те, кто утратил язык предков либо чьи родители или даже более отдаленные предки по каким-то причинам отказались от него или не дорожат им в настоящее время. Мало того, мы то и дело наталкиваемся на свидетельства особого отношения «валенсийских каталонцев» к иноязычным соседям по региону. Идет решительная борьба за умы и сердца «отступников и равнодушных». Но помимо этого в самых разных ситуациях постоянно утверждается тесная связь, общность интересов, неразрывность контактов с жителями кастильскоязычной зоны Валенсии. В отношении к ним можно видеть разные оттенки, но наиболее характерно, пожалуй, подчеркнутое уважение к их языку и культуре как части общего достояния Валенсии, представление о существовании общеваленсийского регионального единства

даже при наличии двух разных национальных начал, лучше всего, пожалуй, выраженном уже упоминавшейся фразой видного «пан-каталаниста» Фустера: «Валенсиец — это тот, кто живет и работает в трех провинциях Валенсии; одни из нас говорят по-каталански, другие — по-кастильски»¹²⁸. Из всего этого следует, что варианты самосознания, которые в отличие от «областнических», «земляческих» имеют, казалось бы, этнический характер, также в большинстве своем не просто корректируются «областническим» фактором, а как бы подчиняются ему.

На основе всего вышеизложенного очевидно, что каждый вариант самосознания, бытующий здесь с различными оттенками, не означает существования на земле региона определенной этнической группы, отгороженной от других. Речь может идти скорее о различных тенденциях в этническом развитии и в этническом состоянии населения Валенсии, включая и такие, которые ближе всего к предложенному М. В. Крюковым в его работах понятию «безэтничности»¹²⁹. Что касается иных позиций, сторонники которых озабочены языковой проблематикой и ведут активную деятельность в защиту собственных взглядов с целью завоевания на свою сторону населения, к которому они себя причисляют, то каждая из них как раз и олицетворяет одну из вышеозначенных тенденций. Борьба идет как бы за то, каким должен быть валенсийский народ, но не между различными этническими группами Валенсии.

Мы не будем здесь касаться причин, приведших к подобным результатам, это увело бы нас слишком далеко от поставленных задач. Наша цель в данном случае выявить реальное положение дел, уловить насколько возможно динамику ситуации и воздействующие на нее факторы.

Так что же мы обнаружили в ходе нашего знакомства с динамикой этнической жизни? На протяжении 40—50-х годов в регионе доминировали и официально поощрялись тенденции, основным содержанием которых была «безэтничная» модель с земляческим самосознанием, с поддержанием местных языковых форм в состоянии неофициальности и непрестижности. На рубеже 50—60-х годов отмечается резкое обострение интереса к каталанскому языку, к связанной с ним культуре, вообще к «корням», к происхождению и самобытному облику. Это движение, насколько можно судить, охватывает часть населения, и в определенных кругах — прежде всего в городских образованных и политизированных слоях — начинает принимать вид противоборства между сторонниками общекаталанских языковых форм, приверженцами валенсийской языковой самостоятельности, отстаивающими собственные лингвистические образцы, и кастильскоязычными валенсийцами, отвергающими «каталанизацию» как происки агентов каталонского, т. е. исходящего из Каталонии, национализма или даже «империализма». Общей закономерностью становится рост общественного интереса к языку и вопросам, связанным с самоидентификацией, с поисками своего культурно-лингвистического лица, с попытками понять исторический

путь своей общности, ее место среди других групп населения Испании. Все это усилило тенденцию «панкаталанизма» в среде валенсийцев, привлекло множество новых сторонников, обратило их лицом к братьям из Каталанских земель, способствовало расширению и углублению контактов между разными регионами каталанского языка. Вместе с тем это был не единственный путь реализации интереса к своей самобытности. Параллельно и даже переплетаясь с ним шел процесс, который заслуживает названия «этнизации областничества», или регионализма (поскольку наиболее отчетливо он проявился именно на уровне региона, Валенсии в целом). Носители этой тенденции старались подчинить возрождение самобытности, прежде всего языковой, укреплению обособленности валенсийской общности от всех ее соседей, в том числе и каталаноязычных. Активисты всех направлений вели широкую агитационную, организаторскую и просветительскую деятельность. Полем яростной борьбы между оппонентами становились улицы и площади, где на митингах и собраниях, а то и спонтанно возникали ожесточенные споры, а также легальные и подпольные издания, учебные аудитории и т. д. При всем этом нужно сказать, что значительная часть валенсийцев — а если судить по оценкам, жалобам и упрекам, содержащимся в печати, да и по результатам опросов общественного мнения, то и вовсе большинство — продолжала оставаться равнодушной к борьбе энтузиастов разных направлений, стремившихся «пробудить» ее.

Нетрудно заметить, что волна языково-культурного возрождения совпала с началом кардинальных социально-экономических трансформаций испанского общества, пришедшихся на рубеж 50—60-х годов. Разгар же полемики о сущности и происхождении валенсийцев и их языка, их месте относительно жителей Каталанских земель отмечается в середине—второй половине 70-х годов, когда испанское общество переживало политические потрясения, связанные с демонтажем франкистского режима и становлением парламентарной демократии. Предоставление региону автономии и обретение власти в стране и в автономном сообществе социалистами в конечном счете усилили каталанизирующую тенденцию в пределах региона, прежде всего в сфере языка. Показателем этого стала широкая дорога, открытая декрету о билингвизме, применение которого несколько лет оттягивалось стоявшими до того у власти центристами. Уже упоминавшееся нами строительство ретрансляционных башен для приема каталаноязычных телепередач из Барселоны по всей территории региона, в том числе и там, где говорят по-кастильски, равно как и введение здесь же изучения валенсийского языка в школах, вряд ли могли бы осуществиться не только в прежние времена, но и при иных политических условиях.

Но борьба «каталанистов» и их противников продолжится. Это проявляется в непрекращающемся потоке писем в редакции центральных изданий, в постоянном оспаривании (в том числе и с помощью демонстраций) мероприятий и распоряжений о введении

валенсийского языка в ту или иную сферу общественной жизни, в нескончаемой полемике в местной печати с широкой палитрой взаимных обвинений, наконец, в угрозах, столкновениях и террористических актах, которые, к сожалению, то и дело дают о себе знать. Конфронтация названных тенденций в пределах одного общества (а в том, что существует сила, связующая эти разнонаправленные элементы в одно, хоть и аморфное, региональное целое, мало кто сомневается) вызывает серьезное беспокойство многих валенсийцев из числа тех, кто не отдает предпочтения ни одной из сторон. Озабоченность отразилась, в частности, в довольно интересном явлении: возникновении «движения за третий путь», датируемом в испанской печати 1986 годом. Идеологи этого направления общественной мысли, которое, очевидно, также может быть охарактеризовано как одна из тенденций этнического развития и как отражение определенной формы самосознания, предлагают видеть в валенсийцах «креольское общество», в чем-то сродни тем, которые сформировались в латиноамериканских странах. Ради внутреннего мира они считают необходимым отказаться как от «пан-каталанистского футурианизма», так и от «ратпенатистского регионализма», не входя в столь конфликтный языковой вопрос, изучать на научной основе все данные о специфике Валенсии, о ее отличиях как от Каталонии, так и от Кастилии¹³⁰.

Можно ли во всем этом смешении противоречий, тенденций развития, политических и личных интересов видеть этнический конфликт «каталонцев» и «испанцев» на территории Валенсии — судить читателю. По мнению же автора, его здесь нет. Как нет и двух только что названных этносов. Возможно, необходима какая-то иная терминология или, во всяком случае, какие-то понятия и термины, дополняющие уже имеющийся набор, поскольку последнего явно недостаточно для того, чтобы адекватно обрисовать существующую здесь ситуацию с этнической точки зрения. Впрочем, уже упоминавшаяся выше идея (или понятие) «безэтничности» очень помогает выходу из обнаружившегося затруднения. На очереди, очевидно, само понятие «этнического», без дальнейшей разработки которого не обойтись. Самоопределение по «земляческому», областному принципу, с учетом прежде всего места рождения и пребывания, нередко в очень узких географических рамках, при отказе от использования языка для разделения на «своих» и «чужих», при том, что речь идет не о рассеянной историческими обстоятельствами группы, а об автохтонах, — видимо, не будет включено в категорию этнического. А если изначально земляческие представления под влиянием каких-то внешних обстоятельств или соображений конъюнктуры, моды наполняются тем содержанием, которое принято отождествлять с этническим (язык, претензии на происхождение от особой группы, на особый исторический опыт и собственный набор культурной специфики и символики, и т. д.), превращает ли это неэтническую категорию в этническую при том, что основной формообразующий принцип остается прежним?

Возможно, впрочем, и иное видение этнической ситуации в Валенсии. Например, оставаясь на точке зрения «двух этносов», настаивая на концепции проживания на территории Валенсии испанцев и каталонцев, можно истолковывать местные реалии таким образом, что объективное содержание этнических различий, подлинная этническая принадлежность в силу каких-то обстоятельств просто не осознаются значительной частью населения региона. Они являются достоянием лишь своего рода «элиты», которая как бы концентрирует в себе этническую суть данного народа, его «этническое начало». Очевидно, что при такой точке зрения этническому самосознанию придется второстепенная, подчиненная по сравнению с «объективными показателями» роль. Оно не рассматривается как интегратор всех прочих признаков, индикатор, объективно указывающий на реальное этническое состояние данной общности (наличие или отсутствие этничности, ее уровень, форму).

Автору кажется, что валенсийский материал подтверждает трактовку самосознания как показателя объективно существующего этнического состояния, как, впрочем, и его становления, трансформации или отсутствия. Отсюда мы можем перейти ко второй части нашей двуединой задачи — вопросу о том, что из обнаруженного в ходе знакомства с ситуацией в Валенсии можно принять в расчет при обращении к другим частям Испании? По-видимому, здесь должна идти речь о тех чертах, или элементах этнической ситуации, которые расходятся с ее привычным толкованием. Это не значит, что все они встретятся нам в нашем дальнейшем исследовании и что валенсийская ситуация характерна для любого уголка Испании. Но поскольку Валенсия взята нами практически наугад, то вряд ли перед нами уникальный случай, нарушающий наши привычные представления, а все остальные «объекты» этим представлениям соответствовать будут. Разумнее предположить, что мы столкнулись с какой-то иной реальностью и что по крайней мере некоторые черты валенсийской ситуации могут встретиться и в других частях страны.

Однако попробуем выделить эти черты. Прежде всего обнаруживается, что в среде местного населения существует сильное региональное, а также субрегиональное самосознание. Часто при этом речь идет о территориальных образованиях, обладавших в прошлом реальным политическим или административным статусом, порой — на протяжении довольно длительного времени. Иногда этот статус в той или иной форме сохраняется до настоящего времени в реальности, иногда — лишь в традиции и воспоминаниях. Но так или иначе «областническое» самосознание проявляется и выходит на первый план в таких важных и показательных сферах, как самоопределение в пределах страны и подтверждающие его волонизации при решении административно-территориальных вопросов, таких, как вопрос о границах создаваемой автономии. Итак, первое, что автор считает нужным отметить как специфическую черту рассмотренного нами населения, — пресалирование «областническо-

то» самосознания члн другими его формами, такими, например, как этническая или языковая.

Второе явление, которое обращает на себя внимание, целиком или отчасти связано с первым. Речь идет о том, что большое количество людей в Валенсии не борются за свою языковую специфику, как бы не дорожат ею. Они, или многие из них, не видят в родстве по языку того обстоятельства, которое означает особую близость, не считают, что это родство свидетельствует о принадлежности к какой-то единой общности. Общность для них, как только что было сказано, заключается в принадлежности к населению определенной области.

Третье. Нельзя не видеть в последние десятилетия неуклонного увеличения веса и авторитета языково-этнографических особенностей при самоопределении как отдельной личности, так и больших групп людей. Это «возрождение» не ведет однозначно к ломке «областных» перегородок. Все больше становится людей, которые на первое место ставят языково-генетический критерий. Тем самым они заявляют себя членами широкой надрегиональной общности, во многом совпадающей с нашим привычным представлением о народах-этнсах Испании, в частности — общекаталанской. Однако другие тенденции направляют «языково-этнографическое возрождение» по областным, т. е. региональным и субрегиональным каналам. В итоге оно начинает «работать» на все ту же «областную», «земляческую» обособленность, давая ей как бы новое основание, укрепляя местную специфику. Происходит своего рода «этнизация регионализма», вливание нового вина в старые мехи.

¹ Valencia Cultural. 1963. n 35/36. P. 19.

² Ibid. 1960. N 5. P. 3.

³ Ibid. N 4. P. 3.

⁴ Ibid. P. 4.

⁵ Ibid. N 1. P. 3.

⁶ Ibid. N 4. P. 3.

⁷ Ibid. 1963. N 33/34. P. 17.

⁸ Aguirre Baztán. La antropología cultural en España. Barcelona, 1986. P. 195.

⁹ Pere Sisac. Raons d'identitat del País Valencià. Valencia, 1977. P. 99.

¹⁰ Valencia Cultural. 1962. N 24. P. 20.

¹¹ Ibid. N 27. P. 3.

¹² Ibid. 1963. N 35/36. P. 3.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Fuster J. Nosaltres, els valencians. Barcelona, 1977.

¹⁵ Valencia Cultural. 1961. N 13. P. 6.

¹⁶ Ibid. 1964. N 45/46. P. 17.

¹⁷ Ibid. 1965. N 35/36. P. 23.

¹⁸ Ibid. 1964. N 45/ 46. P. 17.

¹⁹ Ibid. 1961. N 17. P. 3.

²⁰ Ibid. P. 20.

²¹ Ibid. 1964. N 45/46. P. 17.

²² Ibid. 1962. N 24. P. 20.

²³ Colomer J. M. Cataluña como cuestión de estado. Madrid, 1986. P. 169.

²⁴ Ferrer i Gironès Fr. La persecució política de la llengua. Barcelona, 1986. P. 177.

²⁵ Ibid. P. 178.

²⁶ Ibid. P. 182.

- 27 Ibid. P. 185.
- 28 Ibid. P. 181.
- 29 Ibid. P. 190.
- 30 Valencia Cultural. 1961. N 18. P. 4.
- 31 Ibid. N 17. P. 6.
- 32 Ibid. N 18. P. 3.
- 33 Ibid. 1964. N 51/52. P. 3.
- 34 Ibid. 1961. N 14. P. 28.
- 35 Ibid. N 9. P. 3.
- 36 Ibid. 1960. N 4. P. 12.
- 37 Ibid. P. 3.
- 38 Ibid. N 5. P. 3.
- 39 *Sanchis Guarner M.* La llengua dels valencians. Valencia, 1980. P. 11.
- 40 Ibid. P. 12.
- 41 Valencia Cultural. 1960. N 4. P. 3.
- 42 Lenguas y educación en ámbito del estado español. Barcelona, 1982. P. 239.
- 43 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 193.
- 44 Valencia Cultural. 1961. N 11. P. 7.
- 45 *Fuster J.* Op. cit. P. 114.
- 46 Cambio 16. 1987. N 836. P. 56.
- 47 Ibid. 1988. N 842. P. 9.
- 48 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 190.
- 49 *Ferrando Francès A.* Consciencia idiomàtica i nacional dels valencians. Valencia, 1980 P. V.
- 50 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 21.
- 51 *Pere Sisé.* Op. cit. P. 17—18.
- 52 Cambio 16, 1988. N 840. P. 9.
- 53 Ibid. 1987. N 831. P. 10.
- 54 Ibid. N. 836. P. 59.
- 55 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 60.
- 56 Ibid. P. 11.
- 57 Cambio 16. 1988. N 840. P. 10.
- 58 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 55.
- 59 Ibid. P. 193.
- 60 Ibid. P. 196.
- 61 Lenguas y educación... P. 243.
- 62 Serra d'Or. 1981. N 265. P. 12.
- 63 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 198.
- 64 Ibid. P. 195.
- 65 Serra d'Or. 1981. N. 265. P. 12.
- 66 Ibid. P. 13.
- 67 Lenguas y educación... P. 242.
- 68 *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 195.
- 69 Ibid. P. 201.
- 70 Serra d'Or. 1981. N. 265. P. 13.
- 71 Cambio 16. 1987. N 836. P. 59.
- 72 Lenguas y educación... P. 242.
- 73 Ibid. P. 244.
- 74 Ibid. P. 245.
- 75 Ibid. P. 224.
- 76 Cambio 16. 1987. N 831. P. 10.
- 77 Ibid. N. 836. P. 61.
- 78 Ibid.
- 79 Cambio 16. 1987. N 822. P. 7.
- 80 Ibid. N 836. P. 53.
- 81 Ibid. P. 7, 53.
- 82 Ibid. P. 59.
- 83 Ibid. 1988. N 862. P. 10.
- 84 *Pere Sisé.* Op. cit. P. 69.
- 85 Cambio 16. 1987. N 836. P. 53.
- 86 Ibid. N 788. P. 10.

- ⁸⁷ Ibid. 1986. N 751. P. 16.
- ⁸⁸ Ibid. N 780. P. 10.
- ⁸⁹ Ibid. 1987. N 836. P. 59.
- ⁹⁰ *Ferrer i Gironès*. Fr. Op. cit. P. 178.
- ⁹¹ *Valencia Cultural*. 1960. N 7. P. 5.
- ⁹² Ibidem.
- ⁹³ *Fuster J.* Op. cit. P. 173.
- ⁹⁴ *Cambio* 16. 1986. N 787. P. 11.
- ⁹⁵ Ibid. 1987. N 836. P. 61.
- ⁹⁶ *Ferrer i Gironès*. Fr. Op. cit. P. 186.
- ⁹⁷ *Cambio* 16. 1986. N 787. P. 11.
- ⁹⁸ Ibid. 1988. N 844. P. 9.
- ⁹⁹ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 162.
- ¹⁰⁰ *Cambio* 16. 1987. N 836. P. 64.
- ¹⁰¹ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 169.
- ¹⁰² *Cambio* 16. 1987. N 836. P. 64.
- ¹⁰³ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 166.
- ¹⁰⁴ *Lenguas y educación...* P. 240.
- ¹⁰⁵ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 163.
- ¹⁰⁶ *Fuster J.* Op. cit. P. 111.
- ^{106a} *Sanchis Guarner M.* Op. cit. P. 12, 28, 206, 210.
- ¹⁰⁷ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 169.
- ¹⁰⁸ *Cambio* 16. 1988. N 840. P. 10.
- ¹⁰⁹ Ibid. 1987. N 829. P. 10.
- ¹¹⁰ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 164.
- ¹¹¹ *Cambio* 16. 1987. N 836. P. 64.
- ¹¹² *Valencia Cultural*. 1962. N. 27. P. 3.
- ¹¹³ *Cambio* 16. 1988. N 840. P. 10.
- ¹¹⁴ *Fuster J.* Op. cit. P. 108.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 107.
- ¹¹⁶ *Pérez Vilarino X.* Las reivindicaciones autónomas en España. Coruña, 1981. P. 113.
- ¹¹⁷ *Valencia Cultural*. 1961. N 4. P. 22.
- ¹¹⁸ *Cambio* 16. 1988. N 842. P. 9.
- ¹¹⁹ *Blanco J. J. et al.* La conciencia regional em España. Madrid, 1977. P. 9—10, 13.
- ¹²⁰ Ibid. P. 48.
- ¹²¹ Ibid. P. 47.
- ¹²² *Garcia Ferrando M.* Regionalismo y autonomia en España. 1976—1979. Madrid. 1982. P. 541.
- ¹²³ Ibid. P. 535.
- ¹²⁴ Ibid. P. 536.
- ¹²⁵ Ibid. P. 546.
- ¹²⁶ *Cambio* 16. 1986. N 787. P. 52—53.
- ¹²⁷ Ibid.
- ¹²⁸ *Colomer J. M.* Op. cit. P. 169.
- ¹²⁹ См.: *Крюков М. В.* Этничность, безэтничность, этническая непрерывность// *Расы и народы*. М., 1989. Вып. 19.
- ¹³⁰ *Cambio* 16. 1987. N 836. P. 62.

Глава вторая

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КАТАЛОНСКИЙ ЭТНОС?

КАТАЛАНОЯЗЫЧНЫЙ АРЕАЛ

Пришло время расширить рамки нашего исследования, включить в них, помимо уже рассмотренной «валенсийской части каталонского этноса», все остальные «части», иначе говоря, сосредоточиться на всех «каталонцах». В этом случае в поле нашего зрения оказывается каталаноязычное население Валенсии, Каталонии, Балеарских островов, Арагона. Мы уже выяснили, сколь большое значение имеют в глазах местных жителей региональные и даже субрегиональные барьеры. Поэтому было бы естественным рассмотреть ситуацию в каждом из перечисленных регионов, подобно тому как мы поступили в отношении Валенсии, а затем как бы суммировать полученные результаты, сделать выводы относительно всего арсала, или этноса в целом. Нас, конечно же, интересует этническая ситуация в каждом из уголков страны, тем более если есть основание видеть или предполагать там этническую, языковую или хотя бы просто проистекающую из различий в традиционной культуре неоднородность. Именно этого мы, судя по формальным признакам, вправе ожидать едва ли не в каждом из названных регионов.

Но есть один пункт, порождающий некоторые сомнения в правомерности такого подхода. Дело в том, что приведенный выше вывод о большой роли областных границ в общественной жизни обитателей этой части Испании мы сделали лишь на основании ознакомления с валенсийским материалом. И хотя многое из того, что нам стало известно, предполагает аналогии в других частях арсала, а в некоторых случаях речь прямо шла об универсальной (в рамках всех каталаноязычных земель) значимости регионального фактора, его доминировании над всеми прочими, мы можем предположить, что валенсийский случай представляет собой исключение из общего правила, тогда как весь прочий «каталонский мир» существует в неоспоримом единстве. И если это так, то, занимаясь дроблением, разрезанием его живого тела на отдельные части и «препарированием» каждой из них в отдельности, мы изначально становимся на не вполне подходящий путь, который отомстит нам впоследствии вполне неподходящими результатами.

Короче говоря, нам следует быть уверенными в том, что региональный подход к каталаноязычному арсалу, обнаруживший свою правомерность в случае с Валенсией, правомерен и относительно всех остальных регионов. Для этого мы пойдем уже проторенной дорогой и посмотрим, существуют ли в пределах арсала в целом

те черты, которые, проявившись в Валенсии, дали нам основание говорить о большом значении областного фактора.

Оценки ситуации валенсийскими авторами и с валенсийских позиций нам уже известны. Напомним, что, говоря о месте своего региона в общекаталанском комплексе, они настаивают на его самобытности, хотя ее декларируемые пределы колеблются довольно сильно в зависимости от той или иной точки зрения.

Уже хорошо знакомый нам Фустер отстаивал «множественность в единстве», сам себя называл не «каталонистом», а «панкаталанистом», и это было для него принципиально важно. Не случайно он так ратовал за термин «Каталанские земли», лучше всего отражавший «плюралистическое» понимание им отношений внутри арсала¹. Но может быть, в этом сказалась особая позиция валенсийца, претензии на то, чтобы распространить валенсийскую уникальность на весь арсал?

Как бы там ни было нельзя игнорировать приводимые им объективные факты: не существует общепризнанного названия жителей арсала, что, кстати, представлялось Фустеру — стороннику интеграции, неразрешимой проблемой². Ведь название «каталан» в применении к человеку означает для всех прежде всего уроженца Каталонии. Использование того же термина для обозначения просто каталаноговорящего, без различия региона, требует специального разъяснения. И, конечно, название общей родины всех, кто использует каталанский язык, говорит само за себя. Правда, Каталанские земли — не единственное из названий, но, пожалуй, наиболее общепризнанное в последние десятилетия. Остальные существующие термины с тем же содержанием в той или иной степени также включают элемент множественности, будь то «Каталанские земли» («tierras catalanas»), «Земли каталанского языка» («tierras de lengua catalana») и даже «Великая Каталония» («Gran Catalunya»); ведь просто Каталония — это все тот же регион, а Великая — значит включающая еще какие-то земли, кроме Каталонии, т. е. количественно иная.

Впрочем, в одной из книг мы находим изложение мнений видных политологов, публицистов, общественных деятелей — выходцев из «неваленсийской» части каталаноязычного арсала. И оказывается, что их видение ситуации во многом сходно с фустеровским; и очень важно, что большое значение в каждом случае придается именно региональным рубежам. Примечательно, что и для самого автора книги «региональный взгляд» представляется совершенно естественным. Он указывает, в частности, что «мальоркинец» (так чаще всего называют обитателей Балеарских островов, когда речь идет об их деятельности, выходящей за рамки архипелага) Жузеп Мелья, признавая «единство мальоркинцев, валенсийцев и каталонцев», считал тем не менее необходимым укрепление специфических черт, характеризующих каждую из земель, и сохранение политической автономии каждой из них в отдельности³. Интересно, что его книга, которая в первом издании (1967 г.) называлась «Мальоркинцы» («Los Mallorquins»), во втором, десять лет спустя, появилась как

«Нация мальоркинцев» (*La nació dels mallorquins*). Опять перед нами знакомые уже по валенсийским материалам черты самосознания: признание близкого родства, единства происхождения как будто отступает перед представлением о первостепенности связей в пределах региона.

Нас в наибольшей степени должны интересовать именно те авторы, которые не сомневаются в единстве каталанского языка и в генетической единосущности всех говорящих на нем, такие, как Фустер и только что упомянутый Ж. Мелья. Каталонец (в узком смысле) Р. Рибо, придававший большое значение в деле создания основы, фундамента «характера национальности Каталонских земель» объективным факторам, таким, как общая история, общий язык, культура, связанная главным образом с языком, и т. д., отмечал тем не менее в середине 70-х годов отсутствие в Каталонских землях «коллективного сознания большинства... национального сознания или сознания национальности в политическом смысле»⁴. «Различия в осознании языкового и культурного своеобразия... особая политическая динамика» в каждой из земель отодвигают перспективы формирования общего, коллективного сознания, сколько-нибудь влиятельного в политическом смысле, в «непредсказуемое будущее»⁵. Даже горячие сторонники общекаталанского единства и политического обособления вплоть до отделения, оказывается, не мыслили этот процесс иначе, как с отдельным автономным статусом для каждой из земель⁶.

В вышедшей в Барселоне в 1977 г. книге, анализировавшей результаты происходивших там же годом ранее дебатов о сути и путях развития Каталонских земель, можно встретить многочисленные указания на препятствия в деле общекаталанского единства, на социальные, экономические, географические, политические различия не только между регионами, но и в пределах каждого из них. Отсутствие в Каталонских землях коллективного национального самосознания, по мнению авторов книги, приводит к отсутствию стремления к совместным политическим действиям и делает невозможным «утверждение, что сегодня (жители) Каталонских земель являются нацией»⁷. Как бы подводя итог дискуссии о национальной сущности каталаноязычного населения Испании и других стран, один из авторов сборника, Жорди Карбонель, указывает, что среди ее участников есть люди, считающие нацией только жителей Каталонии и отрицающие возможность распространить то же понятие на все земли ввиду явной недостаточности для этого одной лишь исторической и языково-культурной близости. Однако их оппоненты настаивают на признании статуса нации за всем арсалом (мы не будем сейчас касаться содержания термина «нация» в устах спорящих). Единодушие, продолжает Карбонель, существует лишь в вопросе об автономии: каждая из земель должна получить свой особый статус⁸.

Как мы уже знаем, именно так и произошло в ходе автономистской кампании конца 70-х — начала 80-х годов. Но хотелось бы упомянуть

в этой связи еще одну работу — капитальную «Большую каталанскую энциклопедию» в 22 томах⁹. С одной стороны, она принадлежит тому же ряду работ, что и только что рассмотренные нами: ее авторы также говорят о «каталанской нации» в широком смысле и считают, что на протяжении столетий «единство земель каталанского языка чувствовалось постоянно независимо от изменений административных или политических границ». С другой стороны, энциклопедия издана в конце 80-х годов, и нам, конечно, интересно, как же воспринимается проблема сейчас, после бурных событий периода автономизации и первых лет существования новых автономных сообществ. Так вот, вся совокупность значений формы «каталонец», «каталанский» в соответствующей статье опять же подразделяется прежде всего на две основные группы, одна из которых связана со всеми Каталанскими землями, а другая — только с собственно Каталонией (Принципатом). Во втором случае особо подчеркивается содержательное отличие от тех реалий, что стоят за формами «валенсиец» и «валенсийский», «мальоркинц» и «мальоркинский» и другими на том же уровне¹⁰.

Авторы энциклопедии отмечают, что соотношение двух понятийных совокупностей менялось на протяжении истории, и если долгое время едва ли не абсолютно доминировала узкая трактовка, то с начала XX в. все более активно действуют сторонники широкой, вопреки сопротивлению как регионалистов, так и многочисленных слоев населения Валенсии и Балеарских островов¹¹. О результатах этой борьбы в сфере самосознания, например в 30-х годах, неплохо говорит факт из другой статьи того же издания, где упоминается балеарский парламентарий того времени, «столь убежденный сторонник единой политической системы Каталанских земель, что его называли «каталонцем с Мальорки»¹².

Наряду с уже известным нам по работам других авторов восприятием Каталанских земель как частей единого, но разделенного государственными и региональными границами лингвистического ареала, в энциклопедии мы можем увидеть и другой, еще более «областнический» подход к содержанию того же термина: совокупность трех регионов Испании с численным и территориальным доминированием каталаноязычного населения¹³.

И наконец, нас не может не интересовать, что сообщает энциклопедия о тех чертах традиционной культуры каталаноязычных жителей Испании и других стран, которые являются для них общими и отличают их от «чужеродных» соседей. Однако в «этнографической» главе ничего подобного мы не обнаруживаем. Авторы на нескольких страницах подробно описывают традиционную экономику, сельские поселения и жилище, исконные обычаи, праздники, ремесло, танцы, одежду и т. д., но без малейшего стремления выявить «этнические особенности», а только с желанием рассказать о тех характерных традиционных формах, которые бытуют на территории каталанского лингвистического ареала. Впрочем, в одном случае речь идет именно о специфике: «В то время, как романсос (один из жанров народной

литературы.— А. К.) существовали и на других испанских землях, гочс (другой жанр.— А. К.) — свойственны почти исключительно землям каталанского языка»¹⁴. Но не стоит забывать, что речь идет о явлениях, тесно связанных со словом, с языком, а язык-то действительно общий...

Для выяснения интересующего нас вопроса, очевидно, необходимо обратиться и к результату опросов общественного мнения, т. е. прислушаться к голосу масс, а не только интеллектуальной элиты. Те же самые материалы, откуда мы черпали данные для характеристики самосознания валенсийцев, дают интересные сведения о жителях других регионов каталанского языка. Так, по результатам опроса 1979 г. среди балеарцев относительно того, кем они осознают себя, находясь в других регионах Испании, абсолютное большинство определилось по своему родному острову, подавляющая часть остальных — по архипелагу в целом¹⁵. «Общекаталанское» самосознание никак не отразилось в опубликованных данных, хотя «общее-испанское» здесь присутствует: один процент опрошенных назвали себя «испанцами», но это явно не испанцы в привычном для нас понимании, хотя бы потому, что, во-первых, 11% опрошенных заявили о себе как о «кастильцах», «мурсийцах», «экстремадурцах» и др. Таким образом, они самоопределились по региону, где родились и откуда приехали на Балеарские острова. Во-вторых, сами уроженцы островов, находясь за границей, в большинстве ощущают себя испанцами, что ясно указывает на подлинное содержание термина.

Данные по Каталонии в этом случае нам никак не помогут. Как мы знаем, не существует «этнического» наименования каталонцев помимо их «регионального» обозначения (каталонцы). Поэтому тот факт, что в 1979 г. 79% обитателей Каталонии (без Барселоны) указали, что за пределами родного региона чувствуют себя каталонцами, формально не говорит ничего о соотношении здесь регионального каталонского и общекаталанского самосознания. Однако известно, что в ходе опроса определенно подразумевалось, что «каталонец — это житель региона», и поэтому можно, очевидно, видеть и здесь явное превалирование регионального самосознания. Напомним, кстати, что, кроме региональной формы самоотождествления, учитывались и другие: по провинции, по комарке и «общее-испанская».

Обратимся, воспользовавшись результатами этого же опроса, к материалам о предпочтениях жителей разных регионов по отношению друг к другу. Здесь точкой отсчета также является регион; именно такой, а не «этнический» подход естествен и для опрашиваемых, и для опрашиваемых. Для жителей Валенсии «единокровные» каталонцы и балеарцы оказались менее предпочтительными, чем принадлежащие к «другому этносу» (если стоять на нашей точке зрения) или, во всяком случае, входящие в иной языковой ареал уроженцы Андалусии и Мурсии¹⁶. Для обитателей Балеарских островов ближе всех оказались одноязычные с ними валенсийцы, зато каталонцев они поставили лишь на четвертое место, предпочтя

им «лингвистически чуждых» андалусийцев и арагонцев (испано-, т. е. кастильскоязычных)¹⁷. Но и каталонцы поставили перед своими братьями по языку и происхождению все тех же южан-андалусийцев, а жители Барселоны — еще и басков¹⁸. Вряд ли это произошло бы при высоком уровне этнического самосознания в рамках каталано-язычного ареала.

Приведенные сведения дают основание и даже побуждают нас рассматривать этническую проблематику каталаноязычного ареала не в целом, а по отдельным регионам. Мы обратимся к Каталонии, Балеарским островам и Арагону, где проживает в настоящее время каталаноязычное население, соответствующие территории обитания которого, в свою очередь, и составляют в совокупности испанскую часть Каталанских земель (есть еще французская, андоррская и совсем небольшая итальянская части ареала). Существует, правда, и в самой Испании еще одна региональная группа коренного каталаноязычного населения (в Мурсии), но о ней мало что известно. Она, насколько можно судить, не претендует на то, чтобы быть представленной где бы то ни было в качестве одной из Каталанских земель, скорее всего в силу своей малочисленности. На начало 80-х годов в Мурсии, в так называемом районе Карше, входящем в зону каталанского языка, проживали 2873 человека, что составляло 0,3% населения региона¹⁹.

КАТАЛОНИЯ

Из приведенного нами перечня земель начать следует, очевидно, с Каталонии. Об этом регионе по сравнению например с Валенсией, писать и легче и труднее, разумеется, в интересующем нас аспекте. В силу исторических обстоятельств, причин экономического, политического и другого рода Каталония выступает как своего рода центр, ядро всего каталаноязычного мира, а также наиболее яркий, весомый и основательный его представитель. Действительно, область дала название языку, который ее уроженцы понесли за пределы своей родины, на котором говорят ныне местные жители в нескольких регионах Испании и четырех странах. От уроженцев Каталонии, хотя и не только от них, ведут свое происхождение нынешние обитатели Балеарских островов и каталаноязычных частей Валенсии (как бы некоторые из них ни оспаривали этот факт). Наконец, обстоятельства сложились таким образом, что в глазах внешнего мира Каталония выступала не просто как ядро каталаноязычного ареала, но едва ли не олицетворение его. Будучи развитой, передовой в социально-экономическом отношении в пределах Испании, Каталония постоянно участвовала в бурных политических событиях, то и дело становилась ареной ожесточенных классовых битв, и, конечно, название ее привычно слуху как символ борьбы за национальное освобождение, против репрессивной ассимиляторской политики иностранных по отношению к ее населению мадридских властей.

Период Второй республики считается временем, когда нацио-

нальное движение народов Испании добилося наибольших (от его зарождения до середины 70-х годов) успехов. Именно тогда была провозглашена автономия трех областей, населенных «меньшинствами», — Галисии, Страны басков и Каталонии. Впрочем, эта акция республиканского правительства стала заслуженным признанием неуклонно усиливавшегося на протяжении предшествовавших десятилетий движения жителей Каталонии, отстаивавших свою самобытность и право на самоуправление. В борьбе участвовало подавляющее большинство местного населения, практически все социальные слои в той или иной мере отдали ей дань. Это соответствовало высокой степени распространения каталанского языка в самых широких кругах, в различных сферах общественной и культурной жизни. Автономный статус позволил укрепить его позиции. Но тем ощутимее и драматичнее должны были быть для Каталонии репрессивные действия победителей-франкистов по искоренению каталанского языка отовсюду, кроме частной жизни.

О жесткой ассимиляторской политике франкистского правительства по отношению к каталонцам, равно как и о самоотверженной борьбе народа Каталонии за сохранение своего этноязыкового облика, написано достаточно много, в том числе и советскими учеными. Мы, разумеется, не обойдем эти события в нашем исследовании, но сейчас перед нами стоит задача разобраться в этнической ситуации в стране, в частности в каталаноязычном ареале и в самой Каталонии. Сосредоточимся пока на выяснении вопроса: кто такие каталонцы, подобно тому как мы сделали это в отношении их ближайших соседей и родственников — валенсийцев.

Как следует из вышесказанного, каталонцы Каталонии в отличие от жителей Валенсии постоянно ощущают себя особой общностью, обладающей определенной спецификой, и связывают свое существование с поддержанием этой специфики, в первую очередь — языка. Особый характер коренного населения Каталонии всегда осознавался наблюдателями и побуждал их так или иначе выделять Каталонию и ее обитателей из общего ряда регионов Испании. Характерен в этом отношении взгляд известного политолога и историка Х. Линса, считавшего Каталонию «регионом с традицией местного национализма», а Валенсию и Барселону — регионами, имеющими национальные и лингвистические особенности, но не борющимися за них»²⁰. О каталонцах в публицистике и научной литературе нередко говорится как о национальности и даже нации, в отличие от валенсийцев, которых, как правило, называют народом и очень редко, да и то с оговорками, — другими терминами. За первыми как бы признается более высокий статус, нежели за вторыми. Это отличие поддерживается еще и тем большим значением, которое имеет в испанском обществе факт исторического прецедента: Каталония уже обладала автономным статусом в рамках Испанского государства. Группа регионов, население которых проголосовало в 30-е годы за автономию (Галисия, Страна басков и Каталония), оказалась в 70-е годы в более выигрышном положении, по сравнению

со всеми другими регионами страны. Новое правительство безоговорочно признало их права на самоуправление, которое должно было быть им представлено в наиболее широких из допустимых конституцией пределах (по ст. 151). Тем самым отчетливо проявилось, что в определенном, очень важном для граждан Испании аспекте Каталония воспринимается принципиально иначе, чем другие каталаноязычные регионы.

Попробуем определить сходство и различия между каталонской и валенсийской ситуациями, между каталонцами и валенсийцами. Пойдя по пути, уже опробованному нами в случае с Валенсией, мы должны будем прежде всего выяснить содержание понятия «каталонцы». Как мы помним, относительно валенсийцев высветилась в итоге примерно такая картина: существуют разные точки зрения на этот счет, но почти все они придают решающее значение региональным границам, спланивающим людей. Если составить существующие представления в единый ряд по принципу расширения толкования интересующего нас термина, то получается такая последовательность: коренные жители каталаноязычной зоны; все коренные жители Валенсии; все те, кто живет и работает в регионе, независимо от места рождения, включая мигрантов.

Если мы обратимся к проблематике, связанной с понятием «каталонцы», то окажется, что она несколько иная. Отметим сразу, что почти вся территория региона входит в каталаноязычный ареал, т. е. лингвистическая граница не отрезает от нее сколько-нибудь значительные куски. Логично поэтому выглядит одно из значений термина: каталонцы — коренные жители региона. Если принять во внимание уже известную нам массовую миграцию в Каталонию из других областей в 60—70-е годы, мы вправе ожидать, что встретим здесь довольно внушительную группу приезжих. Судя по имеющимся данным, так оно и есть. К примеру, на конец 1980 г. сообщается о 37% мигрантов в общем количестве населения Каталонии; показатели за другие годы и по отдельным частям региона, в особенности по Барселоне, еще более впечатляют. Значит — каталонцы и мигранты. Но здесь есть еще одна сложность: практически во всех опросах, при любых подсчетах соблюдается один и тот же принцип, в соответствии с которым мигрантом считается лишь тот, кто, родившись в другом месте, приехал в регион на временное или постоянное жительство. Тот, кто родился в Каталонии, уже не мигрант, и опросами и переписями он учитывается как каталонец. Но тогда естественно возникает вопрос: как же быть с этноязыковой спецификой? Ведь необходимо различать потомков коренных каталонцев, мы сказали бы «этнических каталонцев», или «представителей каталонского этноса», и представителей другого этноса, скорее всего «собственно испанского». Мы помним, что внешняя миграция шла по преимуществу из испаноязычных — центральных и особенно южных областей страны. Ибо, казалось бы, человек, родившийся от людей, оказавшихся среди иноэтничного населения, еще не теряет тем самым окончательно и бесспорно национальности

своих родителей, тем более что мигранты в каталонских городах не просто поддерживают постоянные контакты между собой и со своей «малой родиной», но в некоторых районах составляют компактное и даже подавляющее большинство. Мало того, и трудятся они нередко на таких предприятиях или в таких отраслях производства, где имеют численное преобладание над местными уроженцами, а то и едва ли не монополию. Наконец, средства массовой информации, деловая жизнь, школьное обучение, сфера торговли и обслуживания — все это до середины 70-х годов существовало и функционировало исключительно или почти исключительно на родном языке приезжих, что, конечно же, не стимулировало их к изучению местной каталанской речи. Логично предположить, что в таких условиях дети, рождавшиеся в семьях мигрантов уже после присзда в Каталонию, сохраняют в основном или полностью этнические черты той общности, к которой принадлежат их родители и которая связана прежде всего вместо их «исхода». И следовательно, они должны быть как-то выделены, точнее, как-то отделены от представителей «каталонского этноса» — тех людей, которые отстаивают свою самобытность, и прежде всего свой родной язык; отделены, разумеется, терминологически, поскольку, если явление существует и всем очевидно, оно не может не отразиться в определенном словесном обозначении.

Но, как мы уже указывали, в официальной статистике не фиксируется такого рода различие и отсутствуют соответствующие термины-обозначения. В среде коренного населения используется словечко «шарного» — «чужак» в применении к приезжим. Но, во-первых, нет никаких указаний на то, что это определение применяется именно к индивидам с иным, нежели у коренных каталонцев, культурно-языковым обликом, а во-вторых, есть свидетельства, что это слово, несомненно, имсющее пейоративное значение, обращают по отношению к своим бывшим землякам и те мигранты, которые уже прожили несколько лет в Каталонии. Они больше не чувствуют себя чужаками, но это не означает усвоения ими этнического облика коренного населения. Вновь приезжающих они упрскают в том, что те явились «есть каталонский хлеб». Вот и получается, что «шарного» — это не термин для обозначения «собственно испанца» в отличие от «этнического каталонца», и о существовании какого-либо термина в этом значении неизвестно.

Вот как, согласно выходящей на каталанском языке коммунистической газете «Требаль», выглядит состав делегатов одного из съездов компартии Каталонии: 53,5% делегатов родились в Каталонии, 44,7% — в других частях Испании, 1,7% — за границей. Представители двух последних категорий относятся авторами исследования к разряду «мигрантов», и далее их рассматривают с точки зрения происхождения (из какого региона), времени прибытия в Каталонию (в какие голы) и возраста в момент прибытия²¹. В дальнейшем мы встречаем упоминания о «мигрантах второго поколения» — людях, родившихся в Каталонии от приезжих родителей.

Но этот термин применен для того, чтобы объяснить феномен существования категории людей, имеющих местное происхождение и не использующих постоянно каталанский язык. Более нормальным, очевидно, считается такое положение вещей, когда местный уроженец владеет местным языком. Из этого же номера газеты мы узнаем, что наряду с коренными жителями постоянно использует каталанский язык немалое количество мигрантов первого поколения²².

Таким образом, вырисовывается следующая картина. О том, что происходит в сфере межэтнических отношений в Каталонии, нам, волей организаторов переписей и опросов, приходится судить практически по двум показателям: месту происхождения и родному языку (или степни владения тем или иным языком) жителей региона. Отчетливо противостоят одна другой две общины: каталонцы и мигранты первого поколения. Их существование подтверждается соответствующими терминами в общественной лексике. Но к каталонцам причисляют и тех, кто родился в регионе от выходцев из других частей Испании. Уже во втором поколении, следовательно, терминологическая четкость отсутствует, противопоставление общин как бы смазывается. Такое ощущение, что верх берет региональность, так как, с точки зрения местных жителей, факт рождения на территории региона как бы «перевешивает» чуждость культурного облика и даже такую важную характеристику личности, как язык. А кроме того, во втором поколении мигрантов уже в полную силу развернулись процессы языковой ассимиляции, размывания первоначально компактных общин пришельцев.

Итак, термин «каталонцы», с одной стороны может подразумевать людей, родившихся в регионе, но не владеющих каталанским языком и не ведущих происхождение от коренных жителей. С другой стороны, в уже упоминавшемся нами анкетировании, как, впрочем, и в других исследованиях, «близкородственные» и одноязычные уроженцы Валенсии и Балеарских островов, работающие и живущие ныне на территории Каталонии, рассматриваются тем не менее в числе мигрантов соответственно валенсийского или островного происхождения. И тут, следовательно, областной компонент преобладает над этнокультурным, что ставит окончательно точку над «i»: каталонцы — это уроженец региона Каталония.

В последнее время это доминирование регионального начала было еще более усилено и подчеркнуто политикой местного автономного правительства, которое устами своего главы Жорди Пужоля объявило, что будет в своих действиях и намерениях руководствоваться принципом: каталонцы — это те, кто живет и работает в Каталонии. Таким образом снимается даже требование быть местным уроженцем. В каких целях выдвигался этот лозунг и каковы его культурно-языковые последствия, мы рассмотрим в дальнейшем. Пока отметим лишь, что одним из основных результатов в случае его реализации станет снижение барьеров между отдельными группами населения Каталонии.

Разумеется, и здесь существует множество проблем, противоречий, конфликтов. Нам важно было с самого начала выявить наличие и большую весомость регионального фактора даже для той общности, которая обладает ярко выраженными и общепризнанными этническими свойствами. Значение этого фактора, сила этой регионалистской тенденции проявляются уже в терминологии, точно так же, как это было в случае с Валенсией.

Для рассмотрения ситуации в Каталонии и ее эволюции нам нет нужды делать «срезы» общественной жизни в какие-то исторические моменты, к которым мы прибегли для того, чтобы разобратся в валенсийской мозаике. Будем оперировать двумя доступными нам показателями: языком и самосознанием. Первый из них, очевидно, должен быть рассмотрен в ряду связанных между собой аспектов: языковая политика властей, лингвистическое состояние общества и его эволюция, позиция различных групп населения Каталонии в сфере языка и т. д. О языковой политике Мадрида в конце 30-х — 40-е годы мы уже упоминали в связи с Валенсией. Беспощадно репрессивная в то время, она начала в дальнейшем несколько смягчаться, сохраняя, однако, неколебимую свою основу: полный запрет каталанского языка в официальной жизни местного общества, поддержание здесь всей мощью государственной машины монополии кастельяно. Постепенно мелкие уступки становились чаще и заметнее, особенно с 60-х годов, хотя «терпимость» франкистов редко выходила за фольклорные, «этнографические» рамки. Так, созданию здесь в середине 60-х годов журнала «Прессенсья» сопутствовало специальное распоряжение о том, чтобы на его страницах общий объем каталаноязычных текстов не превышал 20% ²³. Оскорбительные ограничения в отдельных случаях приводили к крайне нежелательным для властей, стремившихся убедить весь мир в своем либерализме, скандалам. В 1968 г. известный каталонский певец Серрат, не получивший официального разрешения исполнить песню на языке своей родины во время транслировавшегося на многие страны Европы музыкального телевизионного фестиваля, отказался петь вовсе и тем привлек внимание мировой общественности к испанским событиям. В то время франкисты уступали еще далеко не всегда и не во всем, так что, например, широкая кампания среди населения Каталонии под лозунгом «Каталанский язык — в школу!» окончилась ничем ²⁴.

Однако время делало свое дело, и уже в 1970 г. на заседании государственной Комиссии по образованию и науке были приняты статьи к общему закону о реформе образования, в которых разрешалось включение в дошкольное и начальное обучение «местных языков». При этом, разумеется, провозглашалось единство «родины-матери», «нашей Испании», которое не должно быть поколеблено признанием локальных особенностей. В феврале следующего года на сессии Совета Национального движения — в то время правящей и единственной легальной партии страны — высказывалась озабоченность по поводу усиления в Каталонии регионалистских тен-

денций. Они проявились в уже упомянутой кампании за введение каталанского языка в школу, распространении в большом количестве книг на этом языке, росте популярности бардов из движения «Новая каталонская песня» и т. д. Франкистов особенно волновала все большая поддержка этих тенденций со стороны молодежи. Но примечательно что многие участники сессии высказались против репрессивных мер в отношении некастильских языков, и даже раздались голоса, призвавшие отказаться от прямолинейной трактовки единства народов Испании как единообразия в сферах языка, психологии, образа жизни, социально-экономической структуры, традиционной культуры и т. д.²⁵

Эти и подобные им акции, благие пожелания официальных кругов по большей части остались на бумаге. Однако общественность, пользуясь ситуацией в стране, все активнее брала инициативу в свои руки. С 1973 г. вновь развернулась мощная кампания в поддержку каталанского языка, охватившая все социальные слои и политические силы; на очередь дня встал вопрос о его официальном использовании. Не дожидаясь введения каталанского в государственные школы, его отважно начали преподавать в частных. Наконец, в последние месяцы жизни диктатора было — впервые в практике франкистов — признано официальное употребление «местных языков», хотя они еще не получили тех же прав, что кастильский — «выражение и средство нашего исторического единства». В школу они, в том числе каталанский, допускались на факультативных началах, в рамках эксперимента. В местной администрации их могли использовать в устной форме при сохранении для документации кастильского. Наконец, было разрешено записывать имена в любой форме, а не только в кастильской, как было до тех пор²⁶.

Визит короля в Каталонию в феврале 1976 г. и его выступление перед представителями каталонского населения, часть которого он произнес на каталанском языке, свидетельствовали об изменении политики правящих кругов.

Дальнейшее развитие языковых процессов в регионе связано с такими событиями, как первые после сорокалетнего перерыва парламентские выборы в стране, предоставление Каталонии статуса временной автономии, повсеместное обсуждение и принятие в 1978 г. новой Конституции Испании. В этом документе была узаконена «соофициальность» (cooficialidad) кастильского и местных языков Испании в соответствии со статусами тех автономных образований, в среде населения которых распространены эти языки. В Каталонии официальным языком, наряду с общегосударственным, стал каталанский. Процесс его «реабилитации», однако, шел с большими трудностями, причем его тормозил не только центр, но и целый ряд местных учреждений; ему сопротивлялась определенная часть местного общества. Едва лишь появился в печати проект автономного статуса Каталонии, подготовленный комиссией из депутатов и сенаторов от этого региона в парламенте страны, как нотариальная коллегия Барселоны выступила с предложением убрать из этого

документа требование об обязательном знании местного языка нотариусами. В дальнейшем нотариальные конторы постоянно затрудняли гражданам возможность воспользоваться своим законным правом и составить необходимый документ по-каталански, так как в этих случаях служащие заставляли клиентов ждать значительно дольше, чем если аналогичная бумага была на кастильском языке²⁷. Тем временем еще в 1978 г., т. е. до принятия постоянного автономного статуса, королевским декретом было узаконено обучение на каталанском языке в школах региона.

По мнению некоторых свидетелей происходивших в то время событий, определенную роль в замедлении процесса «нормализации» каталанского языка, в усилении ограничительных мер по отношению к нему, которые должны были теперь казаться особенно нетерпимыми, сыграла неудавшаяся попытка реакционного военного переворота 23 февраля 1981 г. Его участники декларировали свое стремление воспрепятствовать «дроблению» государства, разрушению священного для них «единства нации». Во всяком случае, в том же 1981 г. правительство выдвинуло проект так называемого закона о гармонизации распоряжений о языках в автономных сообществах. Действия противников каталанского языка слились в своего рода кампанию. Вышел декрет о создании Высшей инспекции в сфере образования для контроля за соблюдением языковых прав кастельяноговорящих на территории Каталонии. Это, так сказать, на самом высоком, правительственном уровне. На более же низком наступление каталанского языка встречало препятствия иного рода. Так, коллегия инженеров опротестовала требование местной каталонской администрации экзаменовать кандидатов на вакантные места в соответствующей сфере на знание каталанского языка. Барселонский суд поддержал протест коллегии. Наконец, тогда же, в марте 1981 г., в мадридской газете был опубликован «манифест» 2300 лиц свободных профессий и интеллектуалов, проживающих в Каталонии, об имеющей здесь, по их словам, место лингвистической дискриминации кастильскоязычного населения. В мадридском парламенте зачитывались запросы представителей правых партий о давлении, которое оказывается на незнающих местный язык учителей начальной школы в Каталонии с тем, чтобы они увольнялись и уезжали из региона. В 1982 г. был фактически подтвержден франкистский указ 1967 г. о том, чтобы все этикетки на товарах испанского производства, циркулирующих внутри страны, печатались только на «официальном языке государства» — кастильском²⁸.

Социалисты, пришедшие к власти в 1982 г., в чем-то продолжая политику своих предшественников в отношении автономного процесса и прав автономных сообществ, в целом проявили значительно большую широту. Они высказались — впервые в истории Испании, как отмечает автор книги о судьбе каталанского языка, имеющий в виду, конечно, силы, находящиеся у власти, — за «лингвистический и культурный плюрализм в сфере образования»²⁹.

Каталанские региональные власти оказывали сопротивление попыткам затормозить процесс утверждения каталанского языка в качестве полноценно функционирующего во всех сферах жизни регионального общества, хотя, может быть, и не так решительно и последовательно, как того хотелось бы многим, в том числе и только что цитированному автору. На этой стезе им пришлось время от времени вступать в конфликт с центральным правительством. Так, в ответ на мадридский указ о торговых этикетках в Барселоне был принят декрет, разрешающий предпринимателям печатать их на том языке, который они сочтут более подходящим³⁰. Спор между Мадридом и Барселоной по поводу местного закона о языковой нормализации разбирался в Верховном суде. Союзником центра выступили каталонские судебные власти, которые, например, запретили муниципальным властям целого ряда городов региона требовать знания каталанского языка от претендентов на должности в органах городского самоуправления. Несмотря на все препоны, позиции каталанского языка, опирающегося теперь на автономные структуры, постепенно укреплялись. В 1984 г. вышло разрешение телеграфной связи на нем, затем — Закон об общественных учреждениях, по которому администрация обязывалась пополнять свои кадры лицами, владеющими двумя официальными языками. В следующем году увидел свет закон, утверждающий право граждан подавать в суд документы на каталанском языке и пользоваться им в стенах судебных учреждений, причем перевод на кастильский язык, если возникнет необходимость в нем, должен быть сделан за государственный счет³¹.

Нужно отметить, что движение в среде каталаноязычного населения региона в целях поддержания лингвистической преемственности, даже в крайне неблагоприятных условиях репрессий и официальных запретов, дало о себе знать уже в 50-е годы в такой важной сфере, как школьное обучение. В это время возникло первое учебное заведение, готовившее учителей каталанского языка, разумеется в рамках частной инициативы. С начала 60-х годов масштабы деятельности подобных учреждений и их количество стали постепенно, но неуклонно расширяться. В 1965 г. возникла «Школа учителей Роза Сенсат», организовывавшая вечерние курсы, летние школы, курсы для специалистов, взявшаяся за создание отсутствовавшего дидактического материала для школьного обучения и т. д. Университеты региона включали каталанский язык в программы повышения квалификации учителей³².

Создавалась, таким образом, основа для обеспечения школьного обучения как местному языку, так и на местном языке. В 1975/76 учебном году он преподавался в 360 школах региона (1126 учителей, 171 тыс. учеников). К 1978 г. 16% школьников Каталонии штудировали его в соответствии с расписанием, два часа в неделю. В 1979/80 г., после декрета 1978 г. об обязательном введении каталанского в дошкольное и начальное образование, изучали местный язык в подавляющем большинстве классов: в Барселоне — в 70%,

в Таррагоне — в 90, в Льеиде — 95, в Жироне — 97% ³³. Правда, все это было обучение языку, а не на языке. В 1981 г., когда раздавались столь громкие протесты против дискриминации кастильского языка в Каталонии, там лишь в 10% школ велось преподавание на каталанском, в остальных же он изучался как иностранный.

Однако в августе 1982 г. были созданы условия для нового качественного скачка в языковой сфере: вышел декрет о переходе к использованию каталанского как языка обучения. Поощрялось ведение отдельных предметов на каталанском языке там, где до этого он только изучался, с перспективой полного перехода на него в учебном процессе, при этом школам, пожелавшим вступить на такой путь, было предложено не испрашивать специального разрешения. В 1981/82 учебном году полное или частичное (с несколькими предметами) обучение на каталанском языке в школах региона охватывало уже 21,76% государственных и частных учебных заведений ³⁴. В общей сложности к осени 1982 г. специалисты делали вывод, что «обучение каталанскому языку как предмету распространилось на все школы страны» (Каталонии) и «изо дня в день растет количество школ, в которых учат полностью или частично на каталанском языке, хотя пока еще преобладают школы на кастильском» ³⁵. Сохранялась очень затруднявшая процесс нормализации «ситуация приниженности» каталанского, показателем чего может служить такой интересный факт: 90% каталаноязычных школьников легко объясняются на кастильском языке, тогда как среди кастильскоязычных школьников доля легко объясняющихся на каталанском языке составляет лишь 30% ³⁶.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в Каталонии весьма сильны позиции местного языка, значительно сильнее, в частности, чем в Валенсии. Существует мощная опора для него и заинтересованность в нем в обществе, так что борьба за укрепление его позиций становится одним из основных аспектов деятельности автономного правительства, источником конфликтов с центральной властью и частью регионального населения, выступающей за сохранение сложившихся за годы франкизма, а возможно, и ранее доминирующих позиций кастельяно.

Аналогичные процессы развивались и в средствах массовой информации. Барселонское радио еще при Франко начало понемногу внедрять в свои программы передачи на каталанском языке, преимущественно по фольклорной, театральной и подобной тематике; немало делалось двуязычных передач для широкой публики. К концу 80-х годов четвертая часть радиотрансляции по четырем барселонским программам шла на каталанском языке.

Большинство каталонских радиостанций по-прежнему вещает на кастильском языке, но число двуязычных и каталаноязычных программ с годами увеличивается. С 1983 г. начали появляться радиостанции с трансляцией только по-каталански. Телесвидение в Испании в отличие от радиовещания принадлежит государству, и

из двух его программ первая идет целиком по-кастильски, вторая же какое-то время уделяет каталаноязычным передачам. В 1983 г. Каталония получила собственный региональный канал, функционирующий только на каталанском языке (TV-3); именно о его трансляциях на Валенсию и Балеарские острова так много спорят тамошние жители.

Уже в 1976 г. после многолетнего перерыва появилась первая ежедневная каталаноязычная газета «Авуи», за ней последовали аналогичные издания как в Барселоне, так и в других городах Каталонии.

Попробуем теперь разобраться в том, что же представляет собой в этническом отношении каталонское общество. Мы уже знаем, что весь регион входит в каталаноязычный ареал, здесь нет, как в Валенсии, коренного иноязычного населения. Известно также, что каталанский язык имеет поддержку практически во всех социальных слоях, а кроме того, традицию употребления в различных сферах общественной жизни. И вместе с тем лингвистическая нормализация наталкивается на сопротивление, помимо официальных, каких-то местных кругов. Кто же эти люди?

Миграция в промышленно развитую Каталонию из других частей страны, и в первую очередь из отсталых сельскохозяйственных областей, шла еще с прошлого века. В 50-е годы поток стал быстро увеличиваться, а с начала 60-х годов приезжие насчитывались уже сотнями тысяч. Прибывавшие в Каталонию находили себе применение в соответствии со своими профессиональными возможностями и потребностями местной экономики как в Барселоне и других городах региона, так и в его сельском хозяйстве. Они приезжали по большей части с намерением навсегда остаться на новом месте. Нередко первые из них оказывались своего рода разведчиками и, обосновавшись, вызывали своих родственников и соседей. Отмечались случаи переселения целых деревень во главе с алькальдом³⁷. К началу 70-х годов в Барселоне, например, где проживало около 40% населения всей Каталонии, 51% жителей составляли мигранты³⁸. По обследованию 1975 г., лишь 62% населения Каталонии родились в пределах региона³⁹; примерно та же пропорция сохранялась и к началу 80-х годов, так что лишь 53,5% делегатов IV съезда Компартии Каталонии (1980 г.) были местными уроженцами⁴⁰. При этом надо учесть, что многие из них происходили из семей мигрантов или смешанных семей, где мигрантом был кто-нибудь из родителей.

Одних только этих цифр достаточно, чтобы получить представление о присутствии в регионе огромной общины пришлых, по большей части иноязычных людей. Не следует забывать и о монопольном положении кастильского языка, чтобы не удивиться таким, например, цифрам, полученным в результате обследования 1975 г.:

61% жителей провинции Барселона говорили по-кастильски; из них 24% не понимали по-каталански, 21% — понимали, но не

говорили соответственно лишь 39% — понимали, говорили и могли писать на этом языке ⁴¹.

К 1982 г. ситуация не слишком изменилась, поскольку, по данным одного из опросов, из 81% молодежи Барселоны, которая чувствует себя каталонцами, лишь 31,6% говорит на каталанском языке ⁴². Среди делегатов уже упомянутого нами съезда 58,4% заявили, что постоянно используют каталанский, 11,5% — что используют частично; 19,7% — что не говорят, но понимают его и 8,6% — что не знают его вовсе ⁴³.

В нашем распоряжении есть данные еще одного анкетирования, впервые проведенного в 1976 г. и повторенного тремя годами позже. На 1979 г. вовсе не знали каталанского языка в Барселоне 8% населения, в остальной части Каталонии — 4% ⁴⁴. Из всех остальных говорить на этом языке могли соответственно 77% и 90%. 15 и 6% опрошенных, не владея разговорной речью, тем не менее понимали по-каталански.

Некоторые сведения о самосознании местных жителей мы уже получили, когда касались значения термина «каталонец», различных его толкований. У нас есть и материалы обследования по этому параметру, в соответствии с которыми в регионе (без Барселоны) чувствуют себя каталонцами 74% опрошенных. Совершенно очевидно, что в это число входят не только родившиеся здесь, но и немалая часть приезжих. Что касается остальных, то они определяют себя по принципу, который нам уже знаком на примере Валенсии, — по региону происхождения (11% — андалусийцев, 3% — кастильцев, 2% — эстремадурцев и т. д.) ⁴⁵. Возникает интересный сопоставительный ряд: число говорящих по-каталански (90%) больше числа считающих себя каталонцами (74%), а последние, в свою очередь, превышают по численности местных уроженцев (около 60%). Все это означает, что в пределах региона идут интенсивные культурные и языковые процессы, суть которых состоит в «каталонизации» приезжих, обретении ими самосознания жителя региона Каталония и овладения тем языком, который присущ коренным обитателям их новой родины. Показательно, что данными переписей «этнические каталонцы», если они вообще могут быть выделены, практически не улавливаются; мы можем узнать лишь о месте рождения, степени владения каталанским языком, даже самосознании, и только. И все это при огромной заботе об укреплении и развитии местной самобытности. Ощущение такое, что не только владение каталанским языком как родным или рождение на территории Каталонии делают человека каталонцем, но уже его переезд сюда на постоянное жительство означает — и для него, и для окружающих — переход в новое качество. Любопытны ответы на вопрос об условиях, необходимых человеку для того, чтобы считаться каталонцем (опрос в Каталонии в 1979 г.): надо говорить на каталанском языке — 33,3%, жить и работать в регионе — 56,5%, происходить из семьи местных жителей — 82,4% ⁴⁶.

В каком-то смысле ситуацию можно представить таким образом.

Существует ядро общности, состоящее из местных уроженцев, культивирующих каталонскую самобытность, в первую очередь, конечно, язык. К нему тяготеют те местные уроженцы, которые, ощущая себя каталонцами, по тем или иным причинам не владеют языком или владеют им не в полной мере; здесь же — мигранты, ставшие на путь языковой каталанизации. Существует, судя по всему, группа приезжих, которая продолжает связывать себя с «регионами исхода» и, по всей видимости, это отражается в ее языковых ориентациях. Есть, однако, и категория лиц, которая, будучи по всем прочим показателям каталонской, отвергает языковую каталанизацию местного общества. Последняя группа, по-видимому, в какой-то степени ориентируется на общегосударственные, общеиспанские ценности и образцы.

В этой совокупности разграничительных линий и переходных зон вряд ли можно отыскать рубж между «испанцами» и «каталонцами». Ни язык, ни самосознание не подтверждают противостояние этих двух групп в том смысле, который подразумевает сосуществование двух различных, четко оформленных этносов.

Насколько же однородно и сплоченно упомянутое нами ядро каталонской общности, коренные каталаноязычные обитатели региона? Данные опросов свидетельствуют, что их монолитность, хотя и, несомненно, выше, чем в Валенсии, но все же не абсолютна. Так, среди жителей Каталонии (без Барселоны), находящихся в другом регионе страны, каталонцами ощущали себя 60% в 1976 г. и 79% три года спустя; зато 31% в 1976 г. и 14% в 1979 г. определялись по родной провинции, а 2% (6% в 1979 г.) — и вовсе по комарке⁴⁷. Носителями общенационального самосознания заявили себя соответственно 3 и 4%. Таким образом, мы обнаруживаем «областничество» даже внутри Каталонии, исторически однородной в языковом отношении, и это сближает ее с Валенсией. Указанная тенденция здесь явно слабее, и, если верить приведенным выше данным, постепенно угасает. Несколько курьезное, но, видимо, характерное свидетельство этого явления мы обнаружили в номере «Валенсиа Культураль», относящемся к самому началу 60-х годов. Автор одной из статей, валенсиец, находясь в Женеве, встретил группу людей, говорящих между собой, как ему показалось, по-валенсииски. «Смотри, валенсиисцы!», — обратился он к своему спутнику. «Мы не валенсиисцы». «Тогда каталонцы?» «Нет, не каталонцы. Мы тортосинцы (Тортоса — комарка на юге Каталонии. — А. К.)!»⁴⁸.

Подводя итог попытке набросать общую картину этнической ситуации в Каталонии, мы можем сказать, что в пределах региона обнаруживается ряд тенденций, основные из которых следующие. Консолидация всего проживающего здесь населения, доминирование в его среде представления о глубокой связи с регионом и об общности интересов всех, проживающих здесь, о противопоставлении их жителям других регионов. Каталонская общность постоянно пополняется за счет многочисленных мигрантов, часть которых стремится

включиться в ее состав уже вскоре после приезда, и в еще большей степени за счет их детей, особенно родившихся на каталонской земле. Вместе с тем имеет место противодействие консолидации со стороны, во-первых, мигрантов, в силу тех или иных причин продолжающих сохранять связи с регионами, откуда они явились, и не желающих отождествлять себя с Каталонией: во-вторых — той части населения региона, для которой на первом месте стоит принадлежность к общепенской общности; наконец, в-третьих — тех каталонцев, которые ставят на первое место для себя интересы не всей Каталонии, а лишь ее части, порой очень небольшой, и ассоциируют себя с населением этой территории, противопоставляя его тем самым жителям не только других регионов страны, но и остальной части Каталонии. О второй из названных нами групп трудно сказать что-либо определенное, что же до первой и третьей, то похоже, что они постепенно размываются, ослабевает их сопротивление общекаталонской консолидирующей тенденции.

Процессы в сфере языка по-своему отражают указанные тенденции. Исторически сложилось так, что многие даже коренные каталонцы не знают языка своего региона или знают его в недостаточной степени, чтобы, например, читать или писать. Поэтому делить людей на каталонцев и некаталонцев по признаку языка не представляется оправданным. Однако отношение к языку как к воплощению истинного «каталонства», нити, связующей и с предками, и с земляками, и с историей, и с традиционной культурой, как к олицетворению самобытности и вековой борьбы за нее, глубоко укоренилось в сознании народа. Поэтому процесс приобщения к языку в самых разных формах всегда имел поддержку в обществе, а в последние годы он получил мощный стимул в результате целенаправленной политики автономных властей. Для мигрантов, ориентирующихся на то, чтобы стать каталонцами, усвоение местного языка является, пожалуй, наиболее верным и коротким путем к цели, а для окружающих — убедительным доказательством искренности их намерений, свидетельством их превращения в «своих». Понятно, что в таких условиях сохранять иноязычие будут только люди, которые либо не смогли этого сделать по каким-то обстоятельствам «технического» свойства (скученность в мигрантских кварталах, отсутствие интенсивных контактов с носителями местного языка по месту жительства и на работе, господство кастельяно в школе, средствах массовой информации и делопроизводстве и т. д.), либо не захотели по принципиальным соображениям. К числу последних, очевидно, относятся люди, сохраняющие самосознание тех регионов, откуда они приехали, и носители общепенских установок, а возможно, еще и те, кто до сих пор обходился кастильским и не хочет доставлять себе лишние хлопоты. Но по мере языковой каталанизации региона, направленного проникновения и утверждения каталанского языка во всех областях общественной жизни, «технические» препятствия к его усвоению исчезают или ослабевают. Явно возрастает требовательность общества к тому,

чтобы каталонец знал каталанский язык, и чтобы последний доминировал в регионе.

Чрезвычайно интересно, что при всем том значении, которое здесь придется языку, исторической традиции, другим признакам и подтверждениям исконной самобытности, одноязычные жители смежных областей остаются для каталонцев все же «чужаками», хотя в принципе и более близкими, чем большая часть других региональных групп. Об этом свидетельствуют не только уже приводившиеся данные опросов 1979 г. о предпочтительности тех или иных регионов и проживающего в них населения, но и восприятие каталонским общественным мнением проблематики, связанной с Каталонскими землями. Здесь, разумеется, трудно говорить об измерениях или подсчетах, однако есть, например, мнение специалиста о том, что широкие «дебаты о национальных основах Каталонских земель», консолидации их коренных обитателей и т. д., происходившие в регионе в 60—70-е годы, не идут в сравнение по своему размеру с обсуждением в местном обществе проблемы миграций. Попытки обосновать идею нации для всех Каталонских земель, увлечь этой идеей сколько-нибудь представительные круги общественности Каталонии, как пишет тот же автор, не имели успеха вплоть до второй половины 70-х годов⁴⁹. В дальнейшем интерес к ней как будто усилился, но нельзя с точностью утверждать, что массовые установки принципиально изменились. Равным образом достаточно противоречиво то влияние, которое оказала на общественное сознание автономизация, хотя есть немало свидетельств растущей координации в культурно-лингвистической, информационной и других сферах жизни и деятельности трех каталаноязычных регионов, что не может не принести свои плоды.

Вернемся, однако, к вопросу о дефинициях и оценке ситуации в Каталонии с этнической точки зрения в сопоставлении с бытующей у нас схемой. В реальной жизни существует группа коренного населения, говорящая на своем языке и ощущающая себя носительницей иной сущности, нежели группы, живущие на других территориях и говорящие на других языках. Эти каталонцы, обладающие характерными отличительными признаками, могут рассматриваться как часть каталонского этноса. Но как быть с теми, кто также принадлежит к коренному населению уже во многих поколениях, но чьим родным языком является кастильский? Допустим, что мы определим этих людей как ассимилированную в лингвистическом отношении, т. е. сменившую язык, часть каталонского этноса, тем более что в глазах подавляющего большинства окружающих и в их собственных они входят в состав каталонской общности. Но в таком случае к какой группе мы должны отнести людей, живущих и работающих в Каталонии и даже родившихся здесь от приезжих из других областей, если они сохранили кастильский язык? Ведь многие из них считают себя каталонцами, и многие из коренных каталонцев не сомневаются в этом, отдавая приоритет месту рождения, проживания и работы. Если же приезжие

еще и перешли на каталанский язык или активно стремятся к этому, имеем ли мы право отделять их от «каталонского этноса», тогда как они сами, равно как и их «несомненно каталонские» соседи, в этом не сомневаются? И вообще, когда именно мигрант становится каталонцем? Если отождествлять эту последнюю категорию с национальностью и если бы жители Испании имели паспорта с отметкой о национальности, то, очевидно, никогда. То же можно сказать и относительно его детей, родившихся в Каталонии, если их мать, как и отец, родом из чужих краев. В данном же случае вправе ли мы видеть в языковой ассимиляции тот рубеж, с которого «начинается» каталонец? Но ведь, как мы только что отметили, и среди коренных каталонцев многие не владеют языком или владеют им в недостаточной мере.

Таким образом, если оперировать известной дихотомией «каталонский этнос — испанский этнос», возможность описания ситуации в регионе близка к тупиковой. Нам представляется значительно более продуктивным и целесообразным отказаться от нее и попытаться установить, как реализуют себя выявленные нами формы самосознания в поведении людей, где именно возникают конфликты и какого они рода.

БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА

Рассмотрим положение на Балеарских островах — в третьем по счёту регионе Испании, где проживает население, говорящее традиционно по-каталански. Остановимся на тех ключевых моментах, которые оказались наиболее интересными для нас при знакомстве с двумя другими Каталонскими землями.

Итак, Балеарские острова. Вся их территория, включающая две основные группы островов: собственно Балеарские, наиболее крупными и известными из которых являются Мальорка, Минорка и Кабрера, а также Питиусские — Ивиса, Форментера и другие, исторически входит в состав каталаноязычного ареала, и каких-либо иноязычных анклавов здесь нет. На протяжении столетий регион оставался дальней сельскохозяйственной периферией Испании, пока на рубеже 50—60-х годов не начал быстро превращаться в огромный международный курорт с соответствующими последствиями для экономической, социальной и демографической структуры местного общества. Некоторое представление о происходивших там трансформациях дает следующая таблица перераспределения островного населения в сфере занятости (в %) ⁵⁰:

	Промышленный сектор	Сельскохозяйственный сектор	Сектор обслуживания
1960 г.	32,6	37,8	29,6
1981 г.	30,5	11,7	57,8

Острова, бывшие в последние столетия постоянным источником миграции в другие районы Испании и эмиграции за рубеж, превратились в место притока мигрантов с материка, искавших применения своим силам в сфере обслуживания миллионов испанских и иностранных туристов.

В июне 1977 г. — во время первых послефранкистских парламентских выборов — все политические партии региона подписали совместный пакт о предоставлении ему самоуправления, которое и было обретено вначале как временное, затем (с 1983 г.) — постоянное.

При опросе, проводившемся в 1976—1979 гг., 77% респондентов определили себя как «уроженцы Балеарских островов», 8% назвались андалусийцами, 3% — кастильцами, по 1% — каталонцами, эстремадурцами, мурсийцами, басками и т. д. Перед нами, стало быть, уже знакомая картина: самоопределение по региону, причем это относится не только к коренным жителям, но и к приезжим. Из этого следует, что дихотомия «каталонский этнос — испанский этнос» не работает и здесь. Местные жители не называют себя каталонцами, но и приезжие не думают противопоставлять себя им в качестве «испанцев». Более того, выяснилось, что вне своего архипелага, но на территории страны жители Балсар в большинстве отождествляют себя даже не с островами в целом (таких 31%), а с отдельным островом (55%). Носителей общеиспанского самосознания здесь всего 1%, носителей общекаталанского самосознания опрос не зафиксировал⁵¹.

Из приведенных цифр очевидно, что ситуация на Балеарах в принципе не отличается от того, что мы видели в двух предыдущих случаях. Чужеродное население составляют приезжие из испаноязычных регионов, главным образом — из Андалусии. Местные жители ассоциируют себя либо с балеарской общностью в целом, либо с населением родного острова. Доминированию «областничества» в самосознании вполне соответствуют уже проводившиеся нами по другим регионам каталанского языка показатели «предпочтений»: валенсийцы стоят на первом месте. Как считают организаторы опроса, сближению с Валенсией послужило установление регулярной морской связи с начала нашего столетия; в итоге балеарцы и валенсийцы в настоящее время поддерживают «наиболее тесные контакты среди всего сообщества народов каталанского языка»⁵². Зато одноязычные обитатели «родины предков», Каталонии, занимают только четвертое место на шкале предпочтений, а сама Каталония оказалась в общем перечне регионов по степени близости и вовсе на седьмом месте. Более приемлемы для островитян, как выяснилось, уроженцы Андалусии и Арагона. Вот вам и единый каталонский этнос!

Большой интерес представляет, конечно, языковая картина общества. Выясняется, что во второй половине 70-х годов из тех, кто постоянно проживал на архипелаге, 87% понимали каталанский язык, 81% говорили на нем, 30% читали и всего лишь 9% писали⁵³.

Значит, с одной стороны, язык коренного населения претерпел здесь ущерб, надо полагать, по тем же причинам, что и на континенте. С другой стороны, он явно продолжает сохранять достаточно сильные позиции, и даже те, кто переехал сюда и продолжает ощущать себя чужаком, в какой-то своей части в той или иной степени усвоили местную речь. Не будет ошибкой сразу сказать, что официальное непризнание и присутствие значительного контингента пришлого кастильскоязычного населения должны были сыграть негативную роль в развитии языка коренных жителей.

На Балеарских островах мы находим примерно те же конфликты и противоречия, что и в «братских регионах», хотя их конкретные формы, масштабы и интенсивность порой существенно различаются. Первая по счету из заслуживающих внимания оппозиций — это регион/центр. При Франко, как, впрочем, и раньше, архипелаг не имел автономного статуса и являлся одной из 50 провинций Испанского государства. После гражданской войны здесь, как и на материке, было запрещено использовать местный язык где бы то ни было, кроме частной жизни. В 60-е годы, когда, «прогрессивные слои начали всеми средствами оживлять многокультурное и многоязыковое сознание в Испании», на островах стали возникать культурно-просветительские и исследовательские организации и учреждения, поставившие своей целью прежде всего языковую «нормализацию», восстановление подорванных позиций языка коренного населения в местном обществе. Организовывались лингвистические курсы для детей и взрослых, а с начала 70-х годов в рамках специально созданных «летних школ» началась подготовка преподавателей каталанского языка. Нелишне отметить, что многие из акций по лингвистической «нормализации» вынужденно проводились нелегально⁵⁴.

С 1975 г. началось официальное оформление самобытности населения островов, возник Общий межостровной совет и другие координирующие организации. После предоставления статуса временной автономии администрацией был отдан ряд распоряжений о включении каталанского языка в учебный процесс. Уже известный нам королевский декрет от 7 сентября 1979 г., которым вводилось обязательное обучение каталанскому языку на стадии дошкольного и начального образования, позволил вести преподавание на любом (в данном случае кастильском или каталанском) языке по выбору родителей, а также создавать кафедры каталанского языка и литературы в университетских школах для учителей и т. д. В конце следующего месяца вышло постановление, декретирующее не менее трех часов обучения каталанскому языку в неделю и ряд других столь же конкретных мер. В 1980—1982 гг. подавляющее большинство учебных заведений дошкольного и начального уровня ввели у себя преподавание каталанского языка, средние школы — практически все. Те немногие, что не сделали этого, ссылались на мигрантский состав учащихся или на недостаток подготовленных преподавателей.

В итоге за сравнительно короткий срок можно было наблюдать

стремительный рост числа школьников, изучающих каталанский язык. На уровне дошкольного и начального образования динамика такова: от 2600 человек в 1977/78 учебном году до 94 864 человек в 1981/82, от 58,89% в 1979/80 учебном году до 93,44% в 1981/82 учебном году⁵⁵.

Таким образом, в оппозиции регион/центр мы видим изменение курса едва ли не на противоположный: от жесткого администрирования и прямого управления к достаточно широкой автономии, от утверждения монополии кастильского языка насильственным путем к признанию местного языка тоже официальным и даже определенному форсированию процесса в первое время с тем, чтобы ускорить восстановление его позиций.

Вторая оппозиция — регион/каталаноязычный ареал. Кто такие коренные балсарцы? В какой степени они принадлежат к общекаталанской общности? Можно ли говорить о них как о «каталонцах», что у нас обычно делается?

Знакомство с материалами приводит к выводу о наличии различных тенденций в развитии местного общества, одни из которых играют роль центробежных, другие — центростремительных относительно Каталонских земель. Перечислить все факты, в которых проявляется та или иная тенденция, разумеется, невозможно; некоторые из них однако, довольно любопытны. Например, обращает на тебя внимание то обстоятельство, что в ряде общекаталонских социологических исследований 60—70-х годов население Каталонии и Балсар рассматривается вместе, как единая группа. Это тем более примечательно, что порой в отдельную группу выделяются жители Барселоны. Известно также, что резкий подъем общественно-просветительской активности в 60-е годы здесь, как и в Валенсии, происходил с использованием опыта Каталонии, в прямом контакте с организациями и учреждениями этого региона⁵⁶. И в то же время мы уже выяснили, что каталонцы отнюдь не самые близкие люди для островитян, хотя и опережают в этом смысле уроженцев многих других регионов. А вот каковы результаты анкетирования жителей архипелага по вопросу о названии языка, на котором они говорят (рубеж 70—80-х годов): 36% высказались за термин «каталанский», 41% — «мальоркинский», 23% заявили, что им все равно⁵⁷.

С конца 70-х годов центр тяжести в языковой проблематике населения островов перемещается в регион и, подобно тому, что происходило в это же время в Валенсии, сосредоточивается на оппозиции местный/каталанский. Из только что приведенных цифр видно, какой термин предпочитает наиболее значительная группа населения. Это не означает, правда, как и в Валенсии, обязательного утверждения о самостоятельности «мальоркинского» по отношению к каталанскому языку, а лишь подчеркивает его принадлежность островам, неразрывную связь с их населением. И все же в таком соотношении нельзя не видеть предпочтительного отношения к местным ценностям, представлений об архипелаге как средоточии близкого, «своего» в противовес находящемуся за его пределами как чуждому.

Программы различных политических сил, заявивших о себе на Балеарах к концу 70-х — началу 80-х годов, содержат определенные установки «по национальному вопросу». Как заявляют авторы одной из книг о политической ситуации на островах, там нет ни одной партии, которая отстаивала бы совпадение государства и нации, т. е. поддерживала бы один из основных постулатов правившей до 1975 г. верхушки. Однако в отношении общекаталанского единства и самоопределения здесь царит полный разноречивости. В то время как одна из партий — Социалистическая партия национального возрождения, безоговорочно признает единую нацию Каталонских земель, практически все остальные, а их довольно много, отстаивают самостоятельность населения островов, хотя ее степень и форма весьма широко варьируются. Многие при этом признают особые исторические, языковые и культурные связи с Каталонией и Валенсией, но отказываются формально определиться по отношению к идее политически единых Каталонских земель из опасения оказаться в будущем в подчинении у Каталонии, или в уверенности, что этого не поддержит «балеарский народ». В ряде случаев такое единство ставится в зависимость от волеизъявления народа и федеративного устройства без какого-либо намека на подчинение. При этом оговаривается даже, что название «Каталанские земли» должно быть обязательно изменено на «Земли каталанского языка». Есть, наконец, и такие, кто просто отвергает возможность объединения с «ближайшими родственниками». Некоторые при этом видят в населении островов нацию, которая сама имеет право решать свою судьбу вплоть до полной независимости; другие же считают, что о нации говорить не приходится, ибо при наличии характерных «объективных черт» не хватает соответствующего уровня самосознания⁵⁸.

Если левые на Балеарах, отстаивая самостоятельность своего народа, его право на самоопределение, все же не сомневались в каталанском характере местной культуры и языка, в происхождении островитян от общего корня с обитателями Каталонии и Валенсии, то правые энергично оспаривали такую точку зрения. На заседаниях правительственных и местных органов, где обсуждались вопросы, связанные с предоставлением автономного статуса архипелагу, местные представители Народного альянса выступили с таких позиций: «У нас свои обычаи, своя форма речи, свои особенности культуры. И мы не хотим, чтобы каталанским языком, которому обучают на островах, был язык Принципата». Они предложили следующую редакцию ст. 3 автономного статуса о языке: «Язык Балеарских островов, с вариантами на каждом острове, будет иметь, наряду с кастильским, официальный характер, и все имеют право знать его и пользоваться им». Такой «лингвистический сепаратизм», уже известный нам по Валенсии, был в конечном счете отвергнут, и в официальном статусе Балеарских островов закрепился термин «каталанский» для обозначения языка местного населения. Возобладала точка зрения левых, один из которых, сенатор-социалист от Маль-

орки, заявил: «Для всех нас мальоркин — столь же каталанский язык, как и барселони»⁵⁹.

Таким образом, на архипелаге единой общекаталанской лингвистической норме не была противопоставлена столь же сильная местная альтернатива, как в Валенсии. Это не значит, однако, что такая альтернатива здесь вовсе отсутствовала или сводилась к локальному названию языка. Как отмечают испанские специалисты-филологи, несмотря на официальные запреты на каталанский язык, здесь все это время сохранялся не просто местный диалект, но целый ряд диалектов (мальоркинский, меноркинский и ивисско-форментерский), функционировавших в некоторых областях неофициальной жизни⁶⁰. Эта языковая раздробленность, судя по всему, отражает реальную разобщенность населения Балеар, значительная часть которого в конце 70-х годов ставила на первое место при самоопределении принадлежность даже не к архипелагу в целом, а к уроженцам своего острова. По мнению организаторов социологического опроса, перед балеарским автономным правительством стоят серьезные проблемы, продиктованные необходимостью интеграции в подлинный регион отдельных островов, которые на протяжении истории многократно занимали позиции отчетливо выраженной обособленности⁶¹. Перед нами, таким образом, третий узел проблем социально-лингвистического толка: оппозиция регион/субрегион.

Вряд ли будет неверным предположить, что среди различных тенденций социально-языкового развития в последние годы должны были укрепиться те, которые ведут к сплочению населения в пределах всего архипелага. Большую роль играют в этом и единый автономный режим, и принятие общезыковой нормы, и общие для всех вопросы социально-культурного и демографического развития. Ведь Балеары целиком оказались в поле притяжения двух мощных потоков извне: многомиллионной армии туристов, в первую очередь иностранных, и как следствие этого — многотысячной миграции на острова из континентальной части Испании, по преимуществу — из кастильскоязычных южных областей⁶². Интересно, что еще в начале 60-х годов в валенсийской печати с горячим сочувствием отмечалось едва ли не героическое сопротивление островитян модам, обычаям, вкусам чужеземцев, буквально заполняющих архипелаг в летние месяцы. Интеллигенция, как сообщалось, весьма тревожилась о целостности местных традиций и призвала принять срочные и эффективные меры для их поддержания⁶³. Но вскоре окончательно утвердился статус Балеар как курорта мирового значения; количество отдыхающих из самых разных уголков земли во много раз превысило то, которое так всполошило ревнителей местных традиций, и превратилось в постоянный фактор островной жизни.

Языковая картина здесь несколько проще, чем в Валенсии и даже в Каталонии. В «Валенсиа Культураль» в 1961 г. утверждалось, что «все уроженцы Мальорки (в данном случае всего архипелага. — А. К.), независимо от социальных классов и слоев, говорят по-

мальоркински и гордятся родным языком, который отличает их от других народов и рас»⁶⁴. Несмотря на явное преувеличение, такое заключение для нас немаловажно, поскольку оно содержится в журнале, в каждом номере которого раздаются горестные стенания по поводу игнорирования природными валенсийцами языка своих предков, отказа от него целых слоев населения и призывы скорее изменить такое положение. Не следует забывать, что столь широкое распространение местного языка фиксируется в очень тяжелое для него время, после десятилетий официального непризнания. И почти 20 лет спустя, при опросах конца 70-х годов, оценки авторов журнала в общем-то подтверждаются: о том, что они говорят по-каталански, заявили 81% местных жителей, всего же понимающих этот язык от общего числа обитателей архипелага — 87%. Интересны цифры, демонстрирующие размах регулярного использования каталанского языка на Балеарах в это время: 89% постоянно говорят по-каталански в семье, 84% — с друзьями, 88% — на улице, 48% — на работе⁶⁵.

Нет сведений о сколько-нибудь серьезной оппозиции каталанскому языку со стороны носителей кастильского в пределах «балеарского народа», тех людей, которые, принадлежа к островной общности, отстаивали бы позиции «языка центра» против языка предков. Однако на архипелаге быстро увеличивалась категория людей, само наличие которых, по мнению наблюдателей, негативно сказывалось на положении «мальоркина». Речь идет, конечно же, о мигрантах с материка, и очевидно, что их испаноязычие усугубляло лингвистическую ситуацию только в условиях государственной монополии кастельяно. Причем даже и тогда определенная часть приезжих в той или иной степени владела местным языком.

Подводя краткий итог, можно попытаться наметить основные тенденции, определяющие этнический облик населения Балеарских островов и отразившиеся в его самосознании и языковых процессах. Наиболее заметна тенденция общеостровная, региональная, в пользу которой действуют многие факторы последних десятилетий. В ее сфере оказываются мигранты из континентальной Испании, прибывающие на острова на постоянное жительство. Языковое содержание этой тенденции — укрепление позиций каталанского языка, лингвистическая каталанизация. Как бы противостоит балеарскому регионализму тенденция субрегионального патриотизма, с борьбой за самостоятельность отдельных островов, за сохранение их самобытности, не в последнюю очередь — языковой. Ту же роль, объективно направленную против упрочения региональных уз, играют тенденции, вовлекающие местное население в более широкие ареалы: общекаталанский и общегосударственный. Носители и пропагандисты первой из них представляют островитян частью единой каталано-язычной нации. И в прошлом, и в нынешнем столетии известны неоднократные попытки отдельных островных общественных деятелей и политических групп способствовать сближению и даже политико-административному объединению с Принципатом. Однако,

судя по результатам опросов и программ политических движений, признание генетического и лингвистического родства не определяет для большинства обитателей архипелага, точно так же, как и для валенсийцев, да и каталонцев, содержание категорий «свои» и «чужие». В этом случае, может быть, «менее чужие», «более близкие», но все же не «свои». А «свои» — островная или общевалеарская общность. И нечто подобное произошло с общегосударственной тенденцией, официальные опоры которой были значительно поколеблены в 70—80-е годы. Да, островитяне «испанцы», но только за границей, да и то не все; четверть из них и там осознает себя прежде всего меноркинцами, валеарцами и т. д.⁶⁶ Но у себя дома они почти исключительно — «местные» разных уровней. Что до языка, то очевидно, что панкatalанистская концепция стремится к лингвистической «каталанизации», но это тоже идет на пользу региональной консолидации. Интересно, что мы встречаем здесь едва ли не буквальное воспроизведение конфликтов, уже известных нам по Валенсии. Среди писем, пришедших в «Камбио 16» во второй половине 80-х годов, есть протесты против навязывания валеарскому народу телевизионных передач на каталанском: свободные валеарцы сами выберут то, что они хотят⁶⁷. Общеиспанская тенденция, конечно, кастильская, но ее опора — главным образом мигранты. Только в их среде процесс внедрения каталанского в школу несколько тормозился.

Как в свете всего вышесказанного идентифицировать жителей Валеар? Как квалифицировать их с точки зрения этнической принадлежности? Они испанцы, но лишь в той же степени, что и коренное население Валенсии и Каталонии, т. е. граждане одного государства, разделявшие его судьбу, как и их предки, на протяжении многих столетий. При контактах с гражданами других государств на их территории более 70% обитателей островов, по их словам, ощущают себя испанцами, но совершенно ясно, что и для них, и для их земляков, назвавшихся за границей «кабрерцами» или «мальоркинцами», слово «испанец» не имеет этнического содержания. Любой из них с тем же правом относит этот термин к себе, как и присажий из Андалусии, Кастилии и других регионов, несмотря на разницу в языке и на то, что слово «испанский» обычно служит синонимом лишь кастильского языка. На островах, следовательно, нет и не может быть этнического противостояния пришлых «испанцев» и коренных «неиспанцев».

Насколько правомерно относить местных жителей к каталонской общности, опираясь при этом на их генетическую близость и языковое единство? Как и большинство валенсийцев, обитатели архипелага противятся такому отождествлению, и этим нельзя, на наш взгляд, пренебречь. Мало того, до последнего времени настроения на острове еще давали основания говорить об определенном антикаталонизме, отчужденном или даже враждебном отношении к Каталонии. Оно основывалось, как и очень многое другое в Испании, на давних исторических событиях, средневековых битвах, принесших торжество

одним и оставивших горечь поражения и жажду рванша в сердцах других, не только самих побежденных, но и их потомков чуть ли не в 15 колена. Это враждебное ко всему, что исходит из Каталонии, чувство, как отмечают некоторые авторы, усилилось при Франко, а в дальнейшем находило себе опору и культивировалось в правых кругах, контролировавших политическую ситуацию здесь и после смерти диктатора. Во всяком случае и тут, как и в Валенсии, представление об общности происхождения и языка не ведет автоматически к расширению категории «своих». Для подавляющего большинства на первом месте остается родная земля, определенная территория, и люди чувствуют себя причастными именно к ней и ко всему, что с ней связано, в том числе и к землякам, которые составляют круг «своих» и, конечно, к их языку (или языкам), обычаям, традициям и т. д. Насколько весомо в этом самоопределении этническое начало? Нам представляется, что оно не главенствует, не доминирует для местных жителей, иначе для них имели бы первостепенное значение «этнические признаки» и сами по себе, и как метки, отличающие «своих» от «чужих». Парадоксально, казалось бы, но при безусловном своеобразии — и языковом, и «этнографическом» — и при ясном понимании этого своеобразия (ведь на острова валом валит множество людей из других частей страны и со всего мира) на вопрос, в чем жители Балеарских островов видят свое отличие от других обитателей регионов Испании (1979 г.), 67% опрошенных назвали климат, 60% — географические условия, а язык, обычаи и фольклор упомянули соответственно 45, 46 и 3%⁶⁸. Возникает ощущение, что характеристика дается в первую очередь земле, территории и только потом — проживающему на ней населению.

В контексте превалирования областных ценностей становится более понятным видимое несовпадение между, с одной стороны, довольно широким распространением местного языка в среде балеарцев, а с другой — заинтересованностью в повышении его статуса и более полном овладении им. В начале 80-х годов за обучение каталанскому высказалось 87% опрошенных (примерно столько же, сколько в это время владело им в той или иной степени), обучение на каталанском поддержали лишь 37%, а предоставление ему официального статуса — 49%. Трудно представить, чтобы этнос, дорожающий своей спецификой, а главное, еще не утративший ее, столь индифферентно относился к ее сохранению. Владение тем или иным языком выглядит как бы «естественным», подчиненным определенному стечению исторических обстоятельств, определенному набору условий, но столь же «естественным» оказывается переход на другой язык, когда условия меняются. Сознательное отношение к нему отсутствует, не предпринимается каких-то целенаправленных усилий для его поддержания. Ведь не язык является цементирующей силой для его поддержания, а земля — комарка, остров, архипелаг, — и потому утрата языка не разрушает прежние связи и не образует новые, категории «своих» и «чужих» не меняют содержания.

Исходя из сказанного, нам представляется неверным включать

жителей Балсарского архипелага в состав каталонского этноса, но говорить о балсарском этносе или об этносах мальборкинском, мекоркинском, форментерском и т. д. также вряд ли правомерно. Скорее всего, перед нами население, вовлеченное одновременно в несколько социальных кругов, в несколько типов общности, и самым существенным до последнего времени был тот, который связывал их с территориально ограниченной «малой родиной» и ее обитателями, т. е. с «областнической» общностью. На первом месте в совокупности общественно значимых социально-культурных параметров должны были стоять для каждого индивида такие, которые определяли его принадлежность к этой областной общности; именно они делили в его глазах всех окружающих на «своих» и «чужих». Те признаки, которые мы обычно определяем как собственно этнические, в таких условиях не играют приоритетной роли, им не придается большого значения, и, значит, перед нами очень ослабленная этничность или даже безэтничность. Люди ведут себя в соответствии со своими представлениями о той общности, к которой они принадлежат, и общность эта в подавляющем большинстве случаев оказывается не этнической, а земляческой.

КАТАЛОНЦЫ АРАГОНА

Четвертая группа каталаноязычного населения на территории Испании, численно значительно уступающая первым трем (каталонской, валенсийской и островной) — обитатели восточной, прилегающей к Каталонии полосы территории Арагона (так называемая Франжа). Их насчитывается около 70 тыс., и земли их проживания как бы отсечены от остальной части каталаноязычного массива арагоно-каталонской границей. Языковая ситуация, в которой они находятся, однозначно оценивается как «абсолютная диглоссия», т. е. сосуществование двух языков при значительном неравенстве их позиций в обществе. Каталанский язык никогда не использовался здесь ни в административной, ни в судебной практике, ни в школе, ни в церкви.

С приходом к власти в стране и в Арагоне социалистов администрация впервые признала специфику жителей восточной части региона. В феврале 1984 г. на собрании представителей каталаноязычных селений Арагона была принята декларация с призывом поднять статус каталанского языка. В ответ последовало обещание новых арагонских властей способствовать его использованию в общественной жизни. Мадридское министерство просвещения разрешило ввести каталанский в программы начального и даже среднего образования на территории девяти попросивших об этом аюнтаментос (органов местного самоуправления) ⁷⁰.

Оппозиция социалистам в арагонском парламенте, в том числе местная регионалистская партия, начала кампанию против «прокаталонской политики» властей региона, обвиняя их в том, что они поощряют намерение жителей Франжи «приписаться» к Каталонии.

Однако и представители регионального правительства, и сами каталаноязычные арагонцы решительно опровергали предъявленные обвинения в сепаратизме и его поощрении. Очень характерно заявление, прозвучавшее на II Международном конгрессе каталанского языка (апрель — май 1986 г.) из уст представителя арагонских каталонцев. Смысл его сводился к тому, что каталанский язык части арагонского населения является достоянием региона, и в этом отношении его можно рассматривать как арагонский, подобно тому, как каталанский, кастильский и другие языки Испании должны, по мысли многих из их носителей, считаться испанскими. Это свидетельствует о том, что по крайней мере некоторые из тех, кто не сомневался в каталанской сущности языка жителей восточного Арагона, кто активно участвовал в разработке его научной проблематики и в различных общественно-культурных мероприятиях с целью его пропаганды, видели основную задачу своей деятельности в укреплении позиций каталанского в пределах родного региона как основы для возрождения и упрочения именно местной, региональной культуры. О существовании же здесь какого-то прокаталонского, политически тяготеющего к соседней Каталонии движения пока не приходилось встречать сообщений.

Иначе говоря, если людей, о которых идет речь, и называть «каталонцами», то только в том смысле, который подразумевает (по Фустеру) их каталанский язык. Судя по тому, что известно об этой группе — это, скорее, каталаноязычные арагонцы.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КАТАЛОНСКИЙ НАРОД?

Итак, пришло время подвести итог нашему краткому исследованию, которое, если помнит читатель, само по себе является необходимым условием моделирования этнической ситуации в Испании, рассмотрения идущих здесь этнических процессов и правительственной политики в этноязыковой сфере. Мы задались целью понять, какие общности являются субъектами интересующих нас процессов, могут быть квалифицированы как народы-этноты. Этой, по сути дела, предварительной работой пришлось заняться потому, что в существующую ныне простую и ясную схему четырех народов не укладываются многие факты политической и общественной жизни страны, многие действия администрации кажутся несобъяснимыми. Обратившись к одному из народов Испании — каталонскому, мы обнаруживаем, что в этом случае языкового тождества, даже при компактном расселении и очевидном генетическом единстве, оказалось недостаточно для торжества того коллективного сознания, которое давало бы право назвать эту совокупность людей этносом. Зато отчетливо доминирует чувство принадлежности к региональным, областным общностям, именно они осознаются большинством населения и выступают на практике в качестве «народов», совокупность которых и составляет население страны. Так называемые

объективные этнические особенности, и прежде всего язык, осмысляются и используются довольно неожиданным для нас образом, подчиняясь воздействию исторически сложившихся форм общественного самосознания. Это хорошо видно на примере культурно-языкового возрождения, начавшегося в 60-е годы не только в Каталонии, но и в других регионах каталанского языка. Усилился интерес к местной истории и культуре, переросший в широкое движение за укрепление и развитие культурной и лингвистической самобытности. Получение автономии после падения режима Франко дало в этом смысле дополнительные и весьма существенные возможности, прежде всего организационные и финансовые. Постепенно все сколько-нибудь влиятельные политические силы начали поддерживать культурно-языковое возрождение. Массированная модернизация экономики, кроме всего прочего устранявшая тот огромный разрыв, который существовал между передовой Каталонией и ее более отсталыми «родственниками» в Валенсии, Арагоне и на Балсарах, казалось бы, должна была вызвать мощный подъем консолидационной волны. На деле же возрождение, которое и по содержанию и по форме могло бы быть охарактеризовано как национальное, сосредоточилось по преимуществу в региональных границах и шло на пользу главным образом утверждению региональной самобытности. Пропаганда культурно-языкового своеобразия областной общности одновременно цементировала ее и как бы наглядно подтверждала право на самостоятельность в решении своих внутренних дел.

Таким образом, на первый взгляд чрезвычайно благоприятные для этнического возрождения и консолидации «окраинных народов» Испании условия, сложившиеся в последние десятилетия, пока что принципиально не изменили самосознания коренных жителей в каталаноязычном ареале. Но справедливо ли в таком случае говорить о едином каталонском этносе, считать его предположим, этносом основного уровня, пусть и разделенным на субэтноты границами между государствами (Испанией, Францией, Андоррой, Италией), а в пределах Испании — регионами? Если пользоваться выработанными в нашей науке критериями, в ряду которых важнейшее место справедливо занимают этническое самосознание и порожденное им самоназвание, в данном случае речь может идти скорее о группе близкородственных этносов. Однако похоже, что и таким образом описав ситуацию, мы еще не приблизимся к адекватному отражению реальности. Ведь самосознание подавляющего большинства представителей некоторых из выделенных таким способом общностей до сих пор строго говоря, не является этническим. Необходимо дополнить уже существующую систему этнических понятий и терминов такими, которые отражали бы качественные различия в степени «этничности»: от ее полноценного присутствия и функционирования — с сторону убывания вплоть до ничтожно малых проявлений, а может быть, и полного отсутствия.

Но если субъектами межобщинных отношений у нас выступают

областнических коллективы разных уровней, какой же вид приобретет тогда этническая ситуация, да и можно ли ее так называть? По-видимому, можно, поскольку этнообразующие тенденции действуют и здесь, мало того, похоже, что их значение постепенно усиливается. Тут и естественное при становлении и укреплении автономии каждого региона стремление его обитателей (как правило, поддерживаемое местными властями) доказать историческое право на самостоятельное существование; в этой ситуации язык, фольклор и традиции играют весьма заметную роль. Тут и все более распространяющееся в условиях растущей политизации общественной жизни и других факторов «немецкое», или «традиционное», как здесь говорят, понимание нации, т. е. того, что делает людей общностью. В этом понимании доминирующую роль играют «объективные этнические признаки»⁷¹. Наконец, есть целые группы населения, пусть и не слишком многочисленные (возможно, пока не слишком), которые уже живут и действуют в соответствии с ощущением своей каталанской — по сути дела, общекаталанской — принадлежности.

Как бы там ни было, этническая ситуация вполне может быть описана как состояние этнического фактора в данной среде. Выявляются прежде всего доминирующие формы общности, их реальный перечень и состав, наличие, отсутствие, а также специфические виды проявления этничности в каждой из них, в их отношениях между собой и с окружающим миром. И тогда мы получаем широкий спектр: от безэтничности тех обитателей Валенсии и Балсарских островов, которые проявляют полное равнодушие к «объективным этническим признакам» как к критерию разделения на «своих» и «чужих», через «региональную этничность» тех, кто озабочен упрочением культурно-языковой специфики своего региона или иной территориальной единицы, до этничности в полном смысле слова тех жителей арсала, для которых язык и общность происхождения только и определяют «своих» и «чужих», а региональные или государственные границы являются лишь досадной помехой. Последние, пожалуй, настоящие «этнические каталонцы». На людей иного происхождения и языка, поселившихся на их родине, они смотрят как на представителей другого мира, заслуживающих, в зависимости от их поведения, либо помощи в добровольной ассимиляции, либо настороженности к тем, кто медлит с ней, либо враждебности к тем, кто отказывается от нее и хочет сохранить свой исходный облик. К этим трем категориям можно добавить и другие, менее значительные. Например, существуют убежденные эспаньолисты, т. е. носители общегосударственного, а не этнического самосознания и в то же время, как следствие его, определенного языкового (кастильского) облика.

Вряд ли нужно добавлять, что каждая из отмеченных тенденций находится в постоянном развитии, в динамике; одни из них усиливаются, другие, напротив, постепенно утрачивают силу. Соответственно меняется этническая ситуация. И все же пока, как нам

представляется, доминирующими формами общности остаются региональные. Это подтверждается всей совокупностью известных нам фактов, с этим считаются политические силы в Испании и правительство этой страны, а значит, надо считаться и нам.

Итак, мы пришли к тому, чтобы отказаться видеть во второй из двух сторон привычной нам оппозиции «испанцы — каталонцы» понятие, адекватно отражающее реальность в пределах каталано-язычного ареала. Насколько же можно доверять первой стороне — понятию «испанцы»? Ведь все материалы, факты, свидетельства, оказавшиеся в поле нашего зрения в связи с каталонской проблематикой, дают основание предполагать, что те же закономерности, которые проявились тут, действуют и в среде, соприкасающейся с каталаноязычным ареалом. И сама эта среда, будь то мигранты, осевшие в пределах ареала, или обитатели сопредельных территорий, насколько можно судить по их высказываниям и поступкам, обнаруживают наиболее тесную связь именно с регионами своего происхождения.

По-видимому, это обстоятельство можно было бы использовать как своего рода мостик для перехода к проблематике кастильско-язычного ареала, хотя бы в тех пределах, которые позволяют сделать заключение об этническом статусе его населения, подобно тому, что мы проделали относительно Каталонских земель. И все же мы продолжим исследование в рамках традиционного подхода, в соответствии с которым прежде рассматриваются все национальные меньшинства и лишь затем наступает очередь «доминирующего народа». Дело в том, что официальное непризнание и трети́рование какой-либо общности на протяжении длительного времени — столь важный фактор, что пренебрегать им вряд ли разумно.

Итак, пойдем дальше по пути выявления подлинной этнической ситуации в Испании, опробуя на практике принятую в советской этнографии трактовку.

¹ Colomer J. M. *Cataluña como cuestión de estado*. Madrid, 1986. P. 163—164.

² Ibid. P. 165.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 169.

⁶ Ibid. P. 169—171.

⁵ Ibid. P. 170.

⁷ Ibid. P. 173.

⁸ Ibid.

⁹ *Gran Enciclopedia Catalana*. Barcelona, 1986—1989. T. 1—22.

¹⁰ Ibid. T. 6. P. 488—489.

¹¹ Ibid.

¹³ Ibid. T. 6. P. 489.

¹² Ibid. T. 17. P. 93.

¹⁴ Ibid. T. 17. P. 55.

¹⁵ *García Ferrando M. Regionalismo y autonomía en España, 1976—1979*. Madrid, 1982. P. 494.

¹⁶ Ibid. P. 546.

¹⁷ Ibid. P. 508.

¹⁸ Ibid. P. 449.

¹⁹ *Gran Enciclopedia Catalana*. T. 6. P. 489.

²⁰ *Linz J. Opposizione in un regime autoritario: il caso della Spagna//Storia contemporanea*. 1970. N. 2. P. 335.

²¹ *Treball*. 1980. 18.III. P. 4.

²² Ibid.

²³ *Ferrer i Gironés Fr. La persecució política de la llengua*. Barcelona, 1986. P. 195.

- 24 Ibid.
- 25 Ibid. P. 198—200.
- 26 Ibid. P. 203—205.
- 27 Ibid. P. 210.
- 28 Ibid. P. 217—218.
- 29 Ibid. P. 227.
- 30 Ibid. P. P. 218.
- 31 Ibid. P. 293.
- 32 *Lenguas y educación en el ámbito del estado español*. Barcelona, 1982. P. 144.
- 33 Ibid. P. 147.
- 34 Ibid. P. 153.
- 35 Ibid. P. 157.
- 36 Ibid. P. 173.
- 37 *Maluquer Sostres J. M.* L'assimilation des immigrés en Catalogne. Cèneve, 1963. P. 42.
- 38 *Esteva Fabregat CL* Thnicity, social class and acculturation of immigrants in Barcelona//*Ethnologia Europaea*. 1975. Vol. 8. N. 1. P. 23.
- 39 *Lenguas y educación...* P. 141.
- 40 *Treball*. 1980. 18.III. P. 4.
- 41 *Lenguas y educación...* P. 141.
- 42 Ibid. P. 142.
- 43 *Treball*. 1980. 18.III. P. 4.
- 44 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 436.
- 45 Ibid. P. 434.
- 46 *Linz J.* Conflicto en Euskadi. Madrid, 1986. P. 32.
- 47 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 434.
- 48 *Valencia Cultural*. 1961. N. 17. P. 26.
- 49 *Colomer J. M.* Op. cit. P. 162—169.
- 50 *Gran Enciclopedia Catalana*. T. 4. P. 82.
- 51 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 494.
- 52 Ibid. P. 507.
- 53 Ibid. P. 494.
- 54 *Lenguas y educación...* p. 259.
- 55 Ibid. P. 261—272.
- 56 Ibid. P. 259.
- 57 Ibid. P. 273.
- 58 *Canyelles B., Vidal F.* L'oposició antigranquista a les Illes. Palma de Mallorca, 1977. P. 195—204.
- 59 *Ferrer i Gironés Fr.* Op. cit. P. 225—226.
- 60 *Lenguas y educación...* P. 259.
- 61 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 495.
- 62 Ibid. P. 494.
- 63 *Valencia Cultural*. 1961. N. 17. P. 3.
- 64 Ibidem.
- 65 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 495.
- 66 Ibid. P. 494.
- 67 *Cambio*. 16. 1987. N 829. P. 10.
- 68 *Garcia Ferrando M.* Op. cit. P. 502.
- 69 *Lenguas y educación...* P. 2ABI 'x' jun
- 70 *Ferrer i Gironés Fr.* Op. cit. P. 230.
- 71 *Gonzales Casanova J. A.* El camlio inacabable (1975—1985). Barcelona, 1986. P. 210.

Глава третья

ЭТНОСЫ ИЛИ ЧТО-ТО ИНОЕ?

БАСКИ

Изначально, а точнее априорно, с басками, что называется, все ясно: это народ, живущий на северо-востоке Испании и в прилегающих юго-западных районах Франции. Как и каталонский, баскский ареал исторически оказался разделенным между разными государствами, правда, не на четыре, а «всего лишь» на две части. Про басков известно, что их язык — один из немногих в Европе — не принадлежит к индоевропейской семье и чрезвычайно труден для усвоения чужаками. Обычное представление о сущности басков, о том, что даст право отнести того или иного человека к этому этносу, как правило, проявляется в оценке их численности. При этом баски простодушно отождествляются с носителями баскского языка. А поскольку известно, что на протяжении последних веков количество говорящих по-баскски постепенно, но неуклонно снижалось и к тому же сужался ареал этого языка, то, очевидно, предполагалась ассимиляция басков все теми же «испанцами». Такое предположение в указанной системе координат было вполне логичным, тем более, что репрессивная ассимиляторская политика правивших в стране режимов, и особенно франкистского, по отношению к попыткам басков отстаивать свою самобытность, в том числе и языковую, не говоря уже об их борьбе за автономию, хорошо известна. Известно и то обстоятельство, что Страна басков, а затем и Наварра (регионы, в пределах которых проживает баскоязычное население) стали в Испании третьим по значению центром притяжения внутренних мигрантов-переселенцев (после Мадрида и Каталонии). Приток приезжих непрерывно увеличивался в последние десятилетия, и уже в конце 50-х, — начале 60-х годов их насчитывалось несколько сот тысяч человек¹. Массовая миграция достигла таких масштабов, что в середине 60-х годов 38% глав проживающих здесь семей, как выяснилось в ходе социологического обследования, были рождены вне границ баскских регионов, а многие из местных уроженцев являлись потомками ранее приславших переселенцев². Согласно опросу 1979 г., приезжие, постоянно живущие в Стране басков, составляли 34,8% населения, а отпрыски родителей-мигрантов — 9,2³. По отдельным провинциям оценки еще более красноречивы: если в Гипускоа процент приезжих около 19, то в Бискайе — 37, а в Алаве — 39⁴. Все это даже дало основание некоторым исследователям говорить об умышленно организованном франкистами «затоплении» баскских земель, имевшем целью «растворить» басков в массе мигрантов и таким образом решить национальный

вопрос в этой части страны⁵. Однако справедливости ради нужно сказать, что при Франко — и то не на всем протяжении периода его диктатуры, а по-настоящему ощутимо с начала 60-х годов — продолжала, хотя и более интенсивно, чем раньше действовать демографическая тенденция, наметившаяся еще в прошлом веке. Ведь еще в 1890 г. среди населения Бильбао — крупнейшего города и промышленного центра Страны басков — уроженцы последней составляли лишь 59%; десять лет спустя их доля снизилась до 51%, а в рабочих кварталах — до 38—48%⁶.

У нас есть уже апробированный метод, зарекомендовавший себя при работе с каталанским материалом; воспользуемся им и в данном случае. Для этого обратимся прежде всего к языковой ситуации. Подобно тому что мы наблюдали на востоке страны, границы баскоязычного ареала, т. е. территории компактного расселения людей, говорящих на эускере (баскский язык), также не совпадают с границами регионов, которые принято отождествлять с родиной басков — со Страной басков и Наваррой. Площадь ареала меньше и занимает только часть каждого из названных регионов, причем в отличие от Каталонских земель, где лингвистическая граница на большей части своего протяжения почти не менялась уже едва ли не столетия, земли баскского языка, подобно шагреновой коже, непрерывно, хотя и неравномерно, сокращались вплоть до последних десятилетий. В итоге в баскских регионах образовалось три типа зон, или ареалов, по мнению исследователей, четко разграниченных: 1) баскоязычные; 2) контактные; 3) кастельянизированные. В первых из них проживало к середине 70-х годов около 440 тыс. носителей баскского языка, во-вторых, — около 17 тыс. и более 93 тыс. — в столицах провинций, выделенных в отдельную категорию. Общее число говорящих на эускере в Испании в это время оценивалось в 550 с лишним тысяч человек⁷. Сразу нужно сказать, что и в пределах баскоязычной зоны эускера отнюдь не доминировала: к середине 70-х годов она оставалась родной лишь для 45% жителей⁸.

В результате опроса 1979 г. выяснилось, что из общего количества обследованных в Стране басков говорят по-баскски 31%, понимают — 36%, не знают вовсе языка — 62%. По отдельным провинциям внутри региона картина сильно различается: в Гипускоа говорят 53%, не знают 42%, в Бискайе эти показатели соотносятся как 22 и 70, в Алаве — 7 и 900. В Наварре ситуация близка к алавской: 10% говорят, 84% вовсе не владеют эускерой⁹. Если сравнить положение дел с тем, которое существовало более ста лет назад, в 1868 г., когда процент баскоязычного населения составлял в Алаве 12, в Бискайе — 93, в Гипускоа — и вовсе 100, в Наварре — 20, а всего по четырем тогдашним провинциям (два нынешних региона) — 55, то налицо ощутимое его ухудшение. С другой стороны, если взять для сопоставления 1970 г., мы увидим, что активно владело языком тогда в Алаве — 9%, в Бискайе — 16, в Гипускоа — 44 и в Наварре — 11, в общей сложности — 22%¹⁰. Значит за довольно

короткий срок произошел очевидный прогресс, а кроме того, судя по приведенным цифрам, ситуация находится в непрерывной динамике. Борются тенденции отступления, угасания эускеры — и ее возрождения. В зависимости от общеполитической ситуации целого ряда иных, в том числе и локального уровня, факторов получает преобладание то одна из них, то другая.

Известно, что на баскский язык обрушились столь же безжалостные репрессии, что и на каталанский, и это, естественно, имело для него самые неблагоприятные, разрушительные последствия. Если вообще допустимо сравнение в подобной ситуации, то нужно сказать, что для эускеры враждебная политика властей оказалась все же более тяжелой и вредоносной, поскольку баскский язык в силу исторических обстоятельств не имел столь прочной базы в обществе, как каталанский, да он и не был в такой степени разработан, систематизирован и унифицирован. Литературная традиция, на которую он опирался, значительно уступает каталаноязычной.

Существует расхожее представление, что в условиях монополии кастильского языка в общественной жизни и массовой миграции его носителей в баскские провинции, эускера была оттеснена в сельские районы, в крестьянские слои населения. Однако уже обследования 70-х годов показали, что, хотя среди крестьян Страны басков значительная часть, даже большинство, действительно говорит по-баски, но их среди всего баскоязычного населения лишь треть; большинство баскофонов — горожане¹¹. И знаменитое движение по созданию школ с преподаванием на баскском языке — так называемых икастол (ikastolak), развернулось не в сельской местности, а в городах.

В 1960 г. в Стране басков появились первые три икастола. Пять лет спустя их было уже 29, в 1970 — 103 (в том числе несколько школ во Французской Басконии), в 1975 — 160. Учениками первоначально были главным образом баскоязычные дети, что естественно, учитывая характер таких учебных заведений. Немногие кастильскоязычные их товарищи, оказавшиеся здесь в результате сознательного выбора со стороны родителей, вынуждены были как бы погружаться в иную лингвистическую среду.

В дальнейшем икастола стали возникать там, где баскского языка не было вовсе или же где он едва теплился. Число кастильскоязычных учеников стало доходить до 90% и даже больше. Бывало и так, что эускеры не знал никто, кроме учителей. Но и в этих случаях принцип обучения на языке не нарушался. Сейчас же, однако, стало очевидным, что таким образом возникли новые проблемы, и для их решения стали разрабатываться и использоваться новые методики, различающиеся в зависимости от ситуации контингента учащихся. Помимо «погружения в язык», как в икастоле, все большее распространение получали интенсивные методы обучения баскскому языку как второму, при кастильском в качестве основного; это открывало широкую перспективу для приобщения к

нему всех желающих, а их становилось все больше. В 1969 г. при опросе в провинции Гипускоа 70—80% мигрантов высказались за обучение своих детей баскскому языку в школах¹². И это происходило в условиях «незаконности» эускеры, когда икастолы могли существовать только на частные средства, не просто не получая от официальных кругов никакой помощи, но испытывая с их стороны всевозможные помехи; в лучшем случае их игнорировали, в худшем — преследовали.

Организация школьного обучения баскскому языку стала лишь одной из составляющих широкого движения за возрождение эускеры. С начала 60-х годов проходили интенсивные дебаты, организовывались всевозможные мероприятия в целях унификации, модернизации и «нормализации» баскского языка, его приспособления к требованиям города и индустрии¹³. В 1964 г. на французской территории, в Байонне, собрались баскские литераторы Испании и Франции для того, чтобы попытаться создать модель общего языка, ведь эускера распадается на семь диалектов, разница между которыми довольно значительна, а кроме того, четыре из них имели к тому моменту собственные литературные нормы. В 1968 г. под эгидой Академии баскского языка начали действовать рабочие комиссии, специально созданные для реализации достигнутых в Байонне соглашений¹⁴. Проблемы орфографии, морфологии, склонений, спряжений и прочего были в основном решены, и в итоге в основу современного стандартизированного баскского языка — так называемого эускара батиа — были положены центральные диалекты (наваррский, гипускоанский и лабурдинский) с использованием некоторых особенностей периферийных диалектов. Лингвистическая унификация проходила в борьбе с консерваторами и приверженцами местных традиционных языковых форм, но в конце концов была в основном успешно завершена. Наиболее серьезные проблемы для баскского языка окончательно сосредоточились во внешней по отношению к нему сфере. Стало особенно ощутимым его отсутствие в делопроизводстве, средствах массовой информации, школьном и вузовском обучении, религиозной жизни. Носители языка в значительной части не умели правильно читать и писать на нем, испытывали в той или иной мере комплекс неполноценности от недостатка престижа эускеры в обществе. Однако все больше становилось людей, желавших овладеть языком своих предков или усовершенствоваться в нем. Помимо икастол для детей, возникли так называемые эускальтеги (euskaltegi) — центры обучения баскскому языку взрослых. Приходилось преодолевать немало специфических трудностей; например, преподаватели в баскских учебных заведениях должны были обучать на баскском языке тому, что сами они ранее усваивали на кастильском¹⁵.

На рубеже 60—70-х годов в университетах Страны басков стали заметны попытки студенчества усвоить эускеру. Молодые люди объединялись в группы, сами находили себе преподавателя. Занятия

проводились зачастую в произвольной, бессистемной форме, при невмешательстве со стороны академических властей, порой — при некоторой финансовой и организационной поддержке с их стороны. К 1974 г. на ряде факультетов удалось добиться включения в расписание одного часа в день на изучение баскского языка. В начале того же десятилетия стали функционировать и приобрели широкую известность и популярность так называемые баскские летние университеты, в основном посвященные изучению эускеры¹⁶.

После 1975 г. процесс пошел еще интенсивнее. В 1980 г. было уже 243 икастолы с общим числом учащихся свыше 63 тыс. С 1979 г. (принятие декрета о билингвизме) началось подключение к изучению баскского языка и, хотя и в значительно более скромных масштабах, к обучению на баскском языке государственных и частных школ, которые посещали в 1981/82 учебном году соответственно 46,4% и 31,5% школьников Страны басков и Наварры (в икастолах в это время — 22,1%)¹⁷. Поддержка автономного правительства Страны басков существенно способствовала делу. Начались институционализация икастол, придание им официального статуса и укрепление их материальной базы. Стали все более широко практиковаться дифференцированные методы в подходе к различным группам учащихся: одни из них обучались на баскском языке, будучи сами баскоязычными; другие стремились к тому же, не зная языка; третьи, также кастильскоязычные, хотели изучать эускеру как предмет. Вводя баскский язык на разных уровнях обучения, школьные власти особенно заботились о дошкольниках и учениках начальных классов. Поскольку лишь меньшинство учителей этих ступеней к началу 80-х годов владело баскским языком (в 1982/83 учебном году — 33,95% в Гипускоа, 15,3% в Бискайе, 9,4% в Алаве), подавляющее большинство вакантных мест в педагогических коллективах стало резервироваться для баскоязычных преподавателей¹⁸.

Серьезные попытки преодолеть нехватку преподавателей баскского языка предприняли университеты Страны басков, особенно когда получили для этого формальные возможности. С 1978 г. в программы подготовки учителей в университетах было включено факультативное обучение эускере, но уже два года спустя оно стало обязательным. Да и в самой высшей школе позиции баскского языка при поддержке автономных властей становились все более прочными. Уже в 1976 г. ректоратом университета города Бильбао были назначены преподаватели-координаторы для организации обучения эускере. В дальнейшем дело было поставлено таким образом, что, как только позволяло число баскоговорящих студентов, немедленно начинались занятия на баскском по самым разным предметам, в том числе и таким, как математика, химия, физика, биология. Нередко вначале они имели характер эксперимента, но затем, как правило, становились регулярными¹⁹; тем более что в университеты приходило все больше молодых людей, имевших за плечами икастолы или овладевших баскским языком каким-либо иным способом. К

началу 80-х годов, помимо дошкольной, школьной и университетской системы, автономное правительство Страны басков субсидировало довольно густую сеть учреждений, приобщавших к баскскому языку взрослое население, в том числе вечерние курсы, центры интенсивного обучения и т. д.²⁰

Мы уже отметили благоприятную по отношению к баскскому языку позицию, занятую еще в конце 60-х годов мигрантами из других регионов страны — людьми, говорившими на официальном языке государства и в подавляющем большинстве не владевшими эускерой. Даже в то тяжелое для баскского языка время отмечались случаи его усвоения и перехода на него в повседневной жизни отдельных переселенцев²¹. Более десяти лет спустя, уже в условиях автономии в Стране басков, были опрошены обитатели баскоязычного арсала, не знающие эускеры. В 1980—1981 гг. они составляли примерно 55% всего населения указанной зоны²². Выяснилось, что 75% респондентов хотели бы знать баскский язык, 83% — хотели бы, чтобы его знали их дети, 86,5% — хотели бы его сохранения и распространения, 90,5% — высказались за двуязычие в обучении, за баскский язык в управлении, делопроизводстве, средствах коммуникации²³.

Уже первое баскское автономное правительство приложило большие усилия к созданию местного телевидения с целью превратить его в подлинный механизм возрождения баскского языка. Вновь созданные отделы культуры при региональных органах власти взяли на себя финансирование нового баскского кино, театральных трупп и вообще всех культурных объединений, высказавших намерение укреплять позиции баскского языка. Появились, как и в Каталонии и Валенсии, печатные издания, периодика на местном языке. Официальные документы Страны басков все чаще публиковались на двух языках: кастильском и эускере. Как сообщает печать, от региональных чиновников их начальники стали требовать знания баскского языка, советуя им заниматься эускерой вне рабочего времени²⁴. Среди кастильскоязычного населения возникли опасения, что незнание баскского языка станет поводом к дискриминации при найме на работу в государственные учреждения²⁵.

Несколько иная ситуация сложилась в Наварре. Прежде чем говорить о ней, необходимо отметить важное обстоятельство. Каталония, как мы помним, состоит из четырех провинций, Валенсия — из трех. Наварра, считающаяся особым регионом, составляет в пределах Испании лишь одну провинцию. Что же до Страны басков, то она была конституирована решением представителей местного населения впервые лишь в начале 30-х годов, при Второй республике, как единое административное образование, а до того, и, разумеется, после окончания гражданской войны как целостная единица не существовала. Ее составляющие — провинции Гипускоа, Бискайя и Алава — по сути являлись особыми регионами, так как каждая из них вступала в давние времена под скипетр испанской монархии на определенных условиях и независимо одна от другой.

Иначе говоря, три из четырех регионов, на территории которых размещался баскский лингвистический ареал в пределах Испании, образовали единое целое сравнительно недавно: в первый раз — на очень короткий срок (до 1937 г., пока не были захвачены франкистами), во второй — с 1977 г., когда вновь воссозданному из трех частей региону была предоставлена автономия, первоначально, как и Каталонии, временная.

В начале 30-х годов была предпринята попытка подключить к единому создающемуся автономному организму и Наварру, однако большинство, хотя и не слишком впечатляющее, представителей наваррских органов местного самоуправления, от которых зависело окончательное решение вопроса, высказались против вхождения своего региона в состав Страны басков. В 70—80-е годы Наварра получила самостоятельный автономный статус. И тем не менее в глазах очень многих людей в упомянутых регионах, как и вне их, все четыре названные провинции Испании составляют как бы единый комплекс, пусть официально и не оформленный. Поэтому, очевидно, в целом ряде исследований, особенно в 60-е годы, несколько реже в последующие, данные по Стране басков и Наварре сведены воедино.

Однако языковая ситуация в каждом из регионов имела свою специфику и различную динамику. Довольно долго, вплоть до последних десятилетий, Наварра в отличие от Страны басков оставалась слабо затронутой миграционным движением извне. Лишь в ходе развернувшихся с 60-х годов процессов индустриализации произошел коренной поворот в демографических тенденциях, в результате которого регион из отдающего населения превратился в принимающий его. На рубеже 70—80-х годов мигранты составляли около 14% местного населения²⁶. Лишь 8% от общего числа проживающих в Наварре говорили в это время на баскском языке, вместе с только понимающими его их было 15%. Положение эускеры оставалось здесь значительно менее благоприятным, чем в Стране басков.

Движение за возрождение эускеры распространилось на Наварру, нередко называемую баскскими националистами «колыбелью» своего народа, в 60-е годы, причем в таких масштабах, которые дали основание видному этнографу Х. Сатрустеги утверждать: «Все культурные люди Наварры дружно защищают баскский язык»²⁷. Нужно отметить, что на фоне жесткого централизма, в соответствии с которым страна управлялась в послевоенный период, было сделано исключение для Алавы и Наварры (за активную поддержку консервативными и клерикальными кругами этих провинций франкистского мятежа 1936 г.), получивших некоторую самостоятельность в области сбора налогов и школьного обучения. Не исключено, что власти намеревались таким образом не только поощрить своих сторонников, но и расколоть баскские провинции, противопоставить промышленные, активно «националистические» регионы сельскохозяйственным, консервативным.

И вот в новых условиях, воспользовавшись возможностями.

которые предоставляла Наварре ее автономная образовательная система, местные власти приняли в 1967 г. решение о включении баскского языка в школьную программу в форме получасовых ежедневных занятий²⁸. Однако ситуация к тому моменту и последующий ход развития языковых процессов в Наварре ощутимо отличались от того, что происходило в то время в Стране басков. Отметим сейчас — в дальнейшем мы вернемся к этому пункту и рассмотрим его более подробно — что, хотя вопрос об объединении всех четырех провинций в единое автономное образование, или, как еще чаще говорят, о включении Наварры в Страну басков, стоял и стоит весьма остро, оба региона продолжают сохранять самостоятельность относительно друг друга. Позиции баскского языка в Наварре значительно слабее, чем в Стране басков, и их укрепление здесь идет менее масштабно и целеустремленно. Именно на территории Наварры уже в нашем столетии произошло существенное сокращение ареала эускеры. В качестве разговорного этот язык сохранился только в северной трети региона. Согласно опросу 1978 г., из 484 тыс. наваррцев 252 тыс. проживали в зоне кастильского языка, 165 тыс. — в столице региона городе Памплоне (15 тыс. из них, т. е. 9,1% баскоязычны), 31 тыс. — в так называемой контактной зоне (около 8 тыс., т. е. 25% — баскоязычны) и 35 тыс. — в зоне баскского языка (здесь им владели более 30 тыс. человек, около 86% населения). В общей сложности, судя по данному обследованию, баскоязычные наваррцы составляли 53 с лишним тысячи, или 11% жителей региона²⁹. По свидетельству специалистов, на протяжении 70-х годов имело место довольно значительно отступление баскского языка, утрата им позиций в обществе. Тем не менее эта тенденция компенсировалась другой, имеющей противоположную направленность и проявляющейся, в частности, в изменении отношения все большего количества людей, в том числе многих родителей школьников, к эускере. В 1981/82 учебном году здесь действовали 42 икастолы и 15 государственных колледжей, языком обучения в которых был баскский. В общей сложности количество учеников, которые учились по-баскски или изучали этот язык как предмет, составляло в Наварре примерно 10%. Большая часть икастол размещалась в Памплоне и ее окрестностях, за пределами баскоязычной зоны. И здесь подтвердилось отмеченное для Страны басков явление: ученики, обучающиеся на баскском языке и особенно заинтересованные в нем, в массе своей кастильскоязычны. При опросе членов Ассоциации родителей учащихся государственных колледжей Памплоны 93% высказались за обучение своих детей баскскому языку. Порой в тех учебных заведениях, которые не включили эускеру в свои расписания, родители, объединяясь, нанимали преподавателей для факультативных занятий.

Таким образом, в условиях временной автономии (все приведенные цифры и факты относятся к периоду до утверждения постоянного статуса автономного сообщества в 1983 г.) и даже еще раньше власти Наварры предпринимали определенные шаги для

институционализации баскского языка в регионе, хотя, по мнению их критиков, совершенно недостаточные. В 1980 г. так называемый формальный парламент^{*} принял Основы для включения баскского языка в школьное обучение, но он не мог заменить ни отсутствующий декрет о билингвизме, ни конкретный организационно-юридический механизм.

В целом языковая ситуация в Стране басков и Наварре развивалась весьма сходно с тем, что мы наблюдали в каталанском ареале. После периода гонений и непризнания — постепенное укрепление позиций в обществе при благоприятном отношении подавляющего большинства местного населения, в том числе кастильскоязычного и приезжего. Особенно усиливается этот процесс с начала 60-х годов и затем — во второй половине 70-х. Серьезным стимулом становится обретение автономии. Как и в случае с Каталонскими землями, в одном регионе языковая «баскизация» идет особенно бурно и интенсивно (Страна басков), в другом тот же процесс разворачивается значительно медленнее и скромнее (Наварра). Необычность, уникальность языка басков, загадочность их происхождения, самоотверженная борьба за самобытность и самоуправление привлекали внимание многих исследователей, и некоторые из них на месте занимались вопросами самосознания населения Страны басков и Наварры. И вот один из таких авторов, Х. Линс едва ли не на первых страницах своего обширного и глубокого труда сообщает, что слово «баски» применяется к различным группам, в зависимости от того, какой критерий используют говорящие. В числе же критериев фигурируют биологический (претензии на существование так называемой баскской расы), психологический (основанный на попытке выявить национальный характер), этнографический (за основу взяты формы жизнедеятельности и фольклорные особенности), разумеется, лингвистический и др. Часть населения Испании и Франции, указывает наш автор, чувствует и определяет себя как басков независимо от владения эускерой, рождения от уроженцев Страны басков и других «объективных» характеристик. У этих людей, кстати, сплошь и рядом различные политические взгляды, поэтому столь же неверно говорить, что «баски» или «баскский народ» стремятся к независимости, как и утверждать обратное³⁰.

Большой интерес представляет для нас мнение местных жителей относительно условий, необходимых, чтобы тот или иной человек мог считаться баском. По результатам опроса 1979 г. в Стране басков и Наварре точки зрения распределились так: 69,2% респондентов сочли, что для этого нужно жить и работать здесь; 60,7% высказались за происхождение из семьи местных жителей; 30,4% — за умение говорить на баскском языке³¹.

Обращает на себя внимание примерное совпадение доли говорящих по-баски и считающих это обстоятельство основным ус-

^{*} Название парламента происходит от слова «фуэрос», означающего права и привилегии, предоставленные Наварре в момент присоединения к Испании.

ловисм для того, чтобы «быть баском». Так, может быть, перед нами и впрямь истинные представители древнего этноса, а все прочие — чужаки, или, возможно, ассимилированные? Но тогда почему столь значительная часть из двух последних категорий называет себя басками, и не только называет, но и подтверждает это самоназвание самым активным образом? Чего стоит, например, такое высказывание баскского исследователя-филолога М. Сабалеты, относящееся к началу 80-х годов: «Баскский народ насчитывает около трех миллионов человек, из которых менее одного миллиона говорят по-баскски; среди этих последних огромное большинство владеет французским или кастильским языками» в зависимости от того, живут они во Франции или в Испании³².

Эти слова очень симптоматичны, в них заключена целая концепция, можно сказать, трактовка этнической ситуации, которую интересно сравнить с каталонской, вернее с панкаталанистской, потому что и там, и здесь говорится о надрегиональных общностях расселенных в пределах нескольких государств. Только в случае Каталонскими землями территория, занимаемая этой общностью, определялась языковой границей (в нее входила лишь часть Валенсии и еще меньшая — Арагона), в баскском же варианте речь явно идет о границах регионов (в Испании) и об их населении независимо от языка. Баск, по мнению процитированного автора, может и не говорить на эускере, оставаясь при этом баском.

Обращаясь к известным нам показателям — ощущение себя жителем региона, в момент нахождения вне его, но в пределах страны, — мы узнаем, что в 1979 г. 73% опрошенных обитателей Страны басков в этом случае считали себя басками, 16% определялись по одной из трех составляющих регион провинций, 7% — по комарке, а 2% называли себя испанцами. В ответ на вопрос о самоощущении здесь, на месте, в Стране басков, 79% назвали себя басками, 3% — андалусийцами, 6% — кастильцами, 3% — эстремадурцами и т. д. «Испанцев» этот пункт вовсе не отразил. Перед нами знакомая картина: преобладает региональный патриотизм, «испанцы» и здесь не этническая категория. Мигранты (мы помним об их огромной доле в населении) частично сохраняют внутреннюю связь с исходной региональной общностью, частично уже отождествляют себя с местным населением и называют себя басками. Таким образом, и здесь слово, которое для нас является этнонимом, имеет еще и иной, региональный смысл.

А какова же реальная этническая ситуация в Стране басков и Наварре? Пока что, имея дело с тремя показателями — местом рождения, языком и самосознанием, — мы выяснили, что здесь есть местные уроженцы и приезжие, причем определенную часть первых из них составляют родившиеся здесь дети приезжих. Мы также узнали, что часть населения говорит на баскском языке, другая, преобладающая, не говорит, но многие из этих людей либо сами изучают эускери, либо учат ей своих детей, либо, по крайней мере, приветствуют процесс ее возрождения и готовы включиться в него.

Нам теперь известно, что понятие «баск» допускает различные толкования и при наиболее широком из них охватывает едва ли не все постоянное население рассматриваемых регионов, что и здесь, как ранее в Каталанских землях, мы имеем дело не с конфликтом «двух этносов», местного баскского и пришлого кастильского, а с какой-то более сложной системой отношений, переплетением как совпадающих по своей направленности, так и взаимно противоречащих тенденций, соотношение между которыми, судя по всему, постоянно меняется; что, наконец, ощутимо проявляет себя локальное самосознание.

Интересно, как понимал сущность басков и их отличие от всех остальных знаменитый основоположник местного национализма и создатель крупнейшей и наиболее старой партии региона — Баскской националистической (ПНВ) Сабино Арана (90-е годы прошлого столетия). Его нередко называют расистом, поскольку «раса», наряду с «языком», «историческим правом», «религиозностью» составляли, с его точки зрения, основу народа, к которому он принадлежал³³. Подчеркивают, что «расовая чистота» басков была для него более важной, чем поддержание и распространение эускеры и даже более важной, чем независимость³⁴. На самом же деле речь шла, очевидно, не столько о расовой (в антропологическом смысле), сколько об этнической обособленности, об этнической «чистоте крови», о чем свидетельствуют требования, которым должен был, по его мнению, соответствовать «истинный баск». От такого человека требовалось иметь четыре первых баскских фамилии (т. е. фамилии родителей его отца и матери должны были иметь баскскую форму). Тем самым удостоверялась «чистота» его происхождения как минимум в двух предыдущих поколениях. Это условие стало обязательным для вступления в созданную в начале века националистическую партию. Мало того, сам С. Арана, по свидетельству его биографов, разорвал помолвку с собственной невестой, не отвечавшей вышеупомянутому критерию, и в дальнейшем призывал товарищей по партии последовать его примеру³⁵. Тем самым он противопоставил концепции, которой руководствовались официальные идеологи тогдашней Испании, так называемой французской, при которой нация тождественна государству, иную, «немецкую», опирающуюся на врожденные и передаваемые по наследству «первичные признаки». Можно, по-видимому, считать, что Арана воплощал в своих взглядах и своей деятельности как раз этническую традицию, этническое самосознание, хотя и в шовинистической форме. Он проповедовал неприязнь и даже враждебность к мигрантам и их потомкам, родившимся на баскских землях, называя их человекоподобными существами (*maketos*) и приписывая им всевозможные пороки, которых, конечно же, лишены чистокровные баски. По его мнению, приобщение приезжих к культуре местных жителей, освоение ими эускеры были бы бедой для коренного населения, поскольку грозили бы ему засорением чужеродным элементом, размыванием основ.

Но вот как сложилась судьба его доктрины в последующие годы.

Лишь до 1922 г. сохранялись ограничения «по крови» для вступления в ПНВ. В дальнейшем же они были сняты, и по новым правилам в партию мог вступить всякий, кто прожил в Стране басков не менее пяти лет и за кого поручились два ее члена. Дискриминация по признаку фамилии не восстанавливалась и в последующие годы. Очевидно, что в данном случае фамилия несет примерно ту же смысловую нагрузку, что и запись в паспорте о национальности в нашей гражданской практике. И вот этой «записью», этим сертификатом, казалось бы, тем более важным, что никакого другого не существует в испанских условиях для «генетической идентификации», здесь решили пожертвовать уже вскоре после того, как движение за возрождение баскского народа было организационно оформлено и сделало свои первые шаги.

Баскская националистическая партия на протяжении нескольких десятилетий оставалась общепризнанным лидером движения за автономию своего народа, за поддержание его самобытности. В конце 50-х — начале 60-х годов на политической арене появились новые силы, возникшие как альтернатива слишком умеренному, по их мнению, курсу старых националистов. Молодые радикалы заявили о себе как сторонники крайних мер, в том числе и террора. Они поставили своей целью не автономию, а полную независимость баскских земель, и не только в Испании, но и во Франции, по формуле $4 + 3 = 1$ (Баскское государство, состоящее из четырех исторических испанских и трех французских регионов). Взрывы, похищения, убийства, контрибуции, громкие судебные процессы, а с другой стороны — постоянные митинги, демонстрации, политические забастовки стали с рубежа 50—60-х годов неотъемлемыми чертами общественной жизни Страны басков, а затем и Наварры. Но интересно, что с самого начала в рядах террористов, борющихся соответствующими их убеждениям средствами за независимость баскских земель, обнаружились бывшие мигранты, выходцы из кастильскоязычных провинций Юга и Центра Испании, или их дети.

Это обстоятельство вполне подтверждает тот отмеченный опросами факт, что сторонники независимости Страны басков в определении «истинных басков» отдают предпочтение не языку, происхождению от местных уроженцев и даже не рождению на территории региона, а лишь критерию: «жить и работать здесь»³⁶. Тем самым они, как будто, полностью отказываются от «врожденных», «первичных» признаков, соответствующих нашим представлениям об этнической специфике. Как мы уже видели раньше, такую точку зрения поддерживает большинство местного населения (69,2% в 1979 г.).

Ситуация, таким образом, представляется довольно своеобразной и даже не очень логичной. В самом деле, понятно, что в условиях иноэтнического политического господства, когда в общественной жизни преобладает или даже доминирует иной язык, нежели язык коренных жителей, оказавшийся на положении пасынка; когда их

родина заполняется все большим количеством пришельцев извне, не просто чуждых по языку, но говорящих на официальном языке государства и, следовательно, не имеющих, казалось бы, ни политических, ни экономических стимулов осваивать угасающий и непрестижный язык аборигенов; когда, вследствие всех этих, а также ряда аналогичных по своей направленности причин возникает ощущение угрозы самому существованию народа со всеми его специфическими атрибутами — обостряется и желание сохранить все эти особенности, уберечь их от гибели. Понятно в этой связи стремление ограничить или прекратить действие «вредоносных» факторов: остановить миграцию извне, укрепить позиции языка местных жителей, в качестве крайней меры — отделиться от государства, вольно или невольно ассимилирующего свою инородную окраину, пытающегося стереть ее особый характер... Но при этом, казалось бы, уровень требований к этническому облику и политические цели должны находиться в прямом соотношении: стремление к независимости должно отражать крайнюю степень обеспокоенности угрозой утраты своей специфики. Казалось бы, должна нарастать обособленность, а вместо этого мы видим нечто едва ли не противоположное. Тем более, что более умеренные «политические националисты», как называет их испанская печать, ограничивающие свои притязания автономией, в определенной степени сохраняют приверженность «первичным» критериям, идущим от С. Араны, в соответствии с которыми баскская общность определяется по этнической принадлежности, включая сюда культурные характеристики, язык, происхождение, противопоставление «чуждым», «инородным» элементам. Известно, что в среде местных националистов, по крайней мере в 70-е годы, происходила оживленная полемика об отношении к пришельцам. В ее ходе та концепция, которую мы называли бы «этноцентристской», была в принципе отвергнута, хотя и продолжает то и дело давать о себе знать в различных формах³⁷.

Не менее примечательно, что не только баски, озабоченные сохранением своего народа и ратующие за самоуправление, не культивируют различия между собой и небасками, но и сами мигранты и их потомки, носители господствующего языка, «представители доминирующего этноса», охотно поддерживают движение, направленное на дезинтеграцию государства, против монополии их родного языка. Они, как мы помним, выступают за упрочение позиций эускеры, не знакомой большинству из них, долгое время вытесненной из основных сфер общественной жизни, наконец, чрезвычайно трудной для изучения. На первых же автономных выборах 9 марта 1980 г. националистические партии получили довольно большую поддержку в мигрантских кварталах городов Страны басков, и со временем эта поддержка продолжала нарастать. Но еще до этого, в 70-е и даже 60-е годы, при Франко, подавляющее большинство приезжих высказывались за баскский язык для себя и своих детей. Значительно число их ощущает себя басками.

Означает ли это, что региональные чувства взяли верх над

этническими, и что соседская, земляческая, «областническая» связь берет верх над всеми остальными; общность по территории постоянного проживания оказывается сильнее языковых, культурных различий, даже различий в происхождении? В какой-то степени да, во всяком случае в тенденции, т. е. не жестко и однозначно, а со множеством отклонений, модификаций и т. д. Ситуация здесь типологически сходна с той, которую мы наблюдали на востоке страны. в каталаноязычном арсале, хотя, несомненно, она имеет свои существенные особенности. Поэтому понятна та готовность, с которой борцы за местную специфику принимают в свою среду пришельцев, получивших на это право своим постоянным пребыванием на территории региона, своей трудовой деятельностью здесь же, и в высокой степени — своим стремлением действовать и даже рисковать жизнью на благо новой родины. Но равным образом понятна и готовность «новых басков» принимать модели поведения, идеологии, языка своей теперешней родины. Они поддерживают баскский язык, потому что он рожден на этой земле, неразрывно связан с ней, составляет характерную часть облика ее населения, а они ведь тоже чувствуют теперь причастность к этой общности и стремятся завершить свое слияние с ней. Как сказал тогдашний лидер ПНВ Карлос Гарайкоэча, ставший в результате выборов 1980 г. президентом автономного сообщества Страны басков, «вопреки... тем, кто стремится разделить население региона на две общины — туземную и мигрантскую, народ проголосовал за баскский национализм, который не делает различия между басками» разного происхождения³⁸.

Из этих слов, как и из некоторых приведенных выше данных, следует, что уже знакомая нам регионалистская тенденция здесь отнюдь не единственная, однако нам важно было констатировать само ее существование. Нередко лозунг: «Баск (или каталонец) — это тот, кто живет и работает в Стране басков (или Каталонии)!» — политическими обозревателями и даже исследователями-политологами объясняется как конъюнктурный, выдвинутый в политических целях сравнительно недавно. Называют даже его автора — Жорди Пужоля, который, будучи прагматиком, намеревается, дескать, таким образом избежать столкновения двух тамошних общин, местных коренных жителей и присезжих, путем инкорпорации вторых в состав первых. Но даже если какой-то политический деятель поддержал или выдвинул лозунг, очевидно, что для него существовала и существует благодатная почва в виде отмыченной нами регионалистской тенденции.

Содержание этого лозунга говорит о том, что в умах его пропагандистов и тех, на кого он направлен, существует представление о двух основных общностях на территории региона, точнее, двух разнородных группах, взаимоотношения которых являются одним из двух основных аспектов жизни местного общества. Второй аспект — отношения с центром, мадридским правительством. По имеющимся материалам и по аналогии с Каталонскими землями создается

представление, что эти группы или общины, — своего рода полюса в общей картине культурно-языковых процессов. Первая из них — уроженцы Страны басков, потомки коренных жителей этой области, носители специфических особенностей образа жизни и мышления, говорящие на баскском языке, а вторая — мигранты, присъезжие из кастильскоязычных регионов, не знающие эускеры, не разорвавшие внутреннюю, да и внешнюю связь со своей «малой родиной», с регионом своего исхода. Обе они, однако, не исчерпывают собой всей совокупности местного населения. Ведь есть еще потомки коренных жителей, чьи родители или еще более отдаленные предки утратили баскский язык, и есть потомки приезжих, во втором, третьем и более отдаленных коленах, которые в языковом отношении не отличаются друг от друга. Наконец, определенная часть приезжих и их потомков еще в 60-е годы (может быть, и раньше, мы этого не знаем) усваивала баскский язык и даже переходила на него в повседневном общении. Все это происходит в определенных и непрерывно меняющихся условиях, под воздействием целого ряда факторов разной степени стабильности. Регионалистская тенденция подталкивает мигрантов, укореняющихся на новой для них почве, к постепенной «перекраске» в соответствии с ее требованиями — процессу, который при благоприятных условиях может закончиться уже в следующем поколении, поскольку к нему в идеале психологически подготовлены и присъезжие, и коренные жители. Но ситуация, конечно, далека от идеальной, и на пути реализации этой тенденции встают препятствия. В их числе исторически сложившаяся неполноценность роли эускеры в местной общественной жизни, ощутимая гораздо сильнее, чем аналогичная ситуация в каталанских землях; и, конечно, официальные гонения на этот язык, очень затруднявшие приобщение к нему. Сюда добавляются и такие «технические» обстоятельства, как концентрация мигрантов в местах их нового проживания и трудовой деятельности, сводящая к минимуму возможности лингвистических контактов, да и сама по себе трудность баскского языка.

Понятно, что в таких условиях речь может идти о «размывании» не столько присъезжих, сколько носителей баскской культурно-языковой модели, о необходимости сохранения ими своих специфических черт. Тем не менее даже в такой сложной ситуации происходит постоянный, хотя и не резкий переход из группы мигрантов в промежуточную категорию лиц, говорящих по-кастильски, но связывающих себя с местной общностью, со Страной басков, «определяющихся» уже по ней, а не по месту, откуда приехали когда-то они сами или их предки. С момента прибытия как бы включается своеобразный хронометр, каждое пройденное стрелкой деление которого означает все большее ослабление прежних связей и становление новых, неуклонное изменение ценностно-установочных ориентаций личности. Процесс получает мощный стимул во втором поколении бывших мигрантов. Из них самих лишь незначительная

часть добирается до противоположного «ядра», тем не менее и такие случаи бывают, и они описаны.

В последние годы появляется все больше возможностей для укрепления «баскоязычного ядра», для прекращения его размывания, а также для реализации готовности промежуточной категории (по численности, по-видимому, наиболее крупной) «баскизироваться» в языковом отношении. Условия становятся еще более благоприятными после установления автономного режима, когда местное правительство, образованное победившими на выборах националистами, взяло курс на лингвистическую «эускеризацию» региона.

Те политики, которые провозглашают басками всех живущих и работающих в Стране басков, вовсе не индифферентны по отношению к языку представляемой ими общности. Их отличие от сторонников консервативного «этнического» подхода состоит в том, что они оставляют открытыми двери в баскскую общность со всеми ее специфическими чертами, включая и язык, для всех, кто по различным обстоятельствам связал свою судьбу с регионом. Речь идет, если уж называть вещи своими именами, об установке на ассимиляцию мигрантов, о готовности принять всех, кто докажет свое желание расстаться с прежней, как здесь нередко говорят, «идентичностью», и о стремлении создать все условия для того, чтобы на этом пути было как можно меньше препятствий. Это хорошо прослеживается не только в политике автономных властей, но и, например, в практике местных партий. Так, мы уже упоминали об отказе еще в 1922 г. от дискриминации «чужаков» при приеме в старейшую Баскскую националистическую партию. Однако в печати отмечается, что она обычно использует баскский язык во внутрипартийной жизни, в общении между своими членами и различными организационными звеньями. Мало того, частью почти ежедневных мероприятий ее являются «элементы баскского фольклора — танцы, хоры, музыка с флейтой и барабаном», и в итоге оказывается, что мигрант, претендующий на членство в партии, должен усвоить не только «дьявольски трудный для изучения язык», но и прочие баскские традиционные ценности, обычаи, образ жизни и т. д.³⁹

Разумеется, тенденция — это не жесткая закономерность, и немалое количество людей не подпадают под ее действие или даже сознательно ему сопротивляются. Как и в Каталонских землях, здесь есть люди, которые настаивают на своем праве сохранить свой исходный языковой облик. На их стороне то обстоятельство, что баскский язык приходится возвращать из крайне ущербного, подавленного состояния, что огромное большинство местных жителей привыкли обходиться без него, что работа по языковому возрождению крайне трудоемка, имеет очень низкий КПД, дает нескоро и не слишком впечатляющие результаты. Тем не менее процесс идет, и есть сведения о сокращении миграции в Страну басков и даже о попятном движении, оттоке части тамошних обитателей в другие регионы государства.

Прежде чем делать выводы о баскской ситуации в целом, необходимо рассмотреть вопрос об отношениях населения Страны басков и Наварры и о ситуации в последней. Как мы помним, здесь на конце 70-х годов 8—10% населения говорили по-баскски, вместе с понимающими эускеры их было 14—15%⁴⁰. По одному из опросов относительно самосознания, состоявшемуся в то же время, выявилось, что 72% респондентов чувствуют себя наваррцами, 15% — басками, остальные самоотождествлялись по другим регионам страны, откуда были выходцами⁴¹. По другому обследованию, в ходе которого делалась попытка выявить самосознание в зависимости от языка и места рождения, выяснилось, что среди владеющих баскским языком (в их числе только местные уроженцы) 39% считают себя более басками, чем кем бы то ни было, 50%, — столь же басками, сколь и наваррцами, 5% — наваррцами и 5% — испанцами. Среди уроженцев региона, не владеющих баскским языком, 58% назвались наваррцами, 32% — столь же наваррцами, сколь и басками, 4% — более басками. Интересна позиция выходцев из других регионов, живущих и работающих в Наварре: 41% считают себя наваррцами, 18% — столь же наваррцами, сколь и басками, 35% избрали определение «испанцы»⁴².

Опрашивали наваррцев и на предмет того, что значит, по их мнению, быть баском. Оказалось, что очень немногие (всего 16%) считают необходимым условием владение баскским языком; лишь 29% высказались за происхождение из баскской семьи (зато 53% отвергли этот критерий). Подавляющее же большинство и здесь поддержало определение «жить и работать»... Это лишний раз подтвердило, что лозунг, соответствующий последнему критерию, нельзя считать изобретенным в конъюнктурных политических целях конкретными лицами, а также то обстоятельство, что можно, оказываясь, иметь в качестве родного языка баскский и не считать себя баском, и, напротив, чувствовать себя баском и при этом не владеть эускерой, происходить от родителей небасков, знать, что появился на свет вдали от баскских провинций. Наконец, люди, обладающие одними и теми же исходными «объективными» характеристиками (место рождения, родной язык и т. д.), могут осознавать себя по-разному, членами различных, не совпадающих между собой общностей.

Итак, как нам известно, в 30-е годы население Наварры в большинстве своем отвергло интеграцию со Страной басков. В 60—70-е годы вопрос о едином автономном статусе для всех четырех провинций вновь встал на повестку дня. В Наварре активная политическая борьба между сторонниками и противниками вхождения в Страну басков шла на севере и юге области, причем как в городах, так и в деревнях. Активному «панбаскизму» противопоставлялось подчеркивание исторического единства всех наваррцев независимо от существующих между ними хозяйственных и языковых различий. Один из лидеров наваррских «областников» ут-

верждал, в частности, что «баскский элемент» здесь всегда «органически сочетался с другими культурами». «Мы, наваррцы, — говорил он, — свободный народ и имеем право решать собственную судьбу»⁴³. Проведенный в конце 1977 г. опрос общественного мнения показал, что 57,3% населения высказывались против интеграции со Страной басков. Вместе с тем за восстановление местного автономного режима выступало более 75% опрошенных. На всеобщих выборах 1 марта 1979 г. противники интеграции получили в Наварре 61% голосов⁴⁴, и в итоге вопрос о воссоединении двух регионов в одном автономном сообществе так и не был поставлен в практическую плоскость. Страна басков и Наварра получили раздельные автономные статусы, сначала временные, а затем и постоянные.

Конечно, самое интересное для нас здесь то, что немалое количество жителей наваррской области, в том числе и баскоязычных, не отрицая баскскую традицию и баскский характер языка части местного населения, ставит на первый план историческое единство своей «малой родины». Характерно высказывание прославленного испанского этнографа баскского происхождения Х. Каро Барохи: «Наварра — не баскская, а наваррская. Это очень древняя общность. Аргументы интеграторов — один и тот же язык, одна и та же раса — фальшивы...»⁴⁵. Очень примечательно существование, помимо сторонников безусловного включения Наварры в Страну басков и их противников — адептов наваррской самостоятельности, считающих, что история и культура их родного региона дают ему на это право, третьей группы, тех наваррцев, которые чувствовали себя вполне басками, но отказывались присоединяться к трем провинциям, составившим единое целое.

Хотя созданный здесь «областнический» Союз наваррского народа не является ведущей политической силой (16,1% голосов на выборах 1979 г.), другие, более влиятельные партии общепанского значения поддерживали самостоятельный статус Наварры в совокупности народов Испании⁴⁶. Регионалистские чувства оказались столь сильны, что члены одной и той же партии, например, могли занять разные позиции: так, социалисты в Стране басков высказывались за инкорпорацию Наварры, а их наваррские товарищи решительно выступали против, отстаивая ее автономию. Отметим, что баскские националистические партии, имеющие отделения в Наварре и, естественно, стремящиеся к объединению, получили тогда же, в 1979 г., около 17% голосов.

Мы встречаемся здесь, таким образом, со сложным соотношением тенденций и аспектов общественного бытия, крайне затрудняющим понимание расстановки сил, этнической ситуации в Наварре. В самом деле, здесь есть коренные жители и есть приезжие; для части коренных родным языком является баскский, для остальных — кастильский. Кастильскоязычна в своем подавляющем большинстве и довольно представительная группа осевших здесь уроженцев других регионов. Самосознание прочерчивает в обществе иные разграничительные линии, поскольку среди всех без исключения на-

званных категорий оказываются и «наваррцы», и «баски», и «столь же наваррцы, сколь и баски», и даже «испанцы». Кроме того, деление на «своих» и «чужих» еще более запутывает картину, поскольку различны его критерии: индивид может считать кого-то «своим», допустим, наваррецем, поскольку тот, как и он сам, «живет и работает в регионе». Однако упомянутая персона вполне может видеть в нашем индивиде чужака, поскольку он родился, предположим, в Эстремадуре и не владеет баскским языком, и, значит, не соответствует ее представлениям о «своих». Обращает на себя внимание гораздо большее, чем в Каталонских землях, значение здесь надрегионального самосознания, в данном случае — «панбаскистского»: ведь не такая уж малая часть обитателей Наварры определяют себя как баски. Однако из того факта, что в числе этих людей есть и местные, и приезжие, и говорящие на эускере, и не владеющие сю, вряд ли оправданно делать вывод об этнической обусловленности такого рода самосознания. Хотя справедливости ради нужно сказать, что в наибольшей степени ему привержены коренные жители Наварры, говорящие на эускере, так что определенная зависимость от «этнических свойств» тут есть. В наваррском обществе борются две тенденции, одна из которых, несомненно, «областническая», но и вторая, «панбаскистская», по сути дела такова же и находится в принципе в той же системе координат, только уровнем выше. Ведь баскские националисты претендуют на всю Наварру и все ее население. Это хорошо отразилось в словах К. Гарайкоэчеа, кстати, выходца из Наварры, чье избрание лидером ПНВ, состоявшееся в Памплоне, а затем назначение главой автономного правительства Страны басков откровенно трактовались многими как символические, призванные укрепить идею интеграции его родины со Страной басков: «Можно быть баском в различных формах, и наваррец — это баск, с юга он или с севера». Примечательно, что он при этом отстаивал особую специфику Наварры и ее населения — независимо от языка и других характеристик — и не сомневался, что все оно, в соответствии с границами региона, будет иметь в будущей единой Стране басков собственный статус.

На наш взгляд, эти слова только подтверждают, что в случае с Наваррой не этническая традиция борется с региональной, а сталкиваются и взаимодействуют между собой две «областнические» традиции разного масштаба. При этом они различаются не только, так сказать, количественно; одна из них гораздо больше, чем другая, «окрашена» этнически. Но именно «окрашена», и не этим определяется ее сущность. Надо сказать, что не чужда этой «окраски» и «наварристская» тенденция, но здесь пока что, безусловно, доминирует подход, уже знакомый нам по Валенсии и Арагону: все, что создано на земле региона, принадлежит всему его населению, заслуживает всяческой поддержки и будет культивироваться и защищаться местной властью. Отсюда и уроки баскского языка в государственных школах Наварры в 60-е годы, когда в самой Стране

басков нельзя было еще и подумать с⁷ этим. Но одновременно имеет место сопротивление большинства населения экспансии со стороны националистов из Страны басков, столь знакомое по тому, что мы видели на востоке Испании, где угроза экспансионизма олицетворяется Каталонией.

Определенная разница между установками каждого из существующих ныне автономных сообществ, где говорят по-баскски, видна из представлений их жителей относительно того, в чем заключается их специфика в сравнении с другими региональными общностями. В Наварре лишь 12% опрошенных сочли необходимым указать язык, тогда как в Стране басков — 72%, зато на обычай указали соответственно 53 и 45%, на историю — 52 и 35%, на фольклор — почти поровну, 17 и 15%⁴⁷.

Любопытно, что при всем этом «анализ предпочтений» показал наибольшую близость, расположенность жителей Страны басков к наваррцам и наоборот⁴⁸.

Наварра — лишь наиболее яркий пример обособленности в рамках арсала. В пределах самой Страны басков локальное самосознание отнюдь не изжито и продолжает довлеть над значительной частью местного населения. Так, по данным 1979 г., находясь в другом месте Испании, 16% обитателей Страны басков отождествляют себя с одной из трех входящих в нее провинций, а 7% — с родной комаркой. Последний вариант самосознания обнаруживают и 5% наваррцев, 62% которых, однако, в этом случае отдают предпочтение родной провинции (она же — регион), а 31% ощущают потребность называться басками⁴⁹.

К этому нужно добавить, что в отличие от наблюдаемого нами в Каталонских землях здесь «областничество» (наваррское, а тем более провинциальное, в рамках Страны басков) не пытается апеллировать к какому-то особому, небаскскому характеру локальной традиции, скажем, указывать на региональный, наваррский вариант эускеры. Нет, общая баскская основа не отрицается, но и не выступает в качестве решающего аргумента. Вторая особенность та, что здесь не придается столь большого и безусловного значения лингвистической границе в пределах региона, нет столь фатального отношения к ней со стороны части населения как к рубежу двух миров. Возможно, это потому, что языковой рубеж тут не был стабильным на протяжении веков, а постоянно и ощутимо изменялся, так что даже существует представление о том, что многие коренные жители, говорящие сегодня по-кастильски, когда-то были баскоязычны.

КТО ЖЕ НАСЕЛЯЕТ БАСКСКИЕ ПРОВИНЦИИ ИСПАНИИ?

Проще, очевидно, сказать, кто там не живет. Там нет двух этносов, один из которых баскский, а другой «собственно испанский», противостоящих друг другу, четко отличающих себя один от другого, поскольку осознание этого отличия опирается на явную разницу в языке, происхождении, традиции, культуре. А что же есть? А есть,

очевидно, конгломерат целого ряда категорий населения, находящихся в сложных отношениях между собой. При этом самосознание, определяющее в каждом конкретном случае самого индивида, «своих» и «чужих» для него, довольно точно определяет и место данного индивида в системе этих отношений, а также в каком-то смысле характеризует его языково-культурные установки и ориентации. Присхать в Страну басков на постоянное жительство, а тем более родиться здесь, хотя бы и от присзжих родителей, — это уже значит двинуться по пути к тому, чтобы отождествить себя с местной региональной общностью, «стать баском». Приобщение к проблемам региона, социально-экономическая и политическая интеграция в нем продолжают процесс. Конечная всха на этом пути — полное усвоение культурно-языковой региональной модели, облегчающееся тем, что мигрант в значительной степени подготовлен к этому, еще когда делает первые шаги в данном направлении.

Ситуация, конечно, сильно осложняется и корректируется внешними факторами. Так, было время (до конца прошлого века), когда «этнокультурный», как мы сказали бы, в том числе и языковой, облик жителя Страны басков не был столь важен, как в дальнейшем. Ведь сам Сабино Арана, поборник «расовой чистоты» и ярый приверженец «истинных баскских ценностей», учил эускере, уже будучи взрослым человеком. Многие десятилетия понадобились для того, чтобы, закалившись в борьбе против равнодушия одних (местных жителей), враждебности и репрессий со стороны других (властей и их сторонников в регионе), специфическая этноязыковая модель «истинного баска» утвердилась как образец. В этом, возможно, немалую роль сыграл мировой «этнический взрыв», причины которого не очень ясны и сейчас и который проявился в Испании на рубеже 50—60-х годов.

Политическая борьба националистов в Стране басков, принимающая здесь наиболее ожесточенные формы — это по сути дела борьба за суверенитет региона и, соответственно всего его населения, которое, принадлежа к разным категориям из названных выше, «перетскающих» одна в другую, в большинстве своем осознает себя и воспринимается окружающими как «баски». С точки зрения этнической ситуации можно сказать, что этот регионализм имеет очень сильный этнический заряд, который в силу ряда обстоятельств последних десятилетий продолжает возрастать. Создается впечатление, что при поддержке местных автономных властей усиливают свое действие ассимиляционные процессы. Однако скорее всего мы имеем дело с трудными и несущими скорый результат попытками активизировать, усилить тенденцию консолидации всех «своих», всех «басков», т. е. жителей региона разного происхождения, разных языков, на базе единой региональной модели, соответствующей наиболее древней, а главное — истинно местной традиции. Своеобразная равнодействующая ряда факторов может быть представлена следующим образом (что видно из опросов): человек, родившийся в Стране басков,

не обязательно говорит по-баскски, но тот, кто говорит, в большей степени ощущает себя баском⁵⁰.

Сходным образом описывает ситуацию американский исследователь Д. Гринвуд, который полагает, что все социально-профессиональные группы населения Страны басков считают себя басками. При этом их «этническая идентичность» (осознание принадлежности к определенной группе на данном, этническом, уровне и одновременно следование определенной языково-культурной модели) тесно связана с обстоятельствами их жизни и существует во множестве вариантов, что является результатом сложного взаимодействия географических условий, политико-экономических процессов, функционирования государственных учреждений и элементов региональной культуры⁵¹. Однако при этом имеются общие культурно-исторические символы и взгляды на историю Страны басков и ее взаимоотношений со всем остальным испанским комплексом, и они-то и объединяют все категории баскского населения⁵².

Очень сложно охарактеризовать ситуацию в Наварре. Часть населения здесь полностью отождествляет себя с баскской общностью, причем многие из этих людей олицетворяют собою «референтную» в Стране басков «эускароязычную модель» или тяготеют к ней. Это, казалось бы, свидетельствует в пользу значимости этнического фактора. С другой стороны, многие здесь просто руководствуются установкой, что всякий наваррец — баск. Но и для того большинства жителей региона, которое однозначно определяет себя как наваррцев, или баско-наваррцев, «свои» — это в любом случае все, кто обитает на территории региона, независимо от языка. Понятно, что в этом случае значение «этнического фактора» в самоопределении, ориентациях и установках значительно ниже, чем в Стране басков, хотя есть сообщения о постепенном его повышении.

Подводя итог, отметим, что есть основания говорить о преобладании и в рассмотренных провинциях регионального фактора над этническим в организации, ориентациях, самоопределении, групповых взаимоотношениях местного населения. Мы сделали такой вывод потому, что, как нам представляется, те особенности, которые мы обычно называем этническими (язык, обычаи, фольклор, особые формы жизнедеятельности и т. д., а также представление о происхождении от определенной общности, изначально обладавшей всеми этими признаками), для подавляющего большинства населения важны не сами по себе, а постольку, поскольку они наиболее адекватно олицетворяют данную территорию, как бы порождены ею. Иначе говоря, эти этнические особенности пока не являются универсальным формообразующим элементом, не они обеспечивают общность, ее характер, количественный состав. Их носители совсем не обязательно видят друг в друге «своих», а в прочих — «чужих». Напротив, в числе «своих» оказываются носители совсем иных свойств, поскольку формообразующим началом, как раз и создающим «своих» в противовес «чужим», являются территория, местность, область.

По общераспространенному мнению галисийцы — это народ-этнос, живущий на северо-западе страны, одно из трех, наряду с каталонцами и басками, национальных меньшинств Испании. Очевидно, имеет смысл посмотреть на них сквозь призму того, что нам уже известно о двух других «этнусах» или даже «нациях», как нередко характеризуют население названных лингвистических ареалов Испании. О нации нередко говорят и в применении к галисийцам. В самом деле, второе десятилетие нашего века обычно называют здесь временем, когда дала о себе знать «националистическая» традиция в Галисии. В 1918 г. так называемая Галисийская партия провозгласила себя «националистической»⁵³, и тогда же на ассамблее в городе Луго прозвучало требование «интегральной автономии галисийской нации»⁵⁴. Сразу после свержения монархии в 1931 г. представители местных муниципальных и провинциальных органов власти начали готовить проект автономного статуса, будировать общественное мнение. В 1936 г., после общегалисийского референдума, область, подобно Каталонии и Стране басков, получила статус самоуправления, но не успела им воспользоваться, так как сразу же была оккупирована франкистами, как известно, — решительными противниками децентрализации и «сепаратизма».

Лишь четверть века спустя местное общество начало проявлять заметные признаки оживления. Так, в 1963 г. возникает политически ориентированная галисийская молодежная группа Совет молодых, на базе которой год спустя формируется радикальная националистическая организация Союз галисийского народа. В 1965 г. оформляется Галисийская социалистическая партия, в 1969 г. — Коммунистическая партия Галисии⁵⁵. В 70-е годы, когда вопрос об автономном устройстве был поставлен в практическую плоскость, Галисия вновь обрела самоуправление. Этому предшествовали ассамблеи галисийских парламентариев, которые, собравшись в конце 1977 г. в городе Сантьяго-де-Компостела, единодушно приняли проект предавтономного статуса для своего региона, а также манифестации по всей Галисии с участием многих тысяч людей в поддержку своих депутатов, действовавших в данном случае единым фронтом независимо от своей партийной принадлежности. Празднование «Дня галисийской родины», публичное исполнение галисийского гимна и другие проявления местного патриотизма становились привычными атрибутами общественной жизни. В конце 1980 г. здесь прошел плебисцит по вопросу о будущей постоянной автономии, участники которого в подавляющем большинстве проголосовали «за».

Что касается языковой проблематики, то принцип, определявший официальное положение гальего (галисийского языка) в условиях франкизма, нам уже знаком на примере каталанского и эускеры. Насколько известно, в 1936—1946 гг. в Испании не вышло ни одной книги на галисийском языке⁵⁶, в дальнейшем они снова начали понемногу появляться, преимущественно благодаря издательству «Галаксиа», возникшему в 1951 г.⁵⁷ В 50-е годы отмечается некоторое

оживление в гальегоязычной литературе, рост интереса к гальего в университетских кругах. По сообщениям печати, в 1968 г. в университете г. Сантьяго «началась маленькая культурная революция: студенты стали ориентироваться на реальную Галисию». Появление журналов «Гриаль» и «Чан» с отдельными текстами на галисийском языке знаменовало собой рождение галисийской журналистики⁵⁸. С 1976 г. стал издаваться первый еженедельный журнал «Тейма» целиком на галисийском языке. Подобно каталанскому и баскскому, галисийский начал внедряться на радио и телевидении, в школьном обучении и делопроизводстве. Как видим, общая направленность развития событий в Галисии та же, что и в регионах двух других «национальных меньшинств». А теперь рассмотрим ситуацию более конкретно, с ее особенностями и специфическими обстоятельствами.

Галисия — регион, складывающийся из четырех провинций, родным языком коренного населения которых с давних пор был галисийский, или гальего. Однако на том же языке спокон веку говорили и обитатели прилегающих к Галисии земель, входящих в другие, соседние регионы Астурию и Леон, в общей сложности, по оценке на конец 70-х годов, около 80 тыс. человек⁵⁹. Языковой ареал и здесь «разрезается» региональными границами, как это имеет место в двух уже рассмотренных нами случаях.

А вот дальше уже начинается своеобразие, обусловленное особенностями галисийской экономики. Последняя в отличие от Каталонии и Страны басков по преимуществу основана на сельскохозяйственном производстве: в 1960 г. в промышленности было занято лишь 18,4% при среднем показателе по Испании 31,7%⁶⁰. Деревня была крайне отсталой, для нее были характерны так называемые минифундии — крохотные участки. Помимо земельного голода и парцеллизации, т. е. раздробленности и без того скудных наделов, крестьяне страдали от отсутствия сети коммуникаций, недостатка медицинских учреждений, неудовлетворительной системы школьного обучения, от патриархальщины в социальных отношениях и т. д. Некоторые исследователи говорили о том, что «галисийское общество сохраняет явные черты средневековой модели сельской жизни»⁶¹. Многие галисийцы пребывали в состоянии бедности; потребление на душу населения составляло лишь половину среднего по стране, а заработная плата была на треть ниже, чем в более развитых регионах⁶².

Аграрная специфика Галисии препятствовала развитию межрегиональных контактов на ее территории. Ни прежде, ни в рассматриваемое нами время миграция в эту область не была сколько-нибудь значительной. Зато в городах Испании за пределами этого региона с конца 50-х — начала 60-х годов стало появляться все больше его уроженцев, тогда как прежде они направлялись главным образом в страны Америки, а перемещения на полуострове были по преимуществу сезонными (на летние полевые работы, шахты и т. д.).

К началу 70-х годов около трети галисийцев проживало за пределами своей «малой родины».

Таким образом, местное население было по преимуществу однородным с точки зрения происхождения. При обследовании 1976 г. на территории региона 97% опрошенных указали, что считают себя галисийцами. Эти же люди, будучи вынужденными определиться в момент пребывания в других частях Испании, называли себя галисийцами (85%) или уроженцами одной из провинций (9%) либо комарк (5%), входящих в состав Галисии⁶³. Относительно галисийского языка они высказывались следующим образом: 98% заявляли, что понимают его, 90% — что говорят на нем. Всего три года спустя эти цифры возросли; в 1979 г. понимали галисийский 100%, могли говорить на нем 94%⁶⁴. Очевидно, что однородности по происхождению соответствовала и однородность языковая.

Раньше только на основании приведенных данных мы бы сделали вывод о существовании галисийского этноса, и своим обликом, и борьбой за его сохранение и за собственную политическую самостоятельность подтверждающего свою суть. Теперь же, имея опыт Каталанских земель и регионов ареала баскского языка, мы должны подойти к делу с большей осторожностью. Ведь результаты опросов по сути дела не подтверждают ничего, кроме значимости в сознании опрашиваемых их принадлежности к региону под названием «Галисия». А вот если взять пункт того же опроса, в котором выясняются представления респондентов об отличиях Галисии от других регионов, то оказывается, что в 1979 г. свой язык считали таким отличием 36%, обычаи — 27%, фольклор — 9%⁶⁵ т. е. наиболее яркие и характерные, казалось бы, этнические признаки, которые и отделяют один этнос от другого, большинством населения не считаются важными при самоопределении. А что же здесь наиболее значимо для местных жителей? Неужели опять факт региональной принадлежности по тому или иному критерию, лежащему вне этнического русла?

Очень интересно было бы выяснить факт реального бытования «общегалисийской общности», но, к сожалению, прямыми данными на этот счет мы не располагаем. В одной из работ упомянуто, что галисийский автономный статус 1936 г. указывал якобы на возможность включения тех астурийских и леонских земель, где говорят на гальего, в состав создававшегося тогда самоуправляющегося образования, однако не известно (поскольку мы не располагаем необходимыми источниками), так ли это в действительности и каково обоснование такого предположения. Зато в том же исследовании утверждается, что среди гальегоязычных леонцев и астурийцев нет осознания своего языкового отличия от кастильскоязычных соседей по соответствующим регионам, и нет, стало быть, какого-то особого движения за поддержание и развитие культурной специфики⁶⁶. Занимаясь поисками материалов по этнографии северо-запада Испании, пришлось прочесть однажды местную частушку, в которой девушка возражает парню, назвавшему ее галисийкой (gallega). И

объясняет, что она никак не может быть таковой, поскольку родилась в комарке, расположенной вне пределов Галисии⁶⁷. Есть, правда, сообщение, что в последнее время среди населения Бьерсо (местность в Леоне, где говорят по-галисийски) стали популярными песни одного из тамошних уроженцев, содержание которых может, по мнению сообщающих, говорить о начавшемся осознании местными жителями особого характера своей общности⁶⁸. Однако какого рода это осознание, выходит ли оно за рамки ограниченной территории в пределах Леона, к сожалению, не известно.

Зато известно, что в самой Галисии отчетливо выраженной языковой специфике ее населения (мы говорим только о том, что поддастся проверке, и потому не употребляем напрашивающееся, казалось бы, в этом случае определение «культурно-языковой») соответствовало очень слабое и непоследовательное ее осознание как этнической. Взгляд на гальего как на «испорченный кастильский», т. е. «низший», как на язык некультурных бедняков, наряду со многими местными школьными учителями разделяли в значительной степени галисийские крестьяне. В их среде было, например, принято писать письма на «более престижном» кастильском языке. Мало того, когда в 60-е годы появилось официальное разрешение Ватикана вести церковную службу взамен латыни на местных языках, гальегоязычная паства во многих случаях высказывалась за более авторитетный, хотя нередко едва понятный кастильский⁶⁹. Галисийцы в массе своей ориентировались на кастильский язык и, шире, кастильскоязычную культуру, что во многих случаях принимало характер отрицательной самооценки. Так, эмигранты-галисийцы во Франции оказались единственной группой среди выходцев из Испании, кто в 60-е годы единодушно высказался за обязательное обучение своих детей кастильскому языку, при том, что среди самих кастильцев таких было 92%, среди прочих — намного меньше⁷⁰.

Известно, что нередко в семьях, где гальегоязычные родители владели лучше кастильским языком, они старались, сохраняя для общения между собой галисийский, говорить с детьми на официальном языке государства⁷¹.

Ситуация, на наш взгляд, очень напоминает валенсийскую в том, что касается ощущения периферийности, второсортности местных особенностей по отношению к какому-то центру, находящемуся вне пределов данного региона и данного лингвистического ареала, с той, может быть, разницей, что здесь, в Галисии, такого рода самосознание и вытекающие из него действия имеют еще более прочные позиции. Как мало это похоже на «ярко выраженное этническое самосознание», на самоощущение народа-этноса, тем более — нации! Не случайно, видимо, среди испанских исследователей и политиков сформировалось такое отношение к проблеме Галисии, при котором ее ставили не в один ряд с Каталонией и Страной басков, а как бы рангом ниже⁷². Даже в середине 70-х годов первый глава автономного каталонского правительства Тар-

радельяс заявил, что в Испании существуют два «глубоких политических национализма» (каталонский и баскский) и один «литературный национализм» (галисийский)⁷³. Традиция этого рода известна здесь еще с прошлого века, и деятели тогдашнего галисийского возрождения прославились главным образом на литературном поприще. Они создавали прекрасные произведения поэзии и прозы на галисийском языке, но вне литературной деятельности оставались нередко кастильскоязычными. Их движение в целом не получило распространения в сколько-нибудь широких кругах местного населения как в городе, так и в деревне⁷⁴.

Отметим и другое — крайне низкую заинтересованность значительной части обитателей региона в борьбе за его автономию, которая не только вернула бы престиж местному языку, подняла его роль в обществе, но и решила другие проблемы: экономические, социальные, демографические, наконец позволила бы отстаивать интересы Галисии перед всемогущим Мадридом. В 1977 г. на первых послефранкистских парламентских выборах около 50% местных избирателей вовсе воздержались от голосования, остальные проголосовали за представителей общеиспанских партий, да еще главным образом (24 депутата из 27) за правых или центристов, отрицательно или сдержанно относившихся к автономистским устремлениям окраин. «Гальсгисты» — сторонники регионального самоуправления — не получили ни одного места⁷⁵. Это дало основание печати сделать вывод об отсутствии в целом в Галисии сколько-нибудь сильных автономистских требований, исключая группы левых националистов, и о том, что автономизм большинства сводился главным образом к экономической проблематике⁷⁶.

Еще более выразительными оказались итоги плебисцита в декабре 1980 г. уже непосредственно по поводу автономного статуса. От участия в нем уклонились почти 72% зарегистрированных избирателей, так что в итоге статус был принят лишь голосами 20,8% жителей региона, имевших право голоса⁷⁷.

Нельзя не отметить вместе с тем, что ситуация в Галисии начала стремительно меняться уже в 80-е годы, причем именно в сторону роста влияния националистов, политизации борьбы за галисийскую самобытность. Языково-культурное движение, развернувшееся здесь в 60-е годы, не угасло, а, напротив, расширялось и приобретало все новых сторонников. Практически все политические партии, стремившиеся добиться поддержки народа, начали интенсивно использовать галисийский язык, завоевывавший таким образом давно и, казалось, навсегда утраченные позиции в общественной жизни. Опросы населения демонстрировали рост престижа гальего там, где к нему прежде относились презрительно или равнодушно. Все больше людей высказывались за использование родного языка на всех уровнях обучения и в средствах массовой информации⁷⁸. То, что раньше было аргументом противников возрождения гальего — его архаичность, несоответствие современным требованиям, — в новых условиях стало стимулом, побуждающим его сторонников к работе

по упорядочению, совершенствованию и обогащению галисийского языка, чтобы сделать возможным его использование во всех областях жизни. И хотя в ряду названных трех лингвистических ареалов галисийский явно и ощутимо отстает от остальных, направление движения то же самое; так, автономный режим здесь стал мощным рычагом стимулирования языковой гальегизации. В 1980/81 учебном году обучение на галисийском языке осуществлялось уже в 41% школ региона, в высших учебных заведениях на нем читалась значительная часть лекций, и хотя в это время еще ни одна газета не печаталась полностью по-галисийски, однако уже выходил ряд моноязычных журналов⁷⁹. Все более частыми становились радиопередачи на гальего, в середине 80-х годов начал функционировать гальегоязычный телевизионный канал.

Развитие событий, однако, было отнюдь не однонаправленным и тем более не бесконфликтным. В начале 80-х годов специалисты оценивали языковую ситуацию как достаточно противоречивую. С одной стороны, кастельянизация, которая традиционно сопровождала здесь подъем по социальной лестнице, усилилась и распространилась на те группы и социальные слои, которые раньше оставались незатронутыми ею (мы не будем сейчас касаться причин этого). С другой же стороны, наместились сразу три процесса, ведущих к одному результату: гальегизация тех, кто кастельянизировался (т. е. перешел на кастильский язык) одно-два поколения назад; регальегизация, или декастельянизация тех, кто ранее сам отказался от гальего и перешел на кастельяно; наконец, сохранение галисийского языка теми, кто при обстоятельствах, существовавших всего десять лет назад, обязательно забыли бы его⁸⁰.

Хотя региональное общество состоит в подавляющем большинстве из местных уроженцев, отношение к происходящим процессам высказывалось различное. Кроме «энтузиастов» и «равнодушных», заявили о себе «консерваторы», сторонники сохранения статус-кво. Эти люди пытались апеллировать к общественному мнению страны и к властям. Об их чаяниях и жалобах мы знаем из писем в центральные органы печати. В них выражается возмущение «воинствующим гальегизмом», который стремится поставить дело таким образом, чтобы галисийцами признавались лишь знающие галисийский язык. Так называемая лингвистическая нормализация, провозглашенная в регионе, как раз и отлучает, по мнению несогласных с ней, от Галисии ее «кастильскоязычных детей». Речь идет, по их мнению, о постоянном промывании мозгов, повсеместном навязывании гальего, чем занимаются ныне практически все политические партии и движения, поскольку галисийский стал языком политики. Видимо, защищая интересы недовольных, Совет министров Испании обратился к региональной Шунте (Xunta, местное правительство) с просьбой отменить ее решение об обязательном введении в школьное обучение по крайней мере двух предметов на гальего; однако Шунта отказалась пойти навстречу в этом вопросе⁸¹.

Еще одна языковая проблема, вырисовывающаяся из писем,

состоит в том, что какая-то часть местных уроженцев, по их словам, будучи гальегоязычной, не понимает того галисийского языка, на котором пишет или говорит так называемая интеллектуальная элита. В таком же положении оказываются дети эмигрантов, отправившихся в свое время на долгосрочные заработки за границу вместе с семьями. Возвратившись домой, молодые люди (а их немало, ведь эмиграция из Галисии традиционно лидировала в количественном отношении среди районов Испании), изучавшие на чужбине кастильский язык, обнаруживают, что не понимают речи своих земляков⁸².

Наконец, языковая проблема не так уж редко ставится и в политическом аспекте. Некоторые галисийцы утверждают, что официальная гальего (как, впрочем, и других «окраинных» языков) раскалывает национальное (общеспанское) единство и приводит к тому, что все прочие граждане страны чувствуют себя на этих окраинах как иностранцы. Культивирование языков, «не имеющих будущего», лишь изолирует их носителей от «других испанцев» и от всего мира⁸³.

К сожалению, о Галисии нам известно значительно меньше, чем о других регионах Испании, да об этом может судить и читатель: мы не в состоянии рассмотреть ситуацию здесь с той же степенью подробности как в Каталанских землях или баскских регионах, и даже не имеем возможности коснуться некоторых аспектов, очень важных в контексте нашего исследования. Вместе с тем, уже познакомившись с положением дел в двух других лингвистических ареалах, мы можем отказаться от того, чтобы пытаться анализировать столь же тщательно все последующие, если по основным, существенным признакам ясно, что они принципиально схожи. Нам представляется, что положение с галисийцами именно таково. Ведь задача — первая, предварительная для нас — понять, с кем мы имеем дело. Что за общность перед нами? Кто такие галисийцы? На наш взгляд, и здесь перед нами региональная, «областническая» общность, в которой границы между «своими» и «чужими» совпадают с границами Галисии. При опросе 1979 г. в регионе по известному нам параметру — об «условиях, необходимых для того, чтобы данный человек мог считаться галисийцем» — были получены такие результаты: 80,3% уверены, что нужно происходить из семьи местных уроженцев, 42,7% — что нужно жить и работать в Галисии, 41,8% — что необходимо говорить на местном языке (это при том, что в том же году 100% опрошенных в регионе заявили, что понимают гальего, а 94% — что говорят на нем)⁸⁴.

Такое абсолютное предпочтение «территориальных корней», «отношений с землей» при значительно меньшей влиятельности наиболее характерного и яркого из тех свойств, которое обычно отождествляют с этническими, говорит само за себя. И мы здесь не можем сослаться на «темноту» местных жителей, предполагать, что они просто-напросто не представляют себе, что говорят на особом

* Респонденты могли давать более чем один ответ.

по сравнению с окружающим миром языке, а то бы, дескать, поняли, что язык как раз и характеризует галисийца в первую очередь. В том-то и дело, что очень даже представляют, и оттого, что имеют вековую традицию миграции за рубеж и отходничества в другие районы Испании, и оттого, что у себя дома издавна живут в условиях диглоссии, неравноправного двуязычия, и прекрасно знают, каким языком и когда следует пользоваться. А значит, они не придают языку такого формообразующего значения как укорененности на земле региона. Регионалистская тенденция, таким образом, налицо.

Вместе с тем эта тенденция здесь, безусловно, не одна. В определенной степени с ней соперничает с давних пор общиспанская тенденция, низводящая галисийские лингвистические и прочие особенности на уровень периферийных, отсталых, деревенских, превращающая их в сугубо социальные. С другой стороны, действует «этнизирующая» тенденция, все более набирающая силу, возможно, под воздействием внешних факторов: примера каталонцев и басков, да и вообще, так сказать, духа времени. В соответствии с ней языковые, исторические, фольклорные особенности постепенно увеличивают свое значение в сознании местных жителей, все более обретают самостоятельную ценность, значение определителя в характеристике «своих» и «чужих». Процесс еще явно далек от завершения, что видно из опроса обитателей региона в том же 1979 г. Отличия Галисии от других исторических областей в языке увидели 36% респондентов, в обычаях — 27%, в фольклоре — 9%, в истории — 6%⁸⁵.

Представляется, что «галисийцы» в нашем привычном понимании, т. е. все те, чей родной язык — галисийский, не являются общностью, а тем более народом-этносом, но лишь лингвистическим арсалом. Что же касается «галисийцев» в понимании самой общности, которая так себя называет, и большинства других жителей Испании, то тут речь идет о совокупности уроженцев и постоянных жителей региона Галисия, а также выходцев из него, проживающих вне своей родины, но сохраняющих связь с ней, ощущение единства с ее населением, заинтересованность в ее делах и проблемах и стремление к сохранению ее самобытности. При этом их языковой облик и даже языковые ориентации могут существенно различаться и даже быть взаимоисключающими. Как и в Валенсии, здесь есть группа, так сказать, энтузиастов галисийского языка и основанной на нем культуры, есть те, кто придерживается кастильской языковой модели и ориентируется на центр, и есть обширная промежуточная категория, для которой языковой облик не имеет большого значения и формируется обстоятельствами. Исторические условия, различные внешние и внутренние факторы складываются в фон, благоприятный для одних тенденций и затрудняющий действие других, стало быть, укрепляющий одну из названных групп и ослабляющий прочие. Очевидно, что в период монополии кастильского языка усиливались позиции носителей соответствующей ему лингвистической модели,

эта категория доминировала в местном обществе, постоянно пополняясь к тому же за счет промежуточной. С 60-х годов началось обратное движение, которое особенно усилилось после образования автономного сообщества. Теперь, если верить сообщениям, доминировать стала тенденция, олицетворяющая гальегоязычие как наиболее адекватную черту местного жителя, члена галисийской общности. Что же до говорящих по-галисийски обитателей прилегающих к Галисии земель Астурии и Леона, то они остаются, насколько известно, частями соответствующих региональных общностей, гальегоязычными астурийцами и леонцами. Не имея никаких иных сведений на этот счет, но уже представляя себе возможное развитие событий, мы можем предположить, что осознание этими людьми своих языковых отличий от соседей по их родным регионам и даже культивирование своей лингвистической специфики не приведет автоматически к возникновению «пангалисийского» самосознания и к стремлению объединиться с «братьями по языку», хотя в будущем нельзя исключить появления и такой тенденции. Сейчас, однако, она полностью противоречила бы всему строю существующих здесь отношений и основанной на нем системе самосознания, всей сути сформировавшейся за столетия традиции.

Отметим, кстати, что и для самих галисийцев — общности обитателей региона Галисия — факт проживания в соседних регионах людей, говорящих на одном с ними языке, по-видимому, не имеет сколько-нибудь решающего значения при формировании отношения к этим регионам и их населению. В известной нам «таблице предпочтений» соседи-астурийцы стоят на 1-м месте, зато соседи-леонцы — только на 11-м. Нам кажется, что если бы при оценке учитывалась ситуация с «братьями по языку», отношение было бы более сходным, независимо от его содержания.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ „ИСПАНСКИЙ ЭТНОС“?

Читателю, надо полагать, уже понятно, почему мы взяли в кавычки выражение в заголовке параграфа, и почему в данном случае мы только так решаемся употреблять термины «испанцы» или «собственно испанцы», которые вполне в ходу в нашей литературе без всяких ограничений. Попробуем подвергнуть сведения и материалы, находящиеся в нашем распоряжении, такому же «просвечиванию» на предмет существования доказательств целостного народа-этноса, давно уже достигшего стадии нации, какое мы предприняли в трех предыдущих случаях. Но прежде необходимо напомнить о фактической стороне дела.

Итак, мы уже успели обнаружить, что по ряду рассмотренных нами регионов проходит лингвистическая граница между местными языками (каталанским, баскским, галисийским) и кастильским языком. Если в Валенсии в зоне последнего проживает меньшая часть населения этой исторической области, то в Арагоне, Наварре, Алаве, Леоне, Астурии кастильский является родным для подавляющего

большинства жителей. Кроме того, ряд регионов находится целиком в пределах кастильского лингвистического ареала. В соответствии с нынешним подразделением на автономные сообщества — это Андалусия, Эстрамадура, Мурсия, Кастилия-Ламанча, Мадрид, Риоха, Кантабрия, Канарские острова. Данный ареал занимает, таким образом, подавляющую часть территории страны, в его границах проживает огромное большинство населения Испании. Язык этих людей нередко в самой стране и практически всегда за ее пределами именуют испанским, его носителей часто — испанцами. Мы помним, что вплоть до недавнего времени он был единственным официальным языком государства, со всеми печальными последствиями этого обстоятельства для трех других языков Испании.

Ввиду очень больших размеров «участка», который нам предстоит «разработать», мы вынуждены будем отказаться от рассмотрения множества интересных фактов и событий, сосредоточившись лишь на тех из них, которые позволяют нам, опираясь на уже накопленные представления об особенностях общественно-языковых процессов в Испании, понять и определить ситуацию в кастильскоязычном ареале.

Как же называют себя, кем себя считают кастильскоязычные жители Испании? Обследование 1979 г. недвусмысленно ответило на этот вопрос. Выяснилось, что в подавляющем большинстве респонденты определялись опять же по регионам: 90% опрошенных в Астурии назвались астурийцами, а остальные — кастильцами, арагонцами, мадридцами и т. д.; то же произошло и в других регионах кастильского языка⁸⁶. Но Астурия — регион, состоящий всего из одной провинции. А вот в Старой Кастилии, например, назвались кастильцами 63% опрошенных, тогда как около 30% «определились» по родной провинции, входящей в регион; в Кастилии-Ламанче «кастильцев» — 53%, 39% — тех или иных «провинциалов»; в Андалусии «андалусийцев» — 96% и т. д. Еще более ярко «локализм» в самосознании проступает при самоотождествлении в момент пребывания за пределами родного региона, но на территории Испании. Так, в той же Андалусии в этом случае андалусийцами называют себя уже лишь 50% уроженцев региона, зато 36% связывают себя только с провинцией, а 9% — с комаркой происхождения⁸⁷. Примерно то же самое наблюдается и в других регионах, и, значит, здесь практически нет принципиального отличия от того, что мы наблюдали во всех трех ранее рассмотренных лингвистических ареалах.

Справедливости ради нужно сказать, что среди ответов на упомянутые выше вопросы фигурирует и термин «испанцы», но в очень незначительной доле от всей совокупности высказываний. На Канарах так определил себя 1% опрошенных, столько же — в Мурсии, Арагоне, Леоне, Астурии; в Андалусии и Старой Кастилии таких оказалось 2%, и нигде больше эта доля не была превышена. Очень важно то, что для жителей кастильскоязычного ареала нет какого-то единого общепризнанного «внеязыкового» термина, который харак-

теризовал бы их как общность и противопоставлял всем остальным гражданам страны, т. е. такого, который соответствовал бы нашему пониманию термина «испанцы». Ситуация, таким образом, здесь та же, что и в Каталонских землях, но там этот вопрос по крайней мере обсуждается... Но, может быть, осознание языковой близости сказывается в каких-нибудь иных формах, например, в предпочтениях по отношению к той или иной группе сограждан. Имющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность проверить это предположение. Выясняется, что прямая зависимость расположенности к той или иной региональной общности от языка, на котором она говорит, здесь не прослеживается, и люди явно руководствуются какими-то иными соображениями. В самом деле, для жителей Кастилии, например, наименее приятны (по степени убывания благосклонности) валенсийцы, наваррцы, каталонцы и баски, но они же предпочитают иноязычных галисийцев и балеарцев «единокровным», по нашим представлениям, мурсийцам и эстремадурцам⁸⁸. А для астурийцев лингвистически чуждые им обитатели Галисии вообще стоят на втором месте по степени предпочтительности, опережая почти всех остальных, которые в сложившейся на этой основе очередности причудливо перемешаны в отношении языка. Отметим, что почти во всех кастильскоязычных регионах таблицу замыкают либо баски, либо каталонцы, либо те и другие, но и здесь видеть противопоставление «доминирующего этноса» «национальным меньшинствам» вряд ли имеет смысл, поскольку другие региональные группы тех же «меньшинств», а также галисийцы сплошь и рядом в той же таблице оказываются в числе наиболее предпочтительных. Феномен психологического отторжения двух упомянутых регионов связан, скорее всего, с определенной настороженностью в отношении Каталонии и Страны басков, во многих аспектах оказавшихся противопоставленными не только центру, но в какой-то степени и всем остальным историческим областям. Два указанных региона — это наиболее экономически развитые, наиболее богатые центры притяжения бедняков из других частей страны, к тому же олицетворяющие собой постоянную политическую фронду, претензии на особое к себе отношение, даже угрозу сепаратизма.

Итак, общего самоназвания нет, сознание общности замкнуто главным образом на регионах. Мало того, некоторые регионы кастильского языка с давних пор, подобно «национальным» окраинам и одновременно с нами, вели довольно активную борьбу за собственную автономию. Так, автономистские требования Андалусии фиксируются еще в 80-х годах прошлого века, а в 1918 г. так называемый Андалусийский конгресс не только публично провозгласил право региона на самоуправление, принял и утвердил областные знамя, герб и гимн, но и поддержал возникшую в начале века идею существования особого андалусийского народа, даже более того — потребовал его признания как «национальности». К 1931 г.

относится неудачная попытка местных экстремистов создать Свободное Андалусийское государство⁸⁹.

Большую активность в том же плане проявляли и арагонские автономисты. Имея за плечами опыт борьбы своих предшественников-земляков за древние областные привилегии, в начале XX в. они создали Арагонский регионалистский союз и попытались добиться объединения трех провинций, на которые когда-то была разделена территория королевства, сделать то же, что удалось в то время каталонцам, — но потерпели неудачу. Однако в 1931 г. на волне антимонархической эйфории движение испытало новый подъем. Так, ассамблея экономических корпораций и объединений Арагона приняла тогда решение «вести интенсивную регионалистскую пропаганду по всему Арагону, разъясняя преимущества автономии, для формирования действенного регионального сознания»⁹⁰. В 1936 г., с победой Народного фронта, автономистская кампания в регионе достигла кульминации, и в мае того года специально созданный съезд принял проект автономного статуса для Арагона. Но разразившаяся вскоре гражданская война властно поставила на первый план иные проблемы.

Тогда же, в 30-е годы, дали знать о себе сторонники самостоятельности и других кастильскоязычных регионов Испании. В особенности заметны были, помимо названных выше, действия автономистов Астурии и Канарских островов, где собрания представителей местных провинциальных депутаций и муниципальных органов власти также требовали режима самоуправления, принимая проекты соответствующих статусов⁹¹.

С победой франкизма регионалистские движения в кастильском лингвистическом ареале постигла та же судьба, что и во всех остальных: они были безжалостно разгромлены, все их завоевания уничтожены, многие лидеры репрессированы. Мало того, преследовались и запрещались те местные элементы культуры или общественной жизни, в которых власти усматривали «сепаратистский оттенок»: некоторые песни, танцы и особенно праздники. Однако ситуация постепенно менялась, и со временем мы вновь начинаем встречать свидетельства растущей активности регионалистов в общественной жизни, первоначально по преимуществу в сфере фольклора. В астурийских периодических и специальных изданиях публикуется все больше статей и материалов о народном творчестве жителей Астурии, о судьбах и деятельности ее наиболее видных уроженцев, печатаются произведения региональных поэтов и прозаиков, а также записки побывавших здесь когда-либо путешественников и т. д. В 1963 г. возник первый костюбристский театр, а в 1966 г. начала почти ежедневно выходить в эфир специальная программа радио г. Овьедо, посвященная местной самобытной культуре. В середине 70-х годов группа любителей астурийского фольклора объединяла сотни людей в различных городах и селениях региона. Они проводили конференции, устраивали выставки, лекции и беседы, организовывали танцевальные и хоровые коллективы, а

также празднества в традиционном стиле и в ознаменование памятных событий местной истории⁹².

Нечто сходное происходило в Мурсии, хотя со значительным отставанием во времени и в гораздо более скромных масштабах. Здесь усилия ряда деятелей культуры и их сторонников в различных слоях общества были направлены на поддержание традиционных видов ремесленного производства, создание музеев и выставочных залов для демонстрации изделий народных промыслов, на «возрождение и очищение» региональных танца и песни, учреждение постоянно действующих органов для исследования, культивирования и пропаганды мурсийских обычаев и традиций и проведения ежегодных фольклорных праздников⁹³.

Подобное направление общественного интереса обозначилось практически во всех регионах кастильского языка: где-то раньше, где-то позже, здесь — в большей степени, там — в меньшей. Его «фольклорный аспект» отчасти даже поддерживался с какого-то момента властями. Но движение отнюдь не замыкалось рамками фольклорной экзотики; довольно скоро обозначились другие, вряд ли желательные для правителей страны аспекты. Особенно усилились они, естественно, в середине 70-х годов на фоне быстрого демонтажа авторитарной системы.

Речь идет прежде всего о политическом содержании регионализма; оно вновь проявилось уже в 60-е годы, и чем дальше, тем больше давало о себе знать. В 1963—1964 гг. на базе незадолго перед тем оформившегося общественного течения за автономию родилась радикальная организация МПАИК — ни много ни мало Движение за самоопределение и независимость Канарского архипелага. Его лидер А. Кубильо заявил о намерениях освободить Канары от «готского колониализма», угнетающего «гуанчей», т. е. местных жителей⁹⁴.

Однако подлинное политическое наступление «областничества» началось, конечно, после 1975 г. В апреле 1976 г. популярный еженедельник обращал внимание общественности страны на яркий феномен — «новый испанский регионализм», проявившийся в возникновении таких организаций, как «Андалусийское согласие», «Региональное согласие Кастилии и Леона», в подготовке группами типа «Свободная Эстремадура» и им подобными «Большого эстремадурского съезда», в требованиях создания Гуанчской республики на Канарских островах и установления в Астурии автономного режима по типу каталонского, в призывах «Проснись, Арагон, проснись!» и т. п.⁹⁵ Уже в парламентских выборах 1977 г. участвовали партии, объявившие себя регионалистскими. Они ставили на первый план интересы собственного региона, в своем, разумеется, понимании. Кое-где им удалось добиться определенного успеха. Так, один депутат-регионалист был избран в парламент от Арагона⁹⁶, 6,5% (около 18 тыс.) голосов получил блок «Объединенный канарский народ», включающий сторонников независимости от Испании⁹⁷. В Андалусии за партии, олицетворявшие «чистый автономизм», высказалось около 300 тыс. избирателей⁹⁸. Но гораздо важнее было

то, что и государственная власть, и общество в целом, в том числе практически все основные общегосударственные партии, круто меняли привычный курс, поворачиваясь лицом к «областническим» требованиям. Сразу после упомянутых выборов тогдашний премьер-министр Суарес рекомендовал депутатам от своей партии-победительницы» быть большими автономистами, чем кто-либо другой⁹⁹. А королевский закон-декрет от 29 сентября того же года, утверждающий предварительную автономию для Каталонии, содержал в своем тексте разъяснение, что предоставляемый статус отнюдь не исключение и может быть получен другими регионами, которые того захотят. Это вызвало большой энтузиазм и массовые выступления по всей стране; начались переговоры о предоставлении временных статусов самоуправления, которые и были утверждены еще до ввода в действие новой конституции. 10 марта 1978 г. их получили Арагон и Канарские острова, 19 апреля 1978 г. — Андалусия, Кастилия-Леон, Эстремадура, 25 августа 1979 г. — Астурия, Кастилия-Ламанча, Мурсия¹⁰⁰.

Что касается политических партий, то во многих из них выделились региональные секторы; к аббревиатурам их названий стали добавлять первую букву названия данного региона; кое-где эта буква заменила стоявшую там до того литеру «Е» (*Espana*)¹⁰¹.

Новая конституция подтвердила право на автономию для всех регионов, и к маю 1983 г., хотя и не без трудностей, конфликтов и даже попятных движений, вызванных колебаниями правительственной политики, процесс завершился. Практически вся территория страны, за исключением ее североафриканских владений, оказалась поделена границами автономных сообществ, в том числе и кастильскоязычный ареал, раздробленный теперь на дюжину «участков» различного размера. При этом произошло существенное перераспределение территории, и новая карта автономных сообществ уже не соответствовала прежней карте регионов. Какие-то из провинций отделились от тех регионов, куда они, по общепринятому мнению, входили прежде, и добились самостоятельного статуса; другие же, наоборот, объединились и составили гораздо более крупные образования, чем прежние регионы; так возникли упоминавшиеся выше автономные сообщества с двойными названиями. Нужно сразу сказать, что хотя статусы отдельных автономий различаются между собой по тем или иным позициям и различаются порой весьма существенно prerогативы, перешедшие от центральной власти ко вновь созданным сообществам, в Испании нет какой-то официально оговоренной иерархии статусов, в соответствии с которой регионы «национальных меньшинств», с одной стороны, и кастильского языка — с другой, оказались бы на разных уровнях.

Не менее любопытно и движение, возникшее в пределах кастильскоязычного ареала и направленное на культивирование местных, региональных лингвистических форм. То обстоятельство, что кастильский язык распадается на ряд диалектов, широко известно, но вряд ли можно было ожидать, что возникнут серьезные претензии

на повышение их статуса до уровня полноценных самостоятельных языков и превращение их в основное средство коммуникаций в данном регионе. Так, в Астурии в 1974 г. заявила о себе группа «Консейу бабле» — организация, занимающаяся изучением и распространением астурийской разновидности кастильской речи («бавле»). Ее члены организовали подготовительные языковые (может быть, правильнее сказать диалектальные?) курсы астурийского в городах региона Овьедо, Хихоне, Авилесе и Лангрео. Вышел первый кастильско-астурийский словарь, затем — книга: «Бавле и регионализм». Академик-лингвист Э. Аларкос заявил на открытии II Ассамблеи бавле в декабре 1975 г. (Овьедо), что «нынешнее развитие бавле ставит на повестку дня необходимость его введения в школьное обучение». За преподавание астурийского в школах в это же время было собрано 30 тыс. подписей среди выходцев из Астурии в других частях Испании и за границей. Энтузиасты из «Консейу», пополняя свои ряды единомышленниками из разных слоев общества, в том числе из университетских кругов, активизировали деятельность за постоянное и совместное употребление бавле в Астурии, за письменность на нем, против представлений об астурийском как «деревенском наречии», в конечном счете — за признание его официальным наряду с кастильским. В основу «нормализации», т. е. создания литературной, универсальной модели был положен вариант, используемый жителями индустриальных центров Астурии, с учетом двух других разновидностей диалекта, распространенных в регионе. Теоретическим обоснованием (очевидно, неизбежным в данном случае) претензий на самостоятельный статус стал тезис о возникновении бавле непосредственно из народной латыни¹⁰². Пять тысяч участников манифестации под астурийским знаменем в июне 1976 г. в г. Хихоне требовали, наряду с автономией Астурии, бавле для школ региона¹⁰³. Тогда же целый ряд организаций регионалистского толка, включая и те, что объединяли уроженцев Астурии за ее пределами, создали федерацию для совместной борьбы во имя своей родины, ее автономии, ее языка. Письмо-декларация с сообщением об этом в редакцию центрального журнала было написано по-астурийски и в таком виде и опубликовано¹⁰⁴. В другом письме в том же издании можно было прочесть требование называть Астурию так же, как это практикуется в отношении Каталонии и Страны басков, — на родном языке ее обитателей (в данном случае — не Asturias по-кастильски, а Asturias на бавле). Остается добавить, что, по некоторым оценкам, в 1976 г. на астурийском говорили около 80% жителей региона¹⁰⁵.

Варианты того же диалекта бытуют в некоторых районах Леона (леонэс) и горной Кантабрии (монтаньэс), и, насколько известно, интерес к ним в последние годы начал возрастать, причем не только научный, но и общественный. Заговорили о своеобразии мурсийского диалекта, так называемого паночо, испытавшего влияние как арагонских, так и валенсийских форм речи¹⁰⁶. Особенно большую поддержку населения получило движение за возрождение арагонэса

— в прошлом, по утверждениям его защитников, самостоятельного языка, первые тексты на котором появились еще в XIII в.; в дальнейшем в результате наступления кастильского арагонес был оттеснен в северную, пиренейскую, часть Арагона. Еще в 20-е годы нынешнего столетия на нем говорили около 100 тыс. человек, однако к 70-м годам это число сократилось до 8—10 тыс.¹⁰⁷ Отступление арагонеса продолжалось, его ареал уже утратил свою целостность, отношение со стороны многих местных жителей к нему было пренебрежительным, и «уже никто не верил, что арагонес переживет хотя бы одно поколение, когда возник журнал «Repaxeduga» («Возрождение») и в 1971 г. вышли три книжки на арагонском языке¹⁰⁸. Все больше людей хотели овладеть уникальной речью своей родины и шли на специально организованные энтузиастами курсы; для обучения стали использоваться также пресса и радио. Возник Совет по проблемам арагонского языка (Consello d'a Fabla aragonesa)¹⁰⁹.

Таким образом, во многих регионах кастильского языка заметным явлением общественной жизни стали альтернативные языковые движения, очевидно, составлявшие часть более широких течений — за утверждение и укрепление областной самобытности, консолидацию местного населения как региональной общности. И в этом смысле даже не слишком важно, насколько такие попытки были реально обоснованы или, например, имели спекулятивный, конъюнктурный характер. Важно, что они предпринимались в среде «народа-этнуса», уже давным-давно достигшего уровня нации, имевшего на протяжении столетий собственное государство, в котором ему принадлежали доминирующие позиции, и поддерживались немалой частью населения. Возникает ощущение, что в обществе происходит как бы переоценка ценностей в языковой сфере, в результате которой поднимаются на щит те локальные формы, которых еще недавно стыдились, которые третировались как признак бескультурья или низкого социального статуса. В Андалусии, к примеру, где трудно было бы искать древнюю самобытную основу нынешнего местного языка, появилась тенденция к защите особенностей андалусийского произношения, своеобразия местной фонетики¹¹⁰. Крайние формы приняла на Канарах деятельность некоторых сторонников политического самоопределения, которые, по сообщениям их противников, в своих политических целях пытаются воссоздать и использовать слова из языка древних обитателей архипелага, еще в средние века истребленных, вымерших или ассимилированных завоевателями.

Нужно сказать о еще одной черте политического самосознания, сведениями о которой мы располагаем и которая, очевидно, тесно связана с этническим самосознанием: о предпочтении того или иного статуса своего региона относительно Испанского государства. В результате обследования 1979 г. выяснилось, что в Стране басков, например, лишь 10% опрошенных высказывались за централизм, за сохранение прежней унитарной государственной структуры, тогда как 38% хотели автономии, 15% — федеративного устройства и 30% — независимости¹¹¹. В Галисии сторонников централизма было

29%, «автономистов» — 50%, «федералистов» — 14%, «независимцев» — только 4%¹¹². Все остальные регионы «национальных меньшинств» располагаются по данной совокупности показателей как бы между Страной басков и Галисией. Их обитатели в целом настроены «мягче», чем баски, но «тверже», чем галисийцы, в плане отношений с мадридским центром, разве что на Балсарах сторонники независимости в то время было еще меньше (2%).

Однако что же обнаруживается, если мы обратимся к кастильскоязычным регионам? Возьмем для начала количество сторонников сохранения унитарной организации, прямого подчинения центру. В Астурии их 19%, Старой Кастилии — 32, Андалусии — 29, Арагоне — 26, Мурсии — 41, Эстремадуре — 43%; к тому же почти везде — за одним исключением — этот процент ощутимо снизился в течение трех лет перед данным обследованием. Доля сторонников независимости в указанном ряду колеблется от 1—2% в Старой Кастилии и Леоне до 7% в Астурии. Повсюду за ту или иную степень самостоятельности своего региона — от автономии до независимости — высказывается подавляющее большинство его жителей.

Нас, конечно, чрезвычайно интересует не только внешняя сторона дела, т. е. события политической жизни, действия энтузиастов культурно-языкового возрождения, высказывания в ходе опросов общественного мнения и т. д., но и, так сказать, внутренняя — побуждения к этим действиям, осмысление происходящего, содержание, которого вкладывается в определение «своих» и «чужих». К сожалению, мы располагаем необходимыми данными не по всем регионам кастильского языка, а только по немногим из них. Наиболее представлен андалусийский материал, на нем мы и остановимся.

Вот как определяет свои исследовательские задачи севильский этнолог И. Морено Наварро, считающий, что в настоящее время он и его коллеги обременены особой ответственностью: «Процесс обретения андалусийским народом сознания своей этнической специфики продолжает нарастать, несмотря на все препоны. Необходимо вести изучение социально-культурной действительности Андалусии», а также глубоких корней ее культурной самобытности, процесса становления местного самосознания, которое он определяет как «этническое», с тем, чтобы внести «вклад в независимое, свободное и справедливое будущее Андалусии...»¹¹³. В другой работе того же автора, специально посвященной сущности андалусийцев, он доказывает, что особый исторический путь, пройденный за века населением Андалусии, привел к формированию особого народа со своей специфической культурой, целостной, несмотря на то, что она была смоделирована, сплавлена из разнородных элементов. Этой особой сущности соответствует ее осознание подавляющим большинством андалусийского народа, который в ходе многотысячных демонстраций под бело-зеленым знаменем «исторического андалусизма» в конце 70-х годов решительно высказался за политическую автономию как

средство решения серьезных экономических, социальных и культурных проблем и тем самым «сознательно подтвердил свое коллективное своеобразие»¹¹⁴. Однако наш автор не довольствуется утверждением об этнической самобытности андалусийцев, но считает правомерным говорить об их национальном статусе. Произошла, как он считает, следующая эволюция: то объективное своеобразие, которое сложилось исторически и является присущим населению региона, долгое время не осознавалось в должной степени; в массах существовало лишь достаточно аморфное чувство «принадлежности к некоей слабо определенной общности». Однако со временем это чувство перешло в осознание своей этничности, и тогда элементы специфики приобрели для группы символическое значение. Когда же эта группа ясно выразила свое желание эффективно участвовать в решении касающихся ее вопросов, стало возможным говорить о «политической нации», при этом «неважно, располагает ли она собственным государством и обладает ли тем или иным уровнем самоуправления»¹¹⁵.

Процесс обретения «национального самосознания», становления в Андалусии «националистического движения» (терминология Морено) очень активизировался в 1910-е годы, когда и появился впервые лозунг: «Да здравствует свободная Андалусия!». Но вхождение в процесс широких слоев населения произошло гораздо позже, в 60—70-е годы, в условиях массовой миграции из региона в промышленные области страны и за рубеж. И вот там — в других районах Испании и за границей — «в контакте с другими народами и другими культурами, отличными от его собственной», андалусийский мигрант обнаружил, что его опыт и реакции на внешние проблемы, хотя и отражают некоторые универсальные черты, обусловленные принадлежностью к рабочему классу, обусловлены еще и «особыми чертами сформированными собственной андалусийской культурой». Вне своего региона, будь то в Испании или в зарубежных странах Западной Европы, «трудящиеся из различных андалусийских комарк и селений» чувствуют себя уже не севильцами, кордовцами и т. д., а «прежде всего андалусийцами», членами коллектива, характеризуемого не только слаборазвитостью и зависимостью от мадридских властей, но и «культурными чертами, определенной позицией, формами проявления опыта и специфическим пониманием мира»¹¹⁶.

Нами приведены столь большие выдержки из работ одного автора потому, что он наиболее концентрированно, насколько можно судить, выразил суть концепции андалусийского движения, вот только как мы это движение назовем? «Областническим?» Этническим? Национальным? Чего не хватает нам в приведенных выше положениях, чтобы согласиться с автором? Что нам мешает сделать это? Наверное, только уверенность в том, что перед нами областная группа «собственно испанцев», да еще отсутствие в данном случае какого-то особого андалусийского языка. Но, во-первых, мы уже упоминали о попытках узаконить особенности

местной фонетики и других специфических черт андалусийского диалекта; во-вторых, вспомним опять же латиноамериканские этносы: их язык — тоже кастильский в своей основе, и костяк при их становлении тоже во многих случаях составляли потомки выходцев из кастильскоязычных областей Испании, а прочие элементы были достаточно разнородны.

Любопытно, как подавалась в печати автономистская кампания, развернувшаяся в стране с середины 70-х годов, и место в ней Андалусии. Один из читателей написал в редакцию «Камбио 16»: после многих лет чтения периодики у него сформировалось стойкое ощущение, что в Испании только четыре «сообщества, региона или национальности»: Страна басков, Каталония, Андалусия и Мадрид; в сравнении с ними остальным уделяется значительно меньше внимания¹¹⁷.

Концепции, сходные с только что изложенной в связи с Андалусией, существуют и в других кастильскоязычных регионах страны, хотя степень их влияния на население различна. Так, астурийские этнографы видят смысл своей работы, помимо прочего, в том, чтобы собирать, изучать и передавать новым поколениям остатки традиционного астурийского культурного достояния. Ведь «возвратить астурийскому народу его фольклор — считают они, — значит оживить его традиционный дух, находящийся в упадке и готовый исчезнуть»¹¹⁸. На Канарских островах местные политические силы центристской ориентации «признали, что особенности архипелага, его географическое положение фактически превратили его в национальность (так! — А. К.) с вытекающими отсюда политическими и административными последствиями»¹¹⁹.

Есть региональные группы в ареале кастильского языка, которые как будто не настаивают на том, что принадлежат к особым «национальностям». К примеру, об эстремадурцах каталонские исследователи пишут, что те до недавнего времени не проявляли яркого локального самосознания, а теперь, когда ситуация изменилась, оно носит политико-экономический характер в большей степени, чем какой-либо другой. Однако саму тенденцию к местной обособленности отрицать не приходится независимо от того, принимает ли она «этнические» формы или игнорирует их. Важно другое. Регионализм всех кастильскоязычных исторических областей, в какой бы форме он ни проявлялся, противопоставляет каждый данный регион всему остальному общегосударственному комплексу, всем остальным регионам, вместе взятым. Отсутствует та инстанция, то промежуточное звено, в существовании которого мы до сих пор не сомневались: кастильскоязычное единство, сознающая себя как целое, как нацию — совокупность «собственно испанцев». Похоже, что такой общности нет ни в самосознании, ни в самоназвании, ни в каких бы то ни было иных формах и проявлениях; ни с точки зрения самих предполагаемых ее членов, ни в глазах их соседей.

С тем обстоятельством, что кастильскоязычное население разных

регионов вовсе не воспринимается в общиспанском контексте как единое целое, приходится сталкиваться едва ли не всякому, кто имеет дело с Испанией. Американские поставщики легковых автомобилей на местный рынок неожиданно для себя обнаруживают, например, что далеко не всякая буква годится для номера предлагаемой ими машины, изображенной на рекламном плакате. Несобдуманный выбор неизбежно создаст трудности в реализации: буква «М» отвратит каталонцев, так как ассоциируется с Мадридом, буква «В» вызовет негативные чувства у жителей центральной Испании, так как связана в их сознании с каталонской Барселоной (Barcelona), и т. д. Перед нами как будто очевидное проявление межэтнических противоречий. Но после специального экспресс-исследования в рекламе появилась буква «Z», поскольку выяснилось, что обозначение столицы Арагона Сарагосы (Zaragoza) не помешает успешной торговле, при том, что Сарагоса является одним из крупнейших городов кастильскоязычного ареала¹²⁰.

Завершая этот «региональный обзор» в пределах кастильскоязычного ареала, нельзя не задержаться на самой Кастилии, жители которой, воспринимавшиеся всегда как олицетворение Испанского государства, и должны были быть ядром «собственно испанской» общности (если бы она существовала), которая обязана им хотя бы своим языком и его названием. Однако информация в центральной печати из этого региона в бурные для Испании 70-е годы по сути дела мало чем отличалась от репортажей с традиционно мятежных окраин. Так, мы узнаем, что весной 1976 г. в местечке Вильялар, провинция Вальдолид (Старая Кастилия), собрались несколько сот местных жителей и приезжих из разных концов области для создания общественной организации по изучению ее проблем, так называемого Регионального кастильско-леонского института. Власти запретили собрание, а когда оно все же состоялось, — рассеяли участников с помощью конной полиции. Манифестанты, сопротивляясь, распевали хором региональные песни¹²¹.

Как мы уже знаем, движение успешно завершилось представлением кастильским и леонским провинциям, по их совместной договоренности, общего автономного статуса. Однако после этого началась изнурительная борьба против «вальядолидского централизма» (кастильский город Вальядолид стал столицей новой автономии) части леонского населения, возглавленной алькальдом города Леона, за выход и самостоятельный статут. Мы не будем касаться перипетий этого движения, хотя они довольно интересны и включают походы на Вальядолид, срывание «сепаратистами» флагов сообщества во время торжественных церемоний и множество других скандальных акций. Обратим внимание читателей только на обоснование самобытности населения Леона, дающей ему право, по мнению идеологов «леонизма», на собственный автономный режим. Так вот здесь прежде всего упоминается фольклор, затем — особенности языка, своеобразные обычаи, потом — специфика экономики и т. д.¹²²

На основании всего сказанного мы можем, как нам кажется, констатировать отсутствие в природе последнего, четвертого «народа-этнуса», «собственно испанской» нации. Почему о ней вообще могла зайти речь? Видимо, только потому, что мы в силу особенностей нашего научного подхода, а возможно, и шире, нашего мышления в целом, обусловленных спецификой нашего исторического опыта, отождествляем языковой ареал с этническим, с народом, в данном случае даже с нацией и тем самым невольно приписываем ему те черты и свойства, которые характерны для более или менее сплоченного, осознающего себя, противопоставляющего себя другим народа. А на поверку оказывается, что эти свойства в данном случае здесь не обнаруживаются.

Так неужели мы просто отвергнем постулат о существовании «собственно испанцев» как химеру, лишь затрудняющую понимание реального положения дел? В прежней трактовке, подразумевающей «господствующую нацию», доминирующий этнос и т. д., очевидно, да. Но ведь существуют черты общности, которые мы вряд ли имеем право сбрасывать со счетов. Это единый язык, хотя единство его, как мы видим теперь, довольно относительно, это и близость происхождения, ведь в ходе реконкисты южные области заселялись с севера. И потом, даже не зная испанской конкретики, а только умозрительно рассуждая, логично прийти к мысли, что полный переход с одного языка на другой (предположим, с баскского языка на кастильский, что происходило в достаточно широких масштабах даже в нашем столетии) должен повлечь за собой, пусть не сразу, а постепенно, ослабление, а затем и утрату каких-то прежних связей, прежней устной народной культуры, наконец — особого оттенка во взгляде на мир, тесно связанного с самой структурой языка. И, напротив, новый язык в таком случае принесет с собой какой-то иной оттенок; со временем на смену утраченному придет что-то иное, установятся новые связи, и опыт того лингвистического мира, который оказывается теперь своим, надо полагать, будет восприниматься и усваиваться иначе, чем до этого.

Иначе говоря, правы те исследователи, которые считают, что лингвистический (в данном случае кастильскоязычный) ареал — это не механическое объединение частей по одному признаку, а определенная коммуникативная сеть, может быть, даже система, в которой действуют свойственные только ей закономерности, процессы, тенденции. Другое дело, что здесь встает вопрос о степени влияния этих тенденций на самосознание, на группирование людей в те общности, принадлежность к которым соответствует делению на «своих» и «чужих». Все, что было сказано до сих пор в данной работе, как раз и подтверждает тот факт, что сама по себе языковая принадлежность доминирующей роли не играет: и принцип, по которому группируются общности-народы и формируется осознание принадлежности к какому-то одному из них, строится на иных критериях.

Данное исследование, как и всякое другое, не может не включать в качестве необходимого этапа рассмотрения состояния интересующего нас вопроса как в отечественной науке, так и в зарубежной, прежде всего, конечно, в испанской. В какой-то степени мы коснулись существующих точек зрения, упомянув о «четырёхэтносовом» подходе советских ученых, а также о взглядах ряда испанских авторов, высказывавшихся по конкретным ситуациям в отдельных частях своей страны. Сейчас, когда пришло время для того, чтобы попытаться наметить общую картину этнической ситуации в Испании — как она представляется в свете изложенного в предыдущих частях работы, — естественно обратиться к трудам, в которых речь идет о населении Испании в целом, тем более что некоторые из них вышли из-под пера корифеев испанской этнологии. То, что такого рода обзор не предваряет собственно поисковую часть, как это обычно бывает, объясняется не только оговоренным в самом начале методическим приемом, но и потребностью создать условия для соотнесения в каждом случае авторской концепции с проблематикой, выявившейся в ходе исследования. Кроме того, — это необходимо для использования самих концепций в качестве источника для характеристики определенным образом ориентированного сознания, отражающего, в свою очередь, — прямо или косвенно — реалии конкретного общества. Иначе говоря, историографическая часть является для нас в не меньшей мере и фактической.

Начать ее целесообразно, по-видимому, с работ соотечественников. Ни в коей мере не претендуя на всесторонний анализ позиции советской науки в интересующем нас вопросе (тем более что единообразной точки зрения, собственно, нет) или истории самого вопроса, считаем нужным отметить некоторые характерные, на наш взгляд, особенности его понимания и подхода к его изучению. Поскольку всякому, кто намерен разобраться в национальных проблемах Испании, неизбежно и практически с самого начала приходится сталкиваться с феноменом регионализма, то трудно предположить, что этот феномен, при его огромной значимости для общественно-политической жизни страны, мог остаться незамеченным советскими учеными — историками и этнографами. И действительно, названия различных областей Испании постоянно присутствуют как в исторических исследованиях, так и в этнографических описаниях. При этом они, как правило, до недавнего времени были достаточно определенно «разведены» с явлениями «этнического ряда», по сути дела, никак, или почти никак, не вписывались в представления об этнической ситуации в стране. С постулатом о том, что Испания — государство четырех известных нам народов — этносов-наций, три из которых — угнетенные национальные меньшинства, мы встречаемся с некоторыми вариациями, постоянно — в 40-е, так же как и в 80-е годы — в справочниках и учебниках, работах по национальному вопросу и этнографических исследованиях, статьях филологов и литературоведов. Причем в подавляющем

большинстве случаев прямо отождествляются языковая и национальная (этническая) принадлежность, а те или иные области страны упоминаются лишь для того, чтобы обозначить территории расселения трактуемых таким образом народов-этносов.

Создается, однако, впечатление, что региональный фактор как-то «мешает» некоторым отечественным исследователям национального вопроса в Испании, беспокоит и даже, может быть, раздражает их, понуждая высказаться на этот счет. Во всяком случае, еще в начале 30-х годов И. П. Трайнин, комментируя прозвучавшее в испанском парламенте предложение заменить провинции историческими областями, отметил, «живучесть „регионалистских“ стремлений, имеющих глубокие корни в прошлом. Областничество и „местничество“, питавшиеся гнетом феодальной монархии, и сейчас еще... поддерживаются сохранением пережитков феодализма и пренебрежительным отношением центральной власти к нуждам отдельных районов и городов»¹²³.

Наиболее же последовательная и обоснованная, с точки зрения концепции «доминирующей нации» и «подавляемых национальных меньшинств», попытка разобраться в соотношении национального и регионального аспектов жизни испанского общества принадлежит историку Л. В. Пономаревой и относится к концу 50-х годов. Автор справедливо указывает, что «подразделение на районы (т. е. регионы или исторические области.— А. К.) прочно укоренилось среди испанского населения, применяется в литературе и признается даже в испанских официальных документах, в частности в официальной статистике», но при этом считает, что «Каталония, Баскония (включая Наварру) и Галисия, естественно выделяются среди этих районов по национальному признаку. Население же всех остальных районов принадлежит к собственно испанской нации»¹²⁴. Самое интересное для нас здесь то, что это утверждение никак не обосновывается, поскольку, судя по всему, представляется именно «естественным», не требующим особого доказательства, своего рода общим местом. Но все дело в том, что априорный постулат становится отправной точкой для определенной трактовки национальной ситуации в Испании. Исходя из него, автор считает возможным резко разделить движения за автономию в ареалах кастильского языка, с одной стороны, и «национальных меньшинств» — с другой, признавая внешнее сходство, даже тождество этих движений, но полностью отказывая им в близости по сути. «Важнейшей особенностью национального вопроса в Испании является то, что национально-освободительная борьба угнетенных наций длительное время развивалась под единым знаменем с движением совершенно иного внутреннего содержания»¹²⁵. Мало того, принципиальное различие национальных и региональных движений в Испании, оказывается, «...продолжало оставаться неосознанным для современников...», так что даже «сами руководители национально-освободительной борьбы в Каталонии, Басконии и Галисии, как правило, не имели ясного представления о национальном характере своего движения»¹²⁶. Во-

обще региональные движения всегда вносили «большую путаницу в теорию национального вопроса в Испании», ибо их отождествление с национальными приводило тамошних реакционеров к полному отрицанию самого существования в стране национальных проблем, а сторонников противоположной точки зрения — напротив, к преувеличению количества наций в Испании за счет региональных общностей¹²⁷.

Сам же автор считает, что совершенно идентичная внешне, — как для участников, так и для наблюдателей — борьба составлявших Испанию областей против центра за свои исторические права (фуэрос), борьба, затянувшаяся на несколько столетий, означала для одних из этих областей форму, в которой развивалось национально-освободительное движение, для других — «движения феодальной знати, носившие на себе явные черты феодальной реакции»¹²⁸. А раз так, то форсированные централизация и унификация, проводившиеся мадридским правительством, в регионах кастильского языка выступали как «прогрессивные... в своей основе», тогда как в регионах «национальных меньшинств» они обнаруживали «прямо противоположный характер», выливались в подавление национального суверенитета и политику «насильственной испанизации»¹²⁹. При этом автор отмечал, что каждый из регионов в пределах обитания «испанской нации» отличается от других не только по природным условиям, но и по степени и путям экономического развития, по ряду особенностей в культуре и языке его населения»¹³⁰.

Совершенно логичным в этой связи выглядит и прогноз на будущее: движению национальных меньшинств суждено усиливаться, партикуляризму кастильскоязычных областей, напротив, слабеть. Само сохранение последнего, поддержка со стороны местной промышленной буржуазии говорят, по мысли автора, лишь о слабости капиталистического развития страны¹³¹. Рост экономических связей, уничтожая замкнутость испанских регионов, тем самым все более подрывает материальную основу регионализма и приводит в конечном счете к его угасанию, тогда как движения «национальных окраин» под действием тех же социально-экономических причин только укрепляются.

Мы сочли необходимым особо остановиться на этой теперь уже давней работе, поскольку она, на наш взгляд, сохраняет актуальность и до сих пор, очень хорошо показывая нам возможности постулата о четырех народах-этнусах в осмыслении испанской действительности. Добросовестный исследователь использовал его как аксиому в качестве первого звена своей почти безупречной логической цепи. Тем самым не только было задано направление поиска, но и предопределены выводы, о правомерности которых судить читателю.

Представляется очевидным, что вышеуказанная «аксиома» о народах-этнусах довлеет над всеми отечественными учеными, как этнографами, так и историками — исследователями национального вопроса в Испании. Но обходятся они с ней по-разному. Одни следуют ей довольно жестко, просто игнорируя региональный фактор

в изучении проблематики, связанной с национальными движениями. В итоге остаются без внимания вопросы, лежащие буквально на поверхности и требующие ответа. Почему описываемые национальные движения ограничены в каждом случае рамками лишь одного региона, а не развернулись по всей территории, заселенной данным этносом? Почему так слабы силы интеграции регионов внутри этнических территорий? Почему отсутствуют единое этническое самосознание и даже самоназвание? Почему не угасает автономистское движение в ареале «доминирующего этноса»? и т. д.

Другие исследователи поступают более осторожно и, констатируя существование национальных проблем в Испании, не спешат «расписать» все ее население по четырем нациям. Характерно указание Н. В. Пчелиной на то, что «каталонцы населяют историческую область Каталонию»¹³² и ряд мест вне Испании (во Франции, Италии, Андорре). Что же до Валенсии и Балеар, то их она обозначает как «территории», на которые «распространяется каталанский язык», а известного в истории культуры уроженца Валенсии А. Марча называет «валенси́йцем, писавшим на каталанском языке»¹³³. Сходным образом поступают и некоторые другие авторы¹³⁴. Ученый-испанец С. П. Пожарская, рассматривая особенности складывания общества и государства в Испании, говорит о «национальных и региональных» движениях в стране, но при этом не пытается выявить принципиальное различие указанных понятий, или хотя бы конкретизировать их, а, напротив, фактически указывает на их общую природу. С давних времен, отмечает наш автор, жители разных регионов Испании при выходе за пределы полуострова ощущали себя единым целым — испанцами; зато в конфронтации с центром упор делался на региональную принадлежность. Относительно же национальных движений нельзя сказать, представляют ли они собой «компонент прошлого или олицетворение настоящего и будущего»¹³⁵.

Интересно, что и при такой «осторожной» трактовке, в общеиспанском комплексе как бы подразумевается особый статус каталонцев, басков и галисийцев, всегда существовавших как самостоятельные этнические общности, а следовательно, всегда осознававших и отстаивавших свою этническую самобытность. Только поэтому оказываются возможными утверждения о том, что традиции политического самоуправления «таких этнических меньшинств, как каталонцы и баски», существовали чуть ли не со средневековья, или о том, что в начале XIII в. «каталонцы имели несчастье оказаться на стороне побежденных», после чего каталанские язык и культура подверглись гонениям¹³⁶. Но ведь политические свободы имели не баски и каталонцы, а те территориально-политические образования, в пределах которых они жили, и язык входил в число тех отнятых или попираемых прав и вольностей, которые исторически принадлежали именно жителям в прошлом самостоятельных областей, а вовсе не лицам определенной этнической принадлежности.

Ведь автор цитируемой работы со свойственными ему добросовестностью и объективностью замечает, что политические потрясения в стране в начале XIX в., «казалось, могли бы обострить этнические противоречия», но «национальный вопрос не вызвал явных трений между Барселоной и Мадридом». Зато возник конфликт из-за попыток центра «унифицировать каталонское законодательство с общиспанским», против чего поднялась вся общественность региона¹³⁷. Нужно сказать, что в таком подходе уже не ощущается стремление видеть в региональных требованиях какие-то «неосознанные формы» борьбы за национальную эмансипацию. Напротив, наш автор специально оговаривается, например, что карлистские войны прошлого века не представляли собой национальных баскско-испанских конфликтов¹³⁸, что вполне можно было бы утверждать, учитывая состав сражающихся сторон, приверженность одной из них лозунгу «защиты фуэрос» и, конечно, исходя из концепции народов-этносов.

В работах последних лет, посвященных национально-региональной проблематике Испании, как нам представляется, имеет место отход от прежней тенденции жесткого разграничения национального и регионального аспектов жизни населения страны. Это очень симптоматично, если учесть многократно возросший поток информации с Пиренейского полуострова. Видимо, многочисленные новые данные не слишком хорошо укладываются в прокрустово ложе привычных схем. Однако далеко не все из них поддаются корректировке в рамках испанистики. Есть и такие, которые имеют едва ли не мировоззренческий характер. Постулат о четырех народах-этносах-нациях Испании, опирающийся на представление о пространственно-временной универсальности этнического подразделения человечества,— одна из таких схем-аксиом, и наше исследование, среди прочего, демонстрирует ее роль как помехи при изучении действительности.

Отечественные работы, которых мы коснулись только что, принадлежат перу испанистов-историков. Очевидно, особо следует сказать об этнографии. Советские этнографы в полной мере восприняли «жесткую» тенденцию в исторических исследованиях, до последнего времени используя как само собой разумеющийся постулат о четырех нациях и не сомневаясь в прямом совпадении этнических границ с языковыми. Правда, если раньше «областнический фактор» не учитывался сколько-нибудь серьезно в изучении этнической жизни Испании, то теперь ему стали уделять все больше места. В этнодемографическом справочнике, выдержавшем два издания в 80-е годы, указывается, что «многие из этих (исторических.— А. К.) областей обособились и в этнокультурном отношении»¹³⁹. В соответствии со сказанным упомянуты кастильцы, андалузцы и арагонцы, как «наиболее известные этнографические группы» в составе «испанцев»¹⁴⁰, что подразумевает специфику, не осознаваемую самими носителями и выявляемую лишь исследователями. Группы по аналогичному принципу в рамках трех других «этносов» здесь почему-то не выделяются.

Более последовательно поступает Т. Б. Коваль, которая прямо рассматривает регионализм как системный элемент этнической ситуации в Испании¹⁴¹. По предложенной ею схеме, каждый из четырех основных этносов страны делится — в соответствии с понятиями, выработанными в рамках «теории этноса» — на общности более низкого ранга («субэтноты») как раз границами исторических областей, т. е. уже известные нам валенсийцы, кастильцы и т. д. представлены как субэтнические подразделения все тех же «испанцев» и «каталонцев». Вполне логичный с точки зрения «теории этноса» этот подход, на наш взгляд, по-прежнему мало что объясняет в событиях прошлого и настоящего и столь же мало согласуется с тем, что нам известно о самосознании обитателей Испании.

Таким образом, мы видим, что как прежде, так и теперь советские авторы, стремящиеся воссоздать этническую ситуацию в Испании во всей полноте, как бы упираются в конечном счете в две категории понятий — собственно этнических и региональных и предпринимают попытку каким-то образом согласовать их между собой.

Если же мы захотим выяснить, как оценивают испанские ученые-обществоведы этническую ситуацию в собственной стране, то обнаружим, что сделать это довольно затруднительно, и не столько из-за отсутствия в их среде единой точки зрения на интересующий нас предмет, сколько из-за большой трудоемкости отыскания в их исследованиях, самого, так сказать, предмета. Конечно, каждый из них имеет свое представление о том, кто населяет Испанию, но и сами эти представления и критерии, из которых исходят наши коллеги, в большинстве своем мало согласуются с принятыми у нас.

Сразу оговоримся, что в данном случае еще менее, чем раньше, когда речь шла о советских исследованиях, мы претендуем на широту охвата и глубину анализа испанских работ по занимающей нас теме. Однако хотелось бы, хотя бы в общих чертах, выделить основную тенденцию в их подходе.

Нужно сказать, что многократно упомянутая выше четырехчленная концепция при всей ее четкости и, казалось бы, очевидности в трудах испанских коллег практически не встречается (по крайней мере в привычном для нас виде). Так, К. Лисон Толосана в одной из своих обобщающих работ приводит перечень групп населения Испании, традиционно выделяемых, по его словам, в этнографических трудах на основе обладания ими определенной степенью «культурной однородности»: галисийцы, кантабрийцы (астурийцы и сантандерцы), баско-наваррцы, леоно-кастильцы (Старая Кастилия), экстремадура-кастильцы (Новая Кастилия), арагонцы, каталонцы (с Балеарскими островами), левантинцы (Валенсия и Мурсия), андалусийцы¹⁴².

Действительно, если мы возьмем, например, капитальный двухтомник классика испанской этнографии Х. Каро Барохи «Народы Испании», то тщетно будем искать там хорошо известный нам перечень, начинающийся с «собственно испанцев». Население страны

рассматривается у него по таким подразделениям: Сантандер, Астурия и Леон; Галисия; Баскские провинции и Наварра; Старая Кастилия и кастилизированная часть Лео́на; Новая Кастилия и Эстремадура; Андалусия; Валенсия, Мурсия, Балсары и Арагон; Каталония¹⁴³.

Именно в этих рамках и проводится в названной книге исследование прошлого, различных форм народной культуры и т. д. С другой стороны, понятно, почему, говоря о многообразии обитателей Испании, наш автор перечисляет в одном ряду андалусийцев и астурийцев, галисийцев и каталонцев, басков и валенсийцев¹⁴⁴. Очевидно, что для него, как, собственно, и для других его соотечественников-исследователей, на первом плане находятся все те же известные нам регионы, которые могут быть сгруппированы так или иначе, их специфика может восприниматься как выраженная более или менее ярко, но во всех этих построениях этносы (в нашем понимании) не только не используются, но даже не упоминаются.

Можно предположить, правда, что в приведенных нами и им подобных случаях ученые ставят перед собой какие-то другие задачи, нежели выявление этнической структуры населения страны. Но упоминавшийся нами Каро Бароха в другой давней своей книге, заглавие которой также содержит многообещающее слово «народы», задается как будто именно интересующим нас вопросом: «принадлежим ли мы («испанские граждане») к одному или к разным обществам? И если к разным, то какое из них оказывает наибольшее влияние на нашу индивидуальную жизнь?»¹⁴⁵ Стремясь выяснить это, автор обращается к известному положению об иерархии общностей, в которые входит каждый конкретный индивид. Но интересны выделенные им уровни: нация (под которой Каро понимает общеиспанскую общность, или, пользуясь его собственным словопотреблением, не отличающим его, впрочем, от других испанских авторов, — «Испанию»), регион, провинция, комарка, селение¹⁴⁶.

Один из этих уровней отождествления в зависимости от различных социальных обстоятельств оказывается как бы основным. Именно на нем и устанавливается связь с другими индивидами по «критерию подобия»¹⁴⁷ (сходства, однородности). На нем же происходит не менее важное отделение от других общностей, всегда четко выраженное. Этот «социоцентризм», по терминологии автора, в разных вариантах (в зависимости от уровня отождествления) ярко проявился в народной традиции в прежние времена и продолжает существовать и сейчас. Каро приводит множество примеров противопоставления «своих» (жителей регионов, городов, селений, даже кварталов), естественно, со знаком плюс, — «чужим» на аналогичном уровне, разумеется — с обратным знаком. И дело не ограничивалось «фольклором», т. е. насмешливыми или оскорбительными поговорками, куплетами и т. д., но постоянно и повсеместно доходило до соперничества и даже вражды. «С общей точки зрения, сосед — худший враг»¹⁴⁸.

Нельзя не обратить внимание на то, что в приведенном выше ряду отождествлений отсутствует этническое, и ни слова не говорится о существовании, помимо прочих, еще и противоречий или хотя бы взаимоотношений между этносами в нашем понимании. Представляется, что их отсутствие в нарисованной автором картине возможно только в двух случаях: если он по каким-то причинам не хочет замечать очевидного или если самого явления «нет в наличии». Предполагать первый вариант объяснения у нас нет никаких оснований.

Нужно отметить, кстати, что в разговорах с испанскими коллегами во время командировки в 1989 г. пришлось неоднократно высказывать не только сходные в принципе мнения, но и прямые ссылки на цитированные работы Х. Каро Барохи как объясняющие ситуацию в стране наилучшим образом.

Не следует думать, что понятие «этнического» чуждо испанским исследователям. Напротив, они широко пользуются им. В наиболее известных работах, в том числе и последнего времени, можно найти указание, что «этно» (*etnia*) — одна из основных категорий в этнологии. Она понимается как «локализованная культурная общность», осознающая свою особую сущность и свое отличие от других общностей того же ряда¹⁴⁹. В каждой стране, где существуют этнические отличия (*deferencias étnicas*), каждая этническая группа обычно обозначает себя определенным названием. В Испании, например, себя определяют как этнии баски, каталонцы, кастильцы, андалусийцы, галисийцы, астурийцы, мурсийцы, валенсийцы, канарцы и др.»¹⁵⁰ Каждая из них отличается определенными чертами специфики, в том числе лингвистической; если же речь идет об одном и том же языке, например кастильском, то своеобразие «этнических общностей» выражается в каждом случае в особом способе говорить на нем, — отмечает один из виднейших испанских этнологов К. Эстева Фабрегат¹⁵¹.

Еще более определенно он высказывается в другой своей работе, где прямо пишет, что «в Испании концепция „исторического региона“ эквивалентна этническому подразделению»¹⁵². Значимость для испанца принадлежности к определенной исторической области настолько велика, считает он, что на вопрос без каких-либо уточнений, обращенный к анкетируемому: «Кто вы?», — как правило следует ответ, отражающий происхождение из того или иного региона (андалусиец, галисиец, валенсиец и т. д.), а не профессиональную, партийную или какую-либо иную принадлежность¹⁵³.

Пожалуй, именно у Эстева мы обнаруживаем видение ситуации, отдаленно сходное с распространенным в нашей науке: в том месте его уже упоминавшейся книги, где речь идет о глубинных «базовых» традициях, прослеживаемых в Европе от доримских племенных образований, через все последующие эпохи и до настоящего времени. Такая их живучесть в виде сходных культурных форм на определенной территории облегчает сближение между различными группами населения в пределах этой территории, что может стать

основой для последующего становления новой национальной общности. В Испании такие особые традиции он видит в Каталонских землях; Кастилиях и «группах, находящихся под их влиянием» (Астурия, Мурсия, Эстремадура, Арагон); Стране басков; Андалусии; Галисии¹⁵⁴. Но очень показательно здесь даже не отсутствие полного совпадения с «четырёхчленной системой» (Кастилии и Андалусия относятся к разным и к тому же явно самостоятельным традициям), а то, что автор говорит не о реальной близости, тем более осознанной, а лишь о предпосылках сближения, возможного когда-нибудь при благоприятных условиях.

Другие испанские ученые, однако, серьезно сомневаются в культурной однородности регионов. Лисон Толосана, к примеру, говоря о хорошо изученных им галисийцах, утверждает, что практически любой элемент их культуры (включая и традиционную социальную организацию) можно найти во многих других местах на полуострове¹⁵⁵. А обратившись к Астурии, он выявляет огромные различия между отдельными ее частями по природным условиям, а между отдельными группами ее населения — по языку, образу жизни, складу мышления и т. д.¹⁵⁶

Испанские авторы упорно отказываются признавать прямое совпадение языковых и «национальных» различий. Один из них, комментируя текст последней конституции, указывает на существующую в сфере политической мысли точку зрения, согласно которой в Испании имеются лишь три «исторических национальности» (все те же Страна басков, Каталония и Галисия), поскольку они обладают собственными языками, отличными от общегосударственного. «Ясно, что проблема не может состоять в этом, так как то обстоятельство, имеет ли какая-то культура собственный язык или нет, достаточно случайно с точки зрения ощущения себя национальностью»¹⁵⁷. Более того, в случае признания тесной связи «национальности» с особым языком придется, по мнению нашего автора, признать качество «национальности» и за другими автономными сообществами, которые имеют языки, отличные от кастильяно¹⁵⁸. И в этом случае перед нами опять же взгляд на лингвистическую ситуацию в стране через «региональные очки». Это справедливо и для упомянутой только что точки зрения о трех «исторических национальностях», которые и не думают включать в свой состав одноязычных с ними обитателей соседних регионов, и для ее критика, который поступает точно так же.

Остановимся, наконец, на еще одной работе, также обобщающего характера, в которой трактуются как раз «национальный» состав населения Испании, проблемы его соотношения с языковой принадлежностью и т. д. Этот труд вышел в свое время в Мексике, вне пределов досягаемости франкистской цензуры. Тем не менее, как отмечает в предисловии всемирно известный археолог и этнолог Боск-Жимпера, в нем Испания понимается как сообщество народов, как «наднациональность», сплотившая прочие «национальности»¹⁵⁹.

По словам автора, «вы легко обнаруживаете, что кастилец, баск, галисиец, андалусиец или каталонец ощущают себя испанцами»¹⁶⁰. Особенность его подхода в том, что он не придает в отличие от прочих термину «национальность» политического значения, тем самым как будто сближая его с принятым у нас, тем более что, как он заявляет, он исходит из сведений о преемственности от древних народов Испании, из географических и экономических критериев, прослеживает историческое развитие своеобразия каждой общности¹⁶¹. Какие же «национальности» существуют на Пиренейском полуострове? Нам предлагают такой «расклад»:

Первая группа — «национальности»

Кастилии, Страны басков, Наварры и Арагона.

Вторая — «—

Астурии, Леона, Галисии и Португалии.

Третья — «—

Каталонии.

Четвертая — «—

Андалусии.

Пятая — «—

Эстремадуры, Ламанчи, Мурсии.

Шестая — «—

Валенсии и Балеарских островов.

Седьмая — «—

Канарских островов¹⁶².

Автор решительно отказывается от языкового критерия, равно как и расового. Мысль о том, что баскам, не говорящим на эускере и составляющим большинство в своем регионе, может быть отказано в принадлежности к «национальности» Страны басков, представляется ему абсурдной¹⁶³.

Примеров подобного рода для характеристики взглядов испанских авторов можно было бы привести сколько угодно, но, учитывая ограниченность нашей задачи, достаточно и того, что уже сказано. Небезынтересен в этой связи и взгляд со стороны, в данном случае французского автора, хотя и не этнолога, но человека, достаточно компетентного в испанской проблематике: «У испанцев — две родины: большая (Испания) и малая (его земля); эта последняя и принимается в расчет в конечном счете... Они сверхчувствительны во всем, что касается малого сообщества, и не придают никакого значения проблемам или нуждам других групп, которые составляют остальную часть страны»¹⁶⁴. По его мнению, испанцев можно назвать шовинистами, как и французов, поскольку они все свое предпочитают чужому, однако, если для французов свое — значит французское, относящееся к Франции, то для испанцев свое — это региональное, местное, даже квартальное. И здесь же наш автор предостерегает от искушения переоценивать общность языка: «Но не спутайте каталонца с мальоркинцем, иначе сойдете за неграмотного»; ведь даже в пределах региона нужно различать выходцев из разных провинций. Те же мальоркинцы «...настаивают со страстью на своей самобытности» и на праве отличаться от каталонцев, а кроме того, в пределах Балеар существуют большие отличия

между жителями разных островов и обостренное ощущение дистанции между ними¹⁶⁵.

Собственно, ситуация на Балеарах нам уже известна, и слова французского испаниста приведены нами лишь потому, что они иллюстрируют его взгляд на ситуацию в целом.

Все упомянутые точки зрения зарубежных исследователей вполне согласуются с конкретными данными, приведенными выше, и вместе с ними не только не подтверждают бытования и взаимодействия в стране четырех народов-этносов, выделенных по лингвистическому признаку («собственно испанцев», каталонцев, басков и галисийцев), но и наглядно демонстрируют исторически относительно малую значимость этнического фактора в общественных отношениях в среде населения Испании, что не дает, как нам кажется, возможности представить последнее как совокупность этносов. Вместе с тем мы можем говорить о народах, принадлежность к которым определяет самосознание индивидов и соответствует дихотомии, «свой — чужой» («свой» — все, кто принадлежит к данному народу, остальные — «чужие»). Однако в решении вопроса об этой принадлежности те признаки, которые мы назвали бы этническими, оказываются повсеместно не самыми существенными и подчиняются другим, доминирующим, которые сводятся к связи с данной областью, регионом или его частью. Это не означает, что языково-культурный облик вовсе неважен; отнюдь, он повсеместно культивируется, но в пределах тех же региональных или субрегиональных общностей, как доказательство их самобытности и права на автономию или ее расширение. Напротив, сама по себе языковая и «этнографическая» близость и даже идентичность еще не означает общности в глазах подавляющего большинства населения.

Какой же вывод следует сделать относительно общностей, составляющих в совокупности население страны? Ведь если быть последовательным, то придется, очевидно, признать, что перед нами народы, которые не являются этносами. Народы-не этносы, возможно ли такое?

Можно не сомневаться, что нашей собственной этноисторической действительности такая модель противоречит. Но, может быть, представление об универсальности народов-этносов как раз и зиждется на хорошо изученном опыте лишь части ойкумены, хотя и весьма значительной, охватывающей огромную территорию с многочисленным населением, к тому же в рамках определенного периода, а не на всем протяжении ее истории? И Испания, а возможно, и некоторые другие регионы Западной Европы как раз и представляют нам иную форму бытования этнического начала. Вместе с тем мы уже можем сейчас сослаться на определенные положения, выдвинутые в сфере разработки теории этноса, в соответствии с которыми этнический фактор на разных этапах развития общества играет различную роль. Периоды активизации этничности чередуются с этапами этнической стагнации, приводящей при определенных обстоятельствах к почти полной безэтничности населения того или иного региона.

Такой тезис, разумеется, расходится с известным постулатом о том, что человечество являет собой совокупность этносов (точнее, этникосов), и, следовательно, каждый человек всегда и всюду является представителем определенного этноса, — но зато этот тезис не противоречит, пожалуй, мало кем оспариваемой сейчас точке зрения об этническом самосознании как наиболее существенном признаке этноса и даже, более того, по сути дела представляет собой не что иное, как результат ее логического развития.

Теоретическое предположение о возможности существования народов-неэтносов, как нам кажется, находит свое подтверждение на территории Испании, о чем свидетельствует приведенный в нашей работе материал. По-видимому, речь идет в испанском случае об одной из глубинных традиций, существенных закономерностей в развитии местного общества, о той своеобразной исторической инерции, которая то и дело проявляется, порой в весьма неожиданных, а то и причудливых формах много времени спустя после исчезновения породившей ее когда-то силы, и находится при этом в сложном взаимодействии с новыми условиями общественного бытия. К. Маркс и Ф. Энгельс, изучавшие испанскую историю, внимательно следившие за развитием современных им событий в этой стране, усматривали, насколько можно судить, одну из таких существенных закономерностей, неизбежно обнаруживающую себя на протяжении последовательного ряда сменяющих одна другую исторических эпох, в центробежной тенденции. Хотя «абсолютная монархия в самом чистом виде», по словам Маркса, возникла в Испании даже «раньше, чем где-либо в другом феодальном государстве», «местная жизнь» здесь оказалась настолько неодолима, что даже в XIX в. можно было говорить об отсутствии единообразия в развитии общества, мало того, о «независимости» отдельных провинций и коммун, составляющих страну, о том, что централизация так и не смогла здесь укорениться, и потому испанская абсолютная монархия лишь внешне была схожа с другими европейскими, а на деле страна являла собой, по его знаменитому определению, «скопление дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе»¹⁶⁶.

Так, в период наполеоновского нашествия вдруг обнаружилось, что «если испанское государство мертво, то испанское общество полно жизни», и повсеместно возникли независимые провинциальные правительства, организовывавшие собственные армии, объявлявшие войну французским интервентам, ведшие самостоятельные переговоры с союзной Англией и т. д.

Размышляя о причинах такого положения дел, Маркс относит их на счет своеобразия конкретного исторического пути, пройденного Испанией, и в первую очередь — особенностей почти восьмисотлетней борьбы с арабами, по окончании которой полуостров оказался, по его мнению, совершенно отличным от тогдашней Европы¹⁶⁷. Важную черту испанской специфики отмечает советский испанист С. П. Пожарская, которая указывает, что на протяжении веков

широкие массы населения Испании были воспитаны на началах политической самостоятельности и гражданского самосознания. Эта-тизму здесь изначально противостояло гражданское общество, при-чем наиболее упорное «демократические противодействие» автори-таризму центра оказывали трудящиеся — горожане и крестьяне¹⁶⁸. С этой точки зрения необычные в общеевропейском контексте последствия правления на испанской земле абсолютных монархов (даже после столетий владычества абсолютистских династий Габс-бургов, а затем Бурбонов «муниципальные вольности Испании до известной степени сохранились»¹⁶⁹) объясняется скорее всего не историческими случайностями или недостаточным упорством коро-нованных особ, а главным образом сопротивлением «материала, по самой своей природе не поддающегося централизации»¹⁷⁰. Таким образом, в отстаивании самобытности отдельных местностей Испа-нии, в борьбе за их самоуправление можно видеть проявление жизнедеятельности гражданского общества, сохранившегося даже в ослабленном виде при «самом лютом абсолютизме»¹⁷¹.

Примеры, подтверждающие необычайную глубину, разветвлен-ность и прочность корней регионализма в Испании, можно умножать бесчисленно, черпая их из произведений самых разных жанров — художественного, публицистического, научного и т. д., вышедших из-под пера испанских авторов, как, впрочем, и иностранцев, в разное время посещавших страну. Хочется отметить лишь один момент, важный, на наш взгляд, в контексте данной работы: горячая приверженность к своей «малой родине» с неизбежностью оборачи-валась противопоставлением себя всем прочим, отчуждением не только от центра, но и от населения всех других областей страны. К примеру, Энгельс указывал, что каждый из восставших против правительства в 1873 г. южноиспанских городов действовал «... на собственный страх, объявив самым важным делом отделение от других городов» в ущерб интересам всего движения¹⁷². Маркс, в свою очередь, приводит такой эпизод из истории войны с Наполеоном: «После первых успехов раздоры между провинциальными хунтами настолько усилились, что, например, генералу Кастаньосу лишь с трудом удалось удержать Севилью от походов против Гранады»¹⁷³. А по мнению русского путешественника И. Яковлева, побывавшего за Пиренеями в середине 80-х годов прошлого века, локальный патриотизм здесь часто оказывался выше политических и партийных интересов¹⁷⁴. Этим наблюдением как бы подтверждается замечание Энгельса о том, что даже члены испанской секции Интернационала, заседавшие среди прочих в мятежных городских хунтах, за все время восстания не выдвинули никакой программы, «кроме авто-номии провинции или кантона»¹⁷⁵. Деление на «своих» и «чужих» по земляческому принципу вовсе не ограничивалось областью пол-итики. Тот же Яковлев пишет о стереотипах, бытовавших у жителей различных частей страны по отношению друг к другу: «... С самого приезда в Испанию я заметил, что все провинции (в данном случае имеются в виду как раз регионы.— А. К.) здесь друг с другом на

ножах. Валенсийцы — бандиты и мошенники, андалузцы — лгуны, гальего (житель Галисии. — А. К.) — животное, больше других похожее на человека, арагонцы — грубы и глупы, баски — невежды и фанатики, манчего (жители Ламанчи. — А. К.) — воры и т. д...». И далее: «Только земляк считается соотечественником, остальные — иностранцы, к которым относятся враждебно или свысока, смотря по провинции»¹⁷⁶. В том же духе высказывается другой наш соотечественник, В. П. Боткин, посетивший страну сорока годами ранее: «В Испании более, нежели в какой-либо стране Европы, каждая провинция подсмеивается над другой, и о каждой ходит в народе особенная поговорка...»¹⁷⁷.

Выделение центробежной тенденции в развитии испанского общества в качестве одной из основных, глубинных, перманентных, разумеется, не означает, что вся история Испании сводится к борьбе «централистов» и «регионалистов», с одной стороны, и «регионалистов» разных уровней между собой — с другой. Отнюдь; но отстаивание локальной самостоятельности и самобытности как бы постоянно присутствует, проявляясь где в большей, где в меньшей степени, сообщая специфический оттенок отношениям в политической, экономической, социальной и многих других областях испанской жизни.

Приоритет «областного» начала настолько врос в сознание жителей Испании, что они не могут глядеть на самих себя иначе как через призму локальной (чаще всего региональной) принадлежности. Подобно тому как в советской гуманитарной науке при рассмотрении культурно-языковых процессов в среде испанского населения оно априорно подразделяется на четыре этноса, у наших иберийских коллег столь же естественно проводится региональный подход. Вряд ли нужно пояснять, что научный принцип здесь является всего лишь отражением господствующих в обществе обыденных представлений. Они хорошо видны даже в типичном словоупотреблении. Его интересная особенность в Испании состоит в том, что в тамошней литературе постоянно отождествляются названия той или иной области и ее населения. Испанский автор может написать о «Наварре в совокупности народов Испании», о «басках, андалусийцах, Валенсии, Эстремадуре и других народах», о «нации — Испании», «национальности — Каталонии» и т. д., т. е. употребить в одном ряду различные, с нашей точки зрения, по своей сущности понятия (вспомним в этой связи записанное в Конституции 1978 г. право на автономию «национальностей и регионов»). И дело здесь отнюдь не в терминологической неряшливости, а в том, что в сознании жителя Испании общность (народ, национальность, нация и т. д.) только и создается той землей, на которой данная общность проживает, и неразрывно связана с нею. Заметим здесь, что в самом кастильском языке, как, впрочем, и в каталанском, одним и тем же словом — *pueblo* (по-каталански — *poble*) — обозначаются и народ, и селение...

Не следует думать, однако, что региональные и другие общности — народы Испании — неизменны, как бы раз и навсегда заданы историей, и что с незапамятных времен и до настоящего времени существует совершенно определенное количество сплоченных и противостоящих друг другу совокупностей населения. Сам характер земляческих общностей, очевидно, предполагает иерархичность, и в зависимости от обстоятельств на первом плане может оказаться тот или иной уровень. Собственно, мы это видим и по материалам, приведенным на страницах данной работы: комаркальное, провинциальное, островное и тому подобное самосознание превалирует во многих случаях над региональным. Соотношения их находится в непрерывной динамике, что стало ясно, например, при создании автономных сообществ, когда от общепризнанных, «привычных» регионов неожиданно «отпочковались» некоторые территории, население которых реализовало таким образом свое самосознание на данный момент. Судя по целому ряду конфликтных ситуаций, возникших в пределах некоторых регионов уже после обретения ими автономных статусов на почве желания отдельных групп населения добиться самоуправления или перейти из одного автономного сообщества в другое, эволюция локального самосознания отнюдь не окончилась, напротив, продолжалось становление его новых форм, тогда как старые кое-где утрачивали свое значение.

В свете всего сказанного только и могут быть поняты роль и место этнического элемента, этничности в жизни испанского общества. Столь мощная, по сути дела всеобъемлющая традиция, каковой был и остается регионализм (в широком смысле), с неизбежностью должна была воздействовать на все прочие проявления общественной жизни, в том числе и те, которые обычно принято относить к этнической сфере. Поэтому вряд ли правомерно пытаться свести этническое и региональное начала в единую иерархическую систему, подчинив второе первому, говорить об этносах (более высокий уровень), поделенных региональными границами на субэтносы (уровень более низкий). Ведь мы можем, очевидно, говорить об общности только в том случае, если она как-то функционирует, проявляет себя и не только осознается ее членами, составляющими ее компонентами, но и диктует им какие-то нормативы деятельности, поведения, внешнего вида, наконец; побуждает их отстаивать интересы этой общности в целом, болеть за нее и т. д. Что же мы видим в действительности?

«Областнические» общности и функционируют, и осознаются; их интересы активно отстаиваются и в области политики, и в экономике, и в языке и т. д. Совсем иначе дело обстоит в случае с нашими «этнотами», собственно, мы это уже наблюдали в каждом из четырех лингвистических ареалов. Именно поэтому, надо полагать, во внутрииспанской жизни в качестве субъектов территориально-общинных отношений как между ними самими, так и с государственной властью исторически выступают именно регионы,

точнее — региональные общности (как бы ни менялось со временем их количество). Это, видимо, соответствует укоренившейся здесь традиции, идущей из глубины веков, соответствует представлениям и населения, и государства. Какой бы унитарной политики ни придерживалось то или иное правительство, всегда оно отдавало себе отчет в том, что управляемая им страна имеет сложный состав, исторически сложилась из различных частей, которые присутствуют и сейчас, независимо от того, признаны ли они официально. И в Кадисской конституции 1812 г., и в конституционном проекте 1873 г., и в законе от 1933 г. (Вторая республика), и в договоре со Швейцарией 1974 г. (незадолго до кончины Франко), и, наконец, в конституционном устройстве страны наших дней мы видим одно и то же: при характеристике Испании там присутствует региональное начало и вовсе не отражено этническое. Хотя перечень регионов со временем несколько меняется главным образом за счет их слияния, перегруппировки или выделения из крупных регионов более мелких, это происходит по основаниям, не имеющим ничего общего с этническими¹⁷⁸.

Как известно, в послефранкистских правительственных постановлениях предусматривалось предоставление автономии в первую очередь Каталонии, Стране басков и Галисии, без особых обращений с их стороны и в самых широких пределах, но не потому, что речь шла об особых этносах, а только по той причине, что в прошлом (то есть в период Второй республики) их жители уже проголосовали за автономные статусы, и сейчас требовалось, таким образом, лишь восстановление попорченной исторической справедливости.

Надо сказать, что и противоборство в соответствии с упомянувшейся выше центробежной тенденцией по линии государственная власть — гражданское общество развивалось исключительно в региональных формах (но никак не в этнических). Именно регионам, независимо от того, в каком лингвистическом ареале они располагались, приходилось отстаивать свои интересы и даже бороться за признание со стороны правительства их существования в какой бы то ни было форме. Известное деление страны на провинции, осуществленное центральными властями еще в 1833 г. и существующее до настоящего времени, как раз и призвано было поставить унитарное устройство (провинции подчиняются непосредственно центру) на место прежнего, федеративного по своему происхождению, с довольно ощутимыми тогда прерогативами регионов. Правда, по некоторым данным, границы провинций были проведены не произвольно, а в строгом соответствии с издавна существовавшими традиционными рубежами, которые остались нерушимыми. Однако, например, в марте 1987 г. каталонский парламент издал закон, призванный заменить четыре провинции, на которые официально подразделяется регион, тридцатью восемью так называемыми естественными комарками, объединенными в несколько более крупных подразделений (*veguerias*); во главе каждой комарки должен стать местный совет со своим

президентом и широким кругом компетенций⁷⁹. Тем самым устранялось такое внутреннее устройство, которое воспринималось местными традиционалистами как искусственное, навязанное силой и символизирующее подчинение. А истинная традиция олицетворялась именно регионом.

При Франко, когда борьба за укрепление «унитаризма» и против «сепаратизма» приняла наиболее последовательные формы, лишь в 1967 г. был принят «органический закон», разрешавший территориальное группирование нескольких провинций. Тем самым концепция региона получила, после многолетнего перерыва, официальный юридический статус, закреплявший его реальное, признанное в глазах общества историческое, культурное, экономическое и тому подобное бытование.

Круги, осуществлявшие демонтаж авторитарной системы и переход к парламентскому устройству, пошли как будто еще дальше: в Конституции 1978 г. (ст. 2) было признано существование в рамках Испании и право на автономию не только регионов, но и «национальностей» (*nacionalidades*). Казалось бы, в этом можно усмотреть признание какой-то новой для страны реальности, может быть. — тех самых двух начал (регионального и этнического), которые, при сходстве некоторых внешних проявлений, совершенно различны по сути. Здесь, конечно, сразу приходит на ум уже известный нам подход, широко представленный — как в более, так и в менее отчетливых и последовательных формах — в советской этнографии. Но вот какие примечательные штрихи сопутствуют данному законодательному акту:

Во-первых, по тексту формулировки «национальности и регионы» составляют «испанскую нацию». Во-вторых, термин «национальность» не имеет прецедента в испанском государственном праве; мало того, созданное таким образом юридическое понятие, по словам его критиков, не соответствует ни одному из значений данного термина, содержащихся в словаре испанского языка. В-третьих, наконец, в конституции отсутствуют не только конкретное указание на то, каковы же упомянутые здесь «национальности», но и критерии их сущности и отличий от регионов (точнее, конечно, региональных общностей)¹⁸⁰.

На наш взгляд, содержание рассматриваемой статьи основного закона государства, равно как и обстоятельства, а также последствия его появления, — очень симптоматичны для испанской этнической реальности. Ведь, казалось бы, что сложного в выделении и характеристике «национальностей»? Это же «наши» (закрепившиеся в советской испанистике) четыре народа-этнуса! Но о них и речи нет при обсуждении — как всенародном, в связи с публикацией проекта конституции в печати, так и парламентском — данной статьи. И таким образом столь важный, казалось бы, вопрос оказывается вне основного закона, а это значит, что он должен решаться самими автономными сообществами в соответ-

ствии с их собственным мнением о том, представляют ли они собой национальность или нет.

О том, как этот вопрос был разрешен к началу 80-х годов, мы можем судить по текстам статусов вновь созданных автономных сообществ. В соответствии с ними, «национальностями» провозгласили себя «народы» Страны басков, Каталонии, Галисии, Андалусии, Валенсии. Практически во всех остальных случаях местные конституции определяют население своих автономий как «народы» — региональные общности, хотя характеризуют их по-разному¹⁸¹. В ряде документов подчеркивается включенность в состав «испанской нации» (наваррцы, эстремадурцы, балеарцы, леон-кастильцы и др.), в других — нет. Нередко говорится об исторической сущности регионального единства, исторически обусловленном своеобразии. Наконец, в статуте Балеарских островов наряду с указанием на особый облик народа архипелага мы встречаем определение его как межостровной общности, основанной на сотрудничестве составляющих эту общность народов отдельных островов, а также намерение местных властей способствовать развитию «общих черт национальности» (*características de nacionalidad*) в ее среде¹⁸².

Нужно, кстати, сказать, что конституция не дает общности, провозгласившей себя «национальностью», каких-то преимуществ перед другими. При том, что темпы и пути достижения автономии для разных регионов предполагались неодинаковые, в зависимости от исходной ситуации, конечный результат процесса автономизации должен оказаться примерно единым для всех, так что статусы «национальных» и прочих регионов не будут принципиально различаться¹⁸³.

С тем, какое значение в Испании придается терминам «нация», «национальность», «народ», «регион» (региональная общность) и т. д., мы уже отчасти познакомились в главах о каталаноязычном ареале, Андалусии и других частях страны. Сейчас пришло время остановиться на этом вопросе в целом. Нас, конечно же, интересует прежде всего, существует ли единое понимание в обществе терминов упомянутого выше ряда, а следовательно, стоящих за ними реальностей. Судя по всему, такого единства нет, и с этим связаны широкие дискуссии последних лет как в обществе, так и в правительственных сферах. Но есть нечто общее, что объединяет, с нашей точки зрения, подавляющее большинство высказываемых мнений. Это прежде всего представление о нации как о высшей степени организации данной общности, дающей ей право на собственное политическое представительство в мире. Перед нами отражение или отголоски давней концепции «нации-государства», бывшей, как известно, одним из политико-идеологических постулатов франкизма, но внедрившейся на испанскую почву задолго до него и продолжающей бытовать и поныне. В соответствии с ней, нераздельным качеством нации обладала вся совокупность испанских граждан; следовательно, попытки какой-то группы внутри страны заявить о своем «национальном» статусе автоматически трактовались как се-

паратизм, подрыв «общенационального» единства, пртензии на политическое обособление, и, кстати, отнюдь не без оснований, поскольку националисты обычно вкладывали в данный термин именно такое содержание. Поэтому в ходе принятия соответствующей конституционной статьи было отвергнуто предложение охарактеризовать «испанскую нацию» как образование, включающее другие нации, как «нацию наций». Термин, же «национальность» вызвал едва ли не наибольшее число споров и возражений, и не столько, может быть, из-за его неопределенности и беспрецедентности, сколько из-за его синонимичности в глазах очень многих испанских граждан термину «нация». И то и другое слово, по их мнению, подразумевают возможность покушения на государственную целостность, что для значительной части населения представляется совершенно нетерпимым.

Второй примечательный факт, вытекающий из трактовки рассматриваемой терминологии — качественная иерархичность при количественной неизменности. Иначе говоря, речь всегда идет о тех общностях, которые образованы населением того или иного региона; рост осознания этим населением объективно присущих ему особенностей, его специфических интересов, все более усиливающегося движение в защиту этих особенностей и интересов постепенно приводит к переходу из одного качества в другое, более высокое. Например, «население» становится «народом», «народ» — «нацией», но мы по-прежнему имеем дело все с той же региональной общностью. При таком подходе любая из них может претендовать на статус «национальности». Примерно так это и происходит, и андалусийцы точно так же называют себя «национальностью», как и жители Каталонии, и фиксируют это в официальных документах без того, чтобы кто-либо возмутился «нелепой претензией». То же самое делают и жители Валенсии¹⁸⁴, которых в данном случае несколько не смущают ни их культурно-языковая разнородность, о которой подробно говорилось выше, ни языковое тождество или генетическое родство с населением соседних регионов... Изначально подразумевается, что «в каждом случае история, культура, язык, обычаи, право, экономика, религия, психология, воля к существованию и т. д. суть элементы, которые придают каждому из испанских регионов характерные и определенные черты»¹⁸⁵. Иными словами, специфика, как бы велика она ни была, играет вспомогательную роль, подчиняясь заданному принципу и подтверждая его. Сама по себе она не создаст повсеместно признанной общности, и люди с одним и тем же языком (кастильским, галисийским или любым другим) видят «своих» друг в друге и являются таковыми во мнении окружающих только если принадлежат к одному региону.

Лишь осознав принцип доминирования регионального (и вообще локального, местнического) начала в той сфере общественного бытия населения Испании, которую мы привычно определяем как этническую, мы сможем понять и характер борьбы за автономию, и

межгрупповые, в том числе и межъязыковые, отношения, и особенности самосознания, и языковые процессы, тенденции и закономерности развития местного общества, в том числе политику меняющихся правительств страны в отношении составляющих ее частей, и среди прочего понять, почему этих частей семнадцать, а не четыре и почему это обстоятельство принимается в Испании как должное. Другое дело, что вопрос о том, как случилось, что земляческие связи оказались сильнее, весомее прочих, что именно они стали в наибольшей степени влиять на самосознание личности, что в Испании сложились не этнические, а земляческие общности, чрезвычайно интересен и требует специального исследования. Здесь же нам важно разобраться, стоит ли вообще говорить об этничности в применении к Испании и если да, то какова все же роль этнического элемента в системе общественных связей, каковы его проявления и тенденции эволюции.

В целом складывается такое впечатление, что, образно говоря, те кирпичи, из которых в других местах строится здание этноса, в данном случае ложатся в созданные веками формы, идут на укрепление воздвигнутых в незапамятные времена региональных сооружений. Этнические тенденции, возникающие на территории Испании спонтанно или в результате тех или иных внешних воздействий своеобразно вписываются в бытующую здесь «областническую», местническую организацию населения и зиждущиеся на ее основе отношения. Примеров тому масса. Вспомним, с какими идеями появился на исторической сцене «основоположник баскского национализма» Сабино Арана — по сути, с доктриной жесткого обособления по этническому признаку, этноцентристской и даже расистской — и какую эволюцию претерпела доктрина созданной им партии всего лишь несколькими годами позже. Защита интересов «чистокровных басков» трансформировалась в защиту интересов населения баскских провинций, тех людей, которые фактом своего рождения на этой земле, своим проживанием здесь и трудовой деятельностью на благо «малой родины» утвердили свою неразрывную связь с ней и право на то, чтобы сознать себя басками и быть ими независимо от родного языка, происхождения предков и т. д.

А вот своего рода обратная сторона той же «корректировки» этнических тенденций со стороны регионального фактора, проявившаяся в событиях последних лет. Жители одного из селений Кантабрии выразили желание выйти из ее состава и присоединиться к соседней Стране басков. Причина — пренебрежение региональных властей к экономическим, санитарным и другим проблемам местного населения. Сельский муниципалитет — аюнтамьенто — в соответствии с волей избирателей принял соответствующее решение. Самое для нас интересное здесь то, что обитатели селения, говорящие по-баски, обладающие, по словам репортеров, сильным ощущением близости к жителям Бискайи, тем не менее и по их собственным представлениям, и по мнению окружающих остаются пока кантаб-

рийцами (среди них есть и члены Кантабрийской регионалистской партии), и «станут басками», как написано в посвященной конфликту статье, только если будет удовлетворено их требование ¹⁸⁶.

Собственно, все дискуссии, борьба мнений вокруг терминов «нация», «национальность» и т. д. — это тоже проявление определенной этнической тенденции в испанских условиях. Очевидно, не только в силу внутренних причин, но и под влиянием общемирового «этнического возрождения» в Испании резко повысилась значимость культурно-языковой специфики, шире распространилось представление о прямой ее связи с уровнем самобытности данной группы, а значит — с правом этой группы на самостоятельное развитие, на специальный политический статус, на особое к себе отношение... И что же? Регионы страны едва ли не соревнуются между собой в поисках и культивировании своей самобытности в самых разных областях жизни, в прошлом и настоящем, но именно в региональных рамках. Общественно-политические лидеры, ученые и публицисты настаивают на том, чтобы за представляемой ими региональной общностью был признан как можно более высокий статус — «национальности» или даже «нации». Вряд ли, однако, в этих случаях можно говорить об этносах соответствующего уровня; скорее речь идет о соответствующем уровне политических притязаний на предоставление автономии, на ее расширение, на признание права на самоопределение и т. д. Нам уже известно движение за независимость Канарских островов; оно имеет «этническое» обоснование, в соответствии с которым канарцы — часть «берберского народа». В случае победы — ни много ни мало провозглашения независимости от Испании и объединения в конфедерацию с Западной Сахарой — планируется «возрождение берберской культуры, затоптанной испанскими колонизаторами». Лидер движения А. Кубильо, утверждающий, что чувствует себя «таким же африканцем, как уроженец Сенегала», рассчитывает на введение «берберского языка» в школах с тем, чтобы уже через поколение весь канарский народ говорил по-берберски ... ¹⁸⁷

Если еще раз прибегнуть к образному выражению, то этничность в случае с жителями Испании выступает как своего рода «окраска» региональных, областнических, локальных форм, и когда мы встречаем в испанской литературе и печати, в программах политических организаций и выступлениях общественных деятелей, в лозунгах и т. д. термины этнонационального ряда, в них почти всегда вкладывается содержание, неадекватное тому, которое привычно для нас. Однако в целом, как нам кажется, происходит постепенное, но неуклонное усиление самостоятельного значения «этнической окраски», все больше ощущается тенденция к ее превращению в основной критерий общности, в формообразующий элемент. Как сказал один из участников международной встречи историков-испанистов еще в середине 70-х годов, «осознание себя национальностью распространилось на большую часть регионов» ¹⁸⁸. Все более укрепляется ощущение или даже мнение, что истинный предста-

витель той или иной региональной общности должен обладать свойственным ей «этнографическим» обликом, включая, разумеется, и язык. В наибольшей степени мы наблюдаем это в тех регионах, где существуют давно признанные самостоятельные языки с давней литературной традицией. Все чаще споры здесь идут лишь о тактике, с помощью которой будет утверждена необходимая «этнокультурная», а точнее, «культурно-языковая» модель. Так, в Каталонии столкнулись позиции крайних каталанистов, считающих, что язык их региона должен стать на его территории единственным официальным, в противном случае он останется «ущербным, обедненным, прикованным к домашнему очагу» (точка зрения этих людей фактически подразумевает насильственную интеграцию «чужеродных» групп в пределах автономного сообщества), — и их оппонентов, сторонников официального двуязычия, полагающих, что и оно обеспечит доминирование каталанского по мере того, как он будет утверждаться в школе, прессе, на радио, телевидении и т. д.¹⁸⁹ Противостоит тем и другим иная позиция, состоящая в отстаивании права какой-то части жителей Каталонии не знать каталанский язык, если они этого не хотят, и не испытывать неудобств от этого незнания. Однако реакция на взгляды и действия такого рода в местном обществе чрезвычайно активна и болезненна, проявляется зачастую в массовых кампаниях и манифестациях под недвусмысленным лозунгом «Вон из Каталонии!»¹⁹⁰. Сомнительно, чтобы позиция сил, желающих существенно затормозить или ограничить языковую каталанизацию, имела будущее, если, конечно, не произойдет коренного изменения внутривнутриполитической ситуации в стране, вероятность которого с каждым годом уменьшается.

Вместе с тем практика показывает, что излишне жесткие, форсированные меры, направленные на укрепление позиций местного языка в противовес кастильскому, оказываются несостоятельными даже при самом благожелательном отношении публики. В той же Стране басков, как мы знаем, значительная часть не только коренного баскоязычного, но и пришлого во втором и даже первом поколении населения безоговорочно поддерживает крайних националистов-независимцев. По не лишнему язвительности замечанию журналистов, «Пересы и Родригесы (распространенные кастильские фамилии. — А. К.) демонстрируют типичный фанатизм новообращенных»¹⁹¹. В ряде городов Страны басков (Эррани, Рентерия и др.), где подавляющее большинство населения состоит из мигрантов, едва ли не всю общественную жизнь контролируют крайние националисты из партии «Эрри Батасуна», исповедующие, помимо прочего, баскоязычную культурную модель для всех обитателей своей родины. Их влияние настолько велико, что заседания некоторых комиссий местных аюнтамьенто проходят исключительно на эускере, так что составляющие меньшинство депутаты от других партий, члены которых и так ощущают себя здесь «как в гетто», вынуждены просить о переводе¹⁹². А между тем 70% жителей тех же населенных

пунктов пока не владеют баскским языком, несмотря на все предпринимаемые усилия. Большие надежды сторонники немедленной эускеризации возлагали на региональное баскоязычное телевидение, в организацию которого были вложены немалые средства. Однако через несколько лет после его создания, уже во второй половине 80-х годов, оказалось, что его аудиторию составляет лишь 6% местного населения, тогда как остальные потенциальные зрители отдают предпочтение центральным кастильскоязычным каналам¹⁹³. Виновата ли низкое качество регионального вещания или накопившаяся за долгие годы инерция, но мы видим, что самые благоприятные факторы пока что не срабатывают в полную силу.

Тем не менее «этнографичность», языковая специфика становятся все более влиятельными, и это рождает новые проблемы там, где их еще недавно не было или казалось, что их не было. В 60-е годы многие испанцы с удивлением обнаружили, что есть «другие испанцы», говорящие на иных, нежели кастильский, языках и требующие уважения к своим особенностям¹⁹⁴. В движение вовлекались все новые группы, и вот уже у регионов, только что добившихся автономии и официального признания своей культурно-языковой специфики, возникли проблемы с собственными меньшинствами. Так, в 1984 г. «большинство каталонцев впервые узнало о существовании аранского языка», когда Пилар Бускетс, депутат от пограничной с Францией комарки, «появилась на телеэкране, выступив с речью в каталонском парламенте на своем родном языке» — варианте окситанского. Аранская община получила в пределах Каталонии «автономию первой категории», здесь идет активная подготовка кадров для того, чтобы местный язык смог занять свое место в делопроизводстве, школах, церкви, печати и т. д. Местные жители отказываются считать себя каталонцами и настаивают на самоназвании «аранцы». Право на автономию, по их мнению, дает им не принадлежность к особому этносу, а грамота XIV в., дарованная королем Хайме II — законным сеньором долины Арана: «Правьте вашими землями и вашими лесами». Лишь в 1845 г. долина была включена в каталонскую провинцию Лерида; и теперь местные жители считают, что пришло время восстановить справедливость¹⁹⁵.

По мнению американского испаниста Д. Гринвуда, изучая эту страну в настоящее время является «местом наиболее активного этногенеза в современном мире» (под этногенезом он понимает становление подлинно этнической «идентичности») ¹⁹⁶. В то время как некоторые этнические общности уже давно определились в своем самосознании, другие делают это только сейчас. «Вопрос, почему и как это произошло, — считает ученый, — должен быть центральным в повестке дня антропологических исследований в Испании» ¹⁹⁷. Новый конституционный режим, отмечает Гринвуд, означает появление условий, поощряющих выражение региональных требований в этнических терминах ¹⁹⁸. Он решительно против по-

пытот установить принципиальную разницу между «этнической» и «фальшивой», «ложной» этничностью и не сомневается, что как вновь возникшие, так и имевшие богатое прошлое этнические движения различаются не качественно, а лишь количественно — по времени, в течение которого они были активны и, следовательно, по уровню разработанности концепций и развитости институтов, связанных с этнической «идентичностью»¹⁹⁹. Таким образом, для него баски и андалусийцы отличаются не степенью своеобразия той культуры, которой обладает каждый из этих народов, а продолжительностью времени, в течение которого элементы этой культуры закреплялись в самосознании как обоснование попыток добиться региональных политических прав или удержать их²⁰⁰.

Вряд ли стоит говорить, что группы населения, издавна обладающие этническим самосознанием или обретающие его на наших глазах, американский автор видит все в тех же региональных общностях...

Этнизирующая тенденция, хотя и усиливающаяся в последнее время, на наш взгляд, еще не доминирует, по крайней мере в масштабах страны. Как будут развиваться события в дальнейшем — покажет время. Пуска же наиболее влиятельным уровнем самосознания на внутренней арене остается региональный, а на внешней — общеиспанский. Это хорошо ощущают не только жители страны, но и те иностранцы, которым пришлось близко с ними столкнуться. Типичный пример: читатель-англичанин упоминает в письме в редакцию центральной мадридской газеты, что сам он женат на «манчеге» (уроженке Ламанчи) и имеет троих детей — «англо-испанцев»²⁰¹.

¹ *Hermet G. Le problème meridional de l'Espagne. P., 1965. P. 33.*

² *Payne St. El nacionalismo vasco. Barcelona, 1974. P. 308.*

³ *Linz J. Conflicto en Euzkadi. Madrid, 1986. P. 492.*

⁴ *Ibid. P. 107.*

⁵ *Bourdarias J., Idier J. La nouvelle Espagne. P., 1969. P. 122.*

⁶ *Linz J. Op. cit. P. 30.*

⁷ *Leugar y educación en el ámbito del estado español. Barcelona, 1982. P. 24.*

⁸ *C-Nuñez L. Opresión y defensa del euskera. San Sebastián, 1977. P. 37.*

⁹ *García Ferrando M. Regionalismo y autonomía en España, 1976—1979. Madrid, 1982. P. 366.*

¹⁰ *C-Nuñez L. Op. cit. P. 26—29.*

¹¹ *Linz J. Op. cit. P. 500.*

¹² *Triunfo. 1976. N 685. P. 31.*

¹³ *Ibid. P. 28.*

¹⁴ *Lenguas y educación... P. 100.*

¹⁵ *Ibid. P. 101—103.*

¹⁶ *Ibid. P. 104.*

¹⁷ *Ibid. P. 50.*

¹⁸ *Ibid. P. 92.*

¹⁹ *Ibid. P. 104.*

²⁰ *Ibid. P. 116.*

²¹ *Triunfo. 1976. N 685. P. 28.*

²² *C-Nuñez L. Op. cit. P. 37.*

²³ *Lenguas y educación... P. 25.*

²⁴ *Cambio 16. 1985. N 711. P. 42.*

²⁵ *Ibid. P. 43.*

²⁶ *Linz J. Op. cit. P. 411.*

- ²⁷ *Satrustegui J. M.* Etnografía de Navarra. Solsticio de invierno. Pamplona, 1974. P. 31.
- ²⁸ *Payne St.* Op. cit. P. 312.
- ²⁹ *Lenguas y educación...* P. 119.
- ³⁰ *Linz J.* Op. cit. P. 23—24.
- ³¹ *Ibid.* P. 32.
- ³² *Lenguas y educación...* P. 119.
- ³³ *Cambio* 16. 1980. N 434. P. 31.
- ³⁴ *Linz J.* Op. cit. P. 29.
- ³⁵ *Ibid.* P. 30.
- ³⁶ *Ibid.* P. 33.
- ³⁷ *Ibid.* P. 35, 679.
- ³⁸ *Cambio* 16. 1980. N 436. P. 27.
- ³⁹ *Ibid.* N 434. P. 32.
- ⁴⁰ *García Ferrando M.* Op. cit. P. 366; *Linz J.* Op. cit. P. 411.
- ⁴¹ *García Ferrando M.* Op. cit. P. 364.
- ⁴² *Linz J.* Op. cit. P. 413.
- ⁴³ *Cambio* 16. 1977. N 299. P. 22.
- ⁴⁴ *Ibid.* 1980. N 457. P. 18.
- ⁴⁵ *Ibid.* 1987. N 810. P. 145.
- ⁴⁶ *Linz J.* Op. cit. P. 427.
- ⁴⁷ *García Ferrando M.* Op. cit. P. 371.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 383.
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 364.
- ⁵⁰ *Linz J.* Op. cit. P. 351.
- ⁵¹ *Greenwood D. J.* Castilians, Basques and Andalusians: an historical comparison of nationalism, «true» ethnicity and «false» ethnicity//*Ethnic Groups and the State*. L., 1984. P. 213.
- ⁵² *Greenwood D. J.* Ethnic regionalisms in the Spanish Basque country: class and cultural conflicts. *Iberian Studies*. 1976. Vol. 5. N 2. P. 51.
- ⁵³ *Heraud G.* Peuples et langues d'Europe. Paris; Milano, 1966. P. 224.
- ⁵⁴ *López Rodó L.* Las autonomías, encrucijada de España. Madrid, 1986. P. 11.
- ⁵⁵ *El País*. 1978. 11. III
- ⁵⁶ *Unión (Habana)*. 1976. N 1. P. 136.
- ⁵⁷ *Cambio* 16. 1977. N 261. P. 45.
- ⁵⁸ *Ibid.*
- ⁵⁹ *Gispert C., Prats J. M.* España: un estado plurinacional. Barcelona, 1978. P. 63.
- ⁶⁰ *Mígenes A.* Galicia: éxodo y desarrollo. Madrid, 1967. P. 79.
- ⁶¹ *Terceiro J.* et al. Problemas y soluciones de desarrollo económico de Galicia. Madrid, 1972. P. 21.
- ⁶² *Alvarez S.* Sobre Galicia. P., 1986. P. 84.
- ⁶³ *García Ferrando M.* Op. cit. P. 315—316.
- ⁶⁴ *Ibid.* P. 316.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 323.
- ⁶⁶ *Gispert C., Prats J. M.* Op. cit. P. 63, 140.
- ⁶⁷ *Lisón Tolosana C.* Ensayos de Antropología Social. Madrid, 1973. P. 105.
- ⁶⁸ *Gispert C., Prats J. M.* Op. cit. P. 140.
- ⁶⁹ *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. С. 171.
- ⁷⁰ *Hermet G.* Les espagnols en France. P., 1967. P. 199.
- ⁷¹ *Los gallegos*. Madrid, 1976. P. 232.
- ⁷² *Refímenes preautonómicos*. Madrid, 1978. P. 18.
- ⁷³ *Cambio* 16. 1987. N 823. N 32.
- ⁷⁴ *Степанов Г. В.* Указ. соч. С. 147.
- ⁷⁵ *Cuadernos para el diálogo*. 1977. N 217. P. 25.
- ⁷⁶ *Cambio* 16. 1977. № 289. P. 25.
- ⁷⁷ *García Ferrando M.* Op. cit. P. 315.
- ⁷⁸ *Los gallegos*. Madrid, 1976. P. 240.
- ⁷⁹ *Вальверду Ф.* Языковая мозаика Испании//*Курьер ЮНЕСКО*. 1983. Авг. С. 26.
- ⁸⁰ *Lenguas y educación...* P. 204.

- ⁸¹ Cambio 16. 1988. N 854. P. 10.
- ⁸² Ibid N 862. P. 10—11.
- ⁸³ Ibid. № 854. P. 10.
- ⁸⁴ Linz J. Conflicto en Euskadi. Madrid, 1986. P. 32.
- ⁸⁵ García Ferrando M. Op. cit. P. 323.
- ⁸⁶ García Ferrando M. Op. cit. P. 206.
- ⁸⁷ Ibid. P. 131.
- ⁸⁸ Ibid. P. 94.
- ⁸⁹ Gispert C., Prats J. M. Op. cit. P. 120.
- ⁹⁰ López Rodó L. Las autonomías, encrucijada de España. Madrid, 1986. P. 15.
- ⁹¹ Ibid.
- ⁹² Pérez de Castro J. L. Los estudios de folklore en Asturias. Gijón, 1984. P. 62—72.
- ⁹³ Artes y costumbres populares de la región de Murcia. Murcia, 1983. P. 161.
- ⁹⁴ Cambio 16. 1976. N 213. P. 21.
- ⁹⁵ Ibid. N 229. P. 30—31.
- ⁹⁶ Gras S. et Ch. La révolte des régions d'Europe occidentale de 1916 à nos jours. P., 1982. P. 201.
- ⁹⁷ Cambio 16. 1977. N 290. P. 3.
- ⁹⁸ Ibid. N 291. P. 20.
- ⁹⁹ Ibid. P. 19.
- ¹⁰⁰ Vilar S. La década sorprendente, 1976—1986. Barcelona, 1986. P. 110.
- ¹⁰¹ Moreno Navarro I. La identidad andaluza: pasado y presente (una aproximación antropológica)//Andalucía. Sevilla, 1986. P. 256.
- ¹⁰² Cambio 16. 1976. N 214. P. 44.
- ¹⁰³ Ibid. N 261. P. 49.
- ¹⁰⁴ Ibid. N 234. P. 94.
- ¹⁰⁵ Gispert C., Prats J. M. Op. cit. P. 40.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 180.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 170.
- ¹⁰⁸ Cambio 16. 1976. N 261. P. 49.
- ¹⁰⁹ Ibid.
- ¹¹⁰ Gispert C., Prats J. M. Op. cit. P. 177.
- ¹¹¹ García Ferrando M. Op. cit. P. 402.
- ¹¹² Ibid. P. 339.
- ¹¹³ Moreno Navarro I. La antropología cultural n Andalucía: estado actual y perspectiva de futuro//Antropología cultural de Andalucía. Sevilla, 1984. P. 103—105.
- ¹¹⁴ Moreno Navarro I. La identidad andaluza... P. 253, 257.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 259.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 281—282.
- ¹¹⁷ Cambio 16. 1987. N 809. P. 10.
- ¹¹⁸ Pérez de Castro J. L. Op. cit. P. 74.
- ¹¹⁹ Cambio 16. 1980. № 467. P. 39.
- ¹²⁰ Newsweek. 1986. 9.VI.
- ¹²¹ Cambio 16. 1976. N 230. P. 6.
- ¹²² Ibid. 1986. N 779. P. 10.
- ¹²³ Трайнин И. П. Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы. М., 1933. С. 223.
- ¹²⁴ Пономарева Л. В. Национальный вопрос в Испании и освободительное движение каталонцев в 1931—1933 гг.//Из истории освободительной борьбы испанского народа. М., 1959. С. 56—57.
- ¹²⁵ Там же. С. 56.
- ¹²⁶ Там же. С. 62.
- ¹²⁷ Там же. С. 64—65.
- ¹²⁸ Там же. С. 58—59.
- ¹²⁹ Там же. С. 60.
- ¹³⁰ Там же. С. 57.
- ¹³¹ Там же. С. 63.
- ¹³² Пчелина Н. В. Каталонцы//Вопросы истории. 1979. № 9. С. 182.
- ¹³³ Там же. С. 184.
- ¹³⁴ См., например: Прицкер Д. П. Национальная и региональная проблемы современной Испании//Расы и народы. 1980. № 10.
- ¹³⁵ Пожарская С. П. Особенности формирования национально-государственного ком-

- плекса на Пиренейском полуострове (на примере Испании)//Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 15.
- ¹³⁶ Капьяно Р. М. У истоков национальных движений народов Испании//Проблемы испанской истории. М., 1987. С. 80.
- ¹³⁷ Там же. С. 81.
- ¹³⁸ Там же. С. 88.
- ¹³⁹ Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 301.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Коваль Т. Испания: регионы, этносы, языки//Расы и народы. 1984. № 14.
- ¹⁴² Lisón Tolosana C. Ensayo de antropología social. Madrid, 1978. P. 43.
- ¹⁴³ Caro Baroja J. Los pueblos de España. Madrid, 1976. T. 2.
- ¹⁴⁴ Caro Baroja J. Disquisiciones antropológicas. Madrid, 1985. P. 223.
- ¹⁴⁵ Caro Baroja J. Razas, pueblos y linajes. Madrid, 1957. P. 264.
- ¹⁴⁶ Ibid. P. 265.
- ¹⁴⁷ Ibid. P. 266.
- ¹⁴⁸ Ibid. P. 290.
- ¹⁴⁹ Esteve Fabregat Cl. Estado, etnicidad y biculturalismo. Barcelona, 1984. P. 5.
- ¹⁵⁰ Ibid. P. 6.
- ¹⁵¹ Ibid. P. 7.
- ¹⁵² Esteve Fabregat Cl. Ethnicity, Social Class and Acculturation of Immigrants in Barcelona//Etnologia Europaea, 1975. Vol. VIII N 1. P. 23.
- ¹⁵³ Ibid.
- ¹⁵⁴ Esteve Fabregat Cl. Estado, etnicidad y biculturalismo. P. 119.
- ¹⁵⁵ Lisón Tolosana C. Op. cit. P. 47.
- ¹⁵⁶ Ibid. P. 48—51.
- ¹⁵⁷ Coscolluela Montaner L. Concepto de nacionalismo y regionalismo en la constitución Española de 1978//Nacionalismo y regionalismo en España. Córdoba, 1985. P. 275.
- ¹⁵⁸ Ibid.
- ¹⁵⁹ Carretero y Nieuw L. Las nacionalidades españolas. Mexico, 1952. P. 25.
- ¹⁶⁰ Ibid. P. 16.
- ¹⁶¹ Ibid. P. 68.
- ¹⁶² Ibid. P. 69.
- ¹⁶³ Ibid. P. 37.
- ¹⁶⁴ Louapre E. L'Espagne d'aujourd'hui. Londres. 1986. P. 23—24.
- ¹⁶⁵ Ibid. P. 23.
- ¹⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 10. С. 431—432.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 429.
- ¹⁶⁸ Пожарская С. П. Указ. соч. С. 13—15.
- ¹⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 10. С. 431.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 432.
- ¹⁷¹ Пожарская С. П. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 468.
- ¹⁷³ Там же. Т. 10. С. 441.
- ¹⁷⁴ Яковлев И. Очерки современной Испании. 1884—1885. СПб., 1889. С. 306.
- ¹⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 472.
- ¹⁷⁶ Яковлев И. Указ. соч. С. 338—339.
- ¹⁷⁷ Боткин В. П. Письма об Испании. СПб., 1857. С. 209.
- ¹⁷⁸ См., например: López Rodó L. Las autonomías, encrucijada de España. Madrid, 1986. P. 39—41.
- ¹⁷⁹ Cambio 16, 1987. N 805. P. 44—49.
- ¹⁸⁰ López Rodó L. Op. cit. P. 28—31.
- ¹⁸¹ Código de Leyes Políticas. Madrid, 1986.
- ¹⁸² Ibid. P. 893.
- ¹⁸³ Solé Tura J. Nacionalidad y nacionalismo después de la constitución de 1978 y los estatutos de autonomía//Nacionalismo y regionalismo en España. Córdoba, 1985. P. 18.
- ¹⁸⁴ Cambio 16. 1988. N 848. P. 10.
- ¹⁸⁵ Parés i Maicas M. La ideología regional de la premsa espanyola (1966—1973). Barcelona, 1984. P. 349.
- ¹⁸⁶ Cambio 16. 1986. N 778. P. 38.
- ¹⁸⁷ Ibid. 1988. N 865. P. 26.
- ¹⁸⁸ Ibid. 1976. N 231. P. 9.

- ¹⁸⁹ Ibid. N 238. P. 29.
- ¹⁹⁰ Ibid. 1987. N 818. P. 26.
- ¹⁹¹ Ibid. N 806. P. 36.
- ¹⁹² Ibid.
- ¹⁹³ Ibid. 1988. N 880. P. 35.
- ¹⁹⁴ Reseña. 1977. N 102. P. 4; Cambio 16. 1976. N 259. P. 36.
- ¹⁹⁵ Cambio 16. 1988. N 846. P. 42—44.
- ¹⁹⁶ Greenwood D. J. The anthropologies of Spain: a proposal for collaboration//Working Paper of the Spanish studies round table University of Illinois at Chicago. Chicago, 1989. N 2. P. 6.
- ¹⁹⁷ Ibid.
- ¹⁹⁸ Greenwood D. J. Castilians, Basques and Andalusians: an historical comparison of nationalism, «true» ethnicity, and «false» ethnicity. P. 205.
- ¹⁹⁹ Ibid. P. 225.
- ²⁰⁰ Ibid.
- ²⁰¹ Cambio 16. 1988. N 875. P. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (опыт Испании)

Еще совсем недавно казалось, что едва ли не вся зарубежная Европа, включая, конечно, и Испанию, выгодно отличается от прочих частей света тем, что обитающие здесь народы давно и хорошо изучены, описаны, территории их расселения с точностью нанесены на этническую карту, а события, так или иначе затрагивающие этническую сферу, достаточно очевидны и, следовательно, легко фиксируются.

Однако испанский пример показывает, что и здесь настало время для уточнения и дополнения, а то и пересмотра некоторых оценок и стереотипов, сложившихся в нашей науке на протяжении многих десятилетий. Вместе с тем становится очевидным, что иная, чем прежде, трактовка этнической ситуации в той же Испании и — шире — роли этнического фактора в жизни ее населения, подобная предложенной в данной работе, с неизбежностью влечет за собой определенные выводы, как практического, так и научного и даже, может быть, мировоззренческого характера.

Еще во «Введении» была поставлена вполне правомочная и, более того, весьма актуальная задача: выяснить, в чем же суть решения национального вопроса в Испании и в какой мере опыт этой страны мог бы быть полезен нашему государству.

Как известно, в нашей стране практика государственного строительства после 1917 г. сложилась так, что право на суверенное или автономное политическое образование стало подразумеваться за всякой национальной (этнической) общностью в пределах территории, на которой данная общность составляет большинство населения (фактически или исторически в зависимости от особенностей оформления соответствующей политико-административной единицы в составе Советского Союза, и, конечно, с различными отклонениями — опять же конъюнктурного характера — от общего правила). Такой подход, в свою очередь, тесно связан с определенным пониманием, прежде всего на уровне власти имущих, этнического фактора в характеристике личности, с одной стороны, и в жизни общества, с другой — как исключительно важного, в каком-то смысле определяющего. В соответствии с этим пониманием человечество универсально поделено на четко очерченные народы-этноты, следовательно, каждый человек обязательно принадлежит к какому-то этноту (является так называемым этнофором). По-своему логичное развитие данной трактовки в специфических условиях нашей страны привело к тому, что этническая принадлежность обернулась не

личным делом индивида, а его чертой как гражданина, требующей обязательной фиксации в официальных документах, удостоверяющих или характеризующих личность. Именно представление об огромной важности этнического начала обусловило тот факт, что оно было заложено в административно-политическое устройство нашего государства и со временем не только не потеряло, но, пожалуй, и укрепило свое значение в этой сфере. Достаточно вспомнить все чаще повторяющийся в последние годы тезис о «коренных» и «некоренных» народах, т. е. о том, что на основании одной лишь этнической принадлежности можно поделить все население страны без исключения на тех, кто живет в пределах «своих» территорий (административно-политических образований), тех, кто живет вне этих пределов, не на «своей», а на «чужой» земле, и, наконец, тех, кто, также живя на «чужой» территории, и вовсе не имеет «своей земли» в государстве, где зачастую родились не только сами эти люди, но и многие поколения их предков...

Что же касается Испании, то сравнительно недавняя административно-политическая реформа, в ходе которой прежние централизованные структуры были заменены широким местным самоуправлением, осуществилась здесь, как мы теперь знаем, по иным принципам, нежели те, которые до сей поры реализовывались у нас. И дело отнюдь не в том, что этнический фактор по политическим или каким-либо иным мотивам был проигнорирован испанскими властями в процессе автономизации. Просто статусы самоуправления здесь получили в большинстве своем те территории, население которых и потребовало этого, заявив в каждом случае о себе — уже давно или только в последние годы, — как об общности, обладающей определенной спецификой и отличающейся от других общностей того же уровня. Но при этом указанный уровень не является этническим, равно как упомянутые общности не являются народами-этносами в нашем понимании, а, стало быть, не имеют — опять же по нашим представлениям — оснований для претензий на автономный статус. Нелишним будет добавить, что и вообще никакая «национальность» в значении этнической принадлежности не фиксируется в официальных документах, удостоверяющих личность испанского гражданина.

Есть, очевидно, все основания полагать, что отношение испанских властей к этническому фактору определялось характером и значением этого фактора в жизни испанского общества.

Из многих попыток выразить сущность этноса, сделанных в отечественной литературе в последние годы, хотелось бы обратить внимание на одно определение, конечно, не бесспорное и даже не вполне удачно сформулированное, которое тем не менее содержит принципиально важное положение, «Этнос» — это существующая или существовавшая какое-то время культурная общность, трансформировавшаяся в сознание генетической общности («по крови») и часто в образ референтной группы весьма высокого ранга, с которой соотносит себя принадлежащий к данному этносу человек.

Как видим, ничто не противоречит возможности для человека причислять себя к нескольким этносам, к которым он привязан двумя или всеми тремя отношениями: памятью культуры, чувством «родства по крови» или образом референтной группы». И далее: «По природе своей этнос не субъект политики, но тип человека — создателя и носителя определенной культуры»¹.

Если мы применим это определение к проявлениям этнического начала, а также к его осмыслению в нашей стране и в Испании, то обнаружим существенные различия. В нашем государстве повсеместно наблюдается, как на официальном политическом, так и на социально-психологическом уровне трактовка этнической принадлежности как врожденного, неотъемлемого и неизменного свойства человека, заданного от рождения, так что вариации здесь сводятся к выбору между национальностями отца и матери (в том случае, когда они не совпадают). Национальность у нас стала определяться именно «по крови», в результате чего человек, родившийся, предположим, в Москве от украинки и башкира, не чувствующий себя ни башкиром, ни украинцем и не знающий другого языка, кроме русского, обязан, во-первых, «приписаться» к определенной национальности и, во-вторых, руководствоваться при этом выбором из двух жестко заданных вариантов. И мало того, в представлении подавляющего большинства окружающих он — если известно его генетическое происхождение — «метис», «полуукраинец-полубашкир», т. е. «нерусский» или, во всяком случае (даже без негативного оттенка), «неполноценный русский»... Зато на него, как правило, в той или иной мере распространяются стереотипы, существующие в среде окружающих относительно того этноса, к которому он автоматически оказывается приписанным.

Насколько серьезными для людских судеб последствиями оборачивается укорененность в общественном сознании генетических критериев этнического происхождения, видно на примере армяно-азербайджанских метисов, не находящих себе места в среде ни одного из двух народов.

Обязательность для каждой личности «членства» в составе того или иного этноса и его определение «по крови» — характерные черты сегодняшней отечественной «этничности», принципиально отличающие ее от «этничности» испанской. В самом деле, как было показано в этой работе, испанское общество не знает ни того, ни другого как общепринятой нормы, и таким образом, если руководствоваться нашими мерками, подавляющее большинство жителей Испании пребывает в состоянии безэтничности. Вместе с тем в испанской научной литературе, а в последние десятилетия и в публицистике достаточно широко употребляется терминология, базирующаяся в хорошо известном нам греческом корне: «этниа», «этничность», «этническая группа» и т. д. Однако, продолжая исходить из приведенного выше определения этноса как основы для сравнения двух этнических ситуаций, можно сказать, что в испанских условиях «этническая общность» в сознании ее представителей являет

собой по преимуществу общность культурную, совокупность людей, считающих, что они обладают определенным набором культурных особенностей, отличающих их от прочего населения страны. Примечательно, что и испанские, и другие западные ученые, работающие над данной проблематикой, давно уже заметили, что сама по себе культурная близость еще не играет роли интегратора для тех, на кого она распространяется. Исследователи стремятся понять, почему в одних случаях несомненное сходство культуры, включая язык, не осознается ее носителем как свидетельство их общности, тогда как в других случаях такая общность возникает на гораздо меньшем, казалось бы, основании. Нередко механизм осознания культурной близости и сплочения на ее основе, т. е. механизм «этнизации», бездействовавший долгие века, вдруг в какой-то момент включается, и начинается активный процесс становления новой этнической общности.

Как следует из только что сказанного, осознавасмос в ходе названного процесса культурное тождество само по себе, как правило, достаточно относительно и реально сводится к ряду элементов, обретающих символическое значение и олицетворяющих собой одновременно единство «внутри» данной группы и ее противопоставление «вовне» остальному населению.

Как мы помним, речь идет об этнических общностях в «испанском варианте», при котором оказывается возможным для испанских и других западных исследователей констатировать становление, к примеру, андалусийской или кастильской «этничности» уже в наши дни, изучать его причины, обстоятельства и формы. Напомним, что советскими учеными жители Андалусии и Кастилии однозначно рассматриваются как составные части исторически доминирующего в стране сплоченного этноса — «собственно испанцев», в среде которых какой-либо «этногенез» не может восприниматься иначе как нонсенс. Однако ситуационный характер «этнического элемента» в жизни испанского общества, зависимость не только развития, но самого существования «этничности» от внешних факторов подразумевают, во-первых, нестабильность возникающих в определенном историческом контексте «этнических общностей», вероятность (когда скоро изменятся условия) их распада и даже исчезновения при неизменности «демографической базы» и сохранении преемственности культуры; во-вторых, возможность и вовсе «внеэтнического» существования самых широких кругов населения. В этом втором случае и выступают вперед земляческие объединения разного уровня и отражающие их формы самосознания, что мы как раз и могли наблюдать на испанском материале. Разумеется, существует немало переходных, как бы «полуэтнических» вариантов, соответствующих той или иной степени «этнизации» областной общности и отражающих как нарастание, так и угасание этого процесса. Собственно, в этом смысле любая разновидность локальной общности, вплоть до жителей отдельной деревни, уже несет в себе этническую

тенденцию, если ее специфика подразумевает — в сознании ее членов и окружающего населения — какие-то культурные особенности.

Такие формы проявления этнического фактора в среде подавляющего большинства населения Испании, очевидно, не способствовали укреплению взгляда на «этничность» как на неотъемлемый и важнейший атрибут отдельной личности и общества в целом. Соответственно и государство не считало необходимым придавать политическое значение «этническому началу», разделять все население страны на «этнические общности», превращать их в субъект политической жизни, закреплять за ними занимаемые ими территории и т. д., а во имя практического осуществления перечисленных и подобных им задач — обязательно «помечать» каждого обитателя страны чем-нибудь вроде пресловутого «пятого пункта», хорошо известного нашим согражданам. Зато испанские власти всегда учитывали факт существования в стране с незапамятных времен так называемых регионов — наследников бывших королевств, княжеств, эмиратов и т. д., население каждого из которых реально претендовало или потенциально могло претендовать на право самим управлять своей «малой родиной», право, отнятое Центром в период абсолютизма, но прекрасно сохранившееся в исторической памяти общества. Реформа конца 70-х — начала 80-х годов по сути дела может рассматриваться как масштабная попытка решить наконец именно региональный вопрос, державший Испанию в напряжении на протяжении столетий, а отнюдь не «этнонациональный» (в нашем понимании). Вполне реальны для испанских законодателей и языковые проблемы. В Конституции страны говорится, во-первых, о том, что «другие языки Испании (помимо кастильского, — А. К.) также являются официальными в соответствующих автономных сообществах», а во-вторых, о том, что «богатство различных языковых оттенков Испании является культурной ценностью, пользующейся особым уважением и защитой» (ст. 3, § 2 и 3). Соответственно в статутах отдельных регионов провозглашаются покровительство и поддержка языков, не являющихся там официальными, их использование в обучении и средствах массовой информации (например, бабле в Астурии) и даже официальный характер в зонах распространения (баскский язык в Наварре). Из этого, в частности, следует, что, как бы ни было разнородно население автономного региона в языковом, культурном, наконец, генетическом (местные уроженцы и мигранты) отношении, оно не может быть поделено на первосортных «коренных жителей», принадлежащих к «титulum нациям», и второсортных «чужаков», «гостей», «пришельцев». Культурно-языковое своеобразие первых не будет «на законном основании» навязываться вторым. Разумеется, лингвистическая ситуация в каждом из дву- и многоязычных регионов Испании отнюдь не бесконфликтна, отношения между сторонниками бытующих там языков временами приобретают довольно напряженный характер, успехи одних порождают недовольство других. Но в любом случае речь идет о единой общности, в рамках которой «конкурируют»

несколько языковых моделей или ориентаций, а не о противостоянии нескольких взаимно отчужденных общностей, борющихся за существование.

Мы уже выяснили, что этническая ситуация в Испании совсем не такова, как нам до сих пор представлялось, и что степень учета «этнического фактора» во внутренней политике испанских правительств, в том числе и в административно-государственном устройстве страны, в общем соответствует характеру и значению «этничности» в жизни испанского общества. Очевидно, что эти характер и значение в Испании совершенно не такие, как в нашей стране. Вместе с тем до последнего времени отечественные авторы в большинстве своем трактовали этническую ситуацию в Испании, исходя из бытующих у нас представлений о сути, значении и формах проявления «этнического начала», представлений, продиктованных опытом нашей страны, который мыслился как универсальный. В соответствии с таким подходом одни и те же термины «этнического начала», представлений, продиктованных опытом нашей страны, который мыслился как универсальный. В соответствии с таким подходом одни и те же термины «этнонационального ряда» в отечественном (в том числе и научном) и испанском словоупотреблении оказываются наполненными различным содержанием, что порождает постоянную путаницу и мешает понять существо рассматриваемых явлений и процессов.

Но в таком случае неизбежен вопрос: что же означает только что отмеченная качественная разница этнических ситуаций на противоположных сторонах Евразийского континента? Какую-то аномалию в одном из двух случаев, отклонение от естественных форм человеческого бытия? Но какой из них аномальный, а какой — естественный?

По нашему убеждению, которое сложилось на основе изучения не только испанских материалов, развитие «этнического начала» в обществе возможно в разных вариантах, включая и «нулевой», при котором такое развитие в данный момент не наблюдается. Все эти варианты в каждом случае присутствуют в виде тенденций, те или иные из которых берут верх в зависимости от исторических обстоятельств; радикальное и глубокое изменение исторического контекста может блокировать тенденции, доминировавшие ранее, и, напротив, открыть дорогу прежде второстепенным.

В нашей стране, как представляется, после Октябрьской революции, в силу некоторых причин, требующих особого исследования, возобладала в идеологии, политической практике, общественном сознании и т. д. одна, хотя и весьма влиятельная и долговременная, но отнюдь не единственная из бытовавших к тому времени и не охватывавшая все население тогдашнего государства тенденция этнического развития, которая и стала ассоциироваться с этническим развитием как таковым практически во всех перечисленных сферах². Эта тенденция, в соответствии с которой, как было отмечено выше, «этничность» была признана неотъемлемым атрибутом личности,

определяемым «по крови», по мере становления тоталитарных структур превратилась в монопольную и получила политическое наполнение. Постепенно она все больше стала определять этническую ситуацию в стране, диктуя ее формы и изменения или по крайней мере мощно воздействуя на них, и тем самым разрушая или деформируя прежние, имевшие давнюю традицию проявления этнической жизни.

Таким образом, «новая этничность» возобладала над «старой», в которой было значительно больше черт, напоминающих испанский вариант этнической ситуации. Во всяком случае, обитатели Российской империи не были «расписаны» по этническим общностям ни формально, ни фактически. Широкие слои населения в самых разных частях страны не обладали этническим самосознанием; последнее там, где оно было, во многих случаях строилось не на генетических, а на культурных, языковых, социальных и конфессиональных критериях, сплошь и рядом переплеставшихся самым причудливым образом.

Нужно сказать, что «генетическая» тенденция постоянно давала о себе знать и в испанской истории, но интересно, что как раз в качестве этнического критерия она здесь «не прижилась». Представления о «чистоте крови» сосредоточивались по преимуществу в социальной и конфессиональной сферах, к примеру служили для обоснования претензий на определенный социальный статус, подкреплявшийся по линии происхождения отсутствием каких-либо «сомнительных», т. е. из числа иноверцев (мусульман или иудеев), предков. Кроме того, в разных частях Испании существовало несколько социально-профессиональных групп, по сути эндогамных и подвергавшихся в той или иной степени дискриминации со стороны соседей. Этим группам традиционно приписывалось особое, часто порочащее их происхождение (от мавров, евреев, прокаженных, преступников и др.), что и должно было объяснить приниженность их общественного статуса. Правда, предубежденность по отношению к этим людям бытовала лишь в их родных местах; перебравшись в другую часть страны, они избавлялись от тяготевшего над ними «родового клейма». Но по мере того как разрушался традиционный сельский уклад, обособленность их, в том числе и брачная, сходилась на нет.

Наконец, в том же ряду — уже известная нам сознательная попытка прямо ввести генетический критерий в этническую жизнь, предпринятая в Стране басков на рубеже XIX—XX столетий и в конечном счете закончившаяся неудачей.

На наш взгляд, сравнение с Испанией убедительно свидетельствует, что трактовка «этничности» в советское время, политика отечественной администрации в «национальном вопросе» играют роль мощного стимулирующего, этнообразующего фактора, «педалируют» этнизацию общества. Провозглашение права на политическое самоопределение народов, понимаемых этнически; создание территориально-политических образований по национальному при-

знаку, порождающее нелепое разделение местных жителей на «хозяев» и «чужаков» с легко прогнозируемыми последствиями для их взаимоотношений и с вполне понятным в таких условиях стремлением к созданию территориальных автономий — «убежищ» для всех без исключения этносов; установление иерархии национально-политических единиц, в результате чего одни этнические общности оказываются вершителями судеб других, — все это и многое другое в том же роде есть результат победы одной из возможных тенденций в этническом развитии общества при подавлении прочих, той самой победы, за которую приходится платить страшную цену...

Испания, по-видимому, демонстрирует значительно более естественный ход событий в этнической сфере. Возвращение к нему крайне желательно и у нас. Для этого «этнический элемент» должен быть изъят из политической жизни государства и остаться частным делом личности. Это ничуть не противоречит его сути, зато очень облегчает человеческое общежитие.

* * *

Уже давно завершив работу, автор забеспокоился, что у читателя-неспециалиста может сложиться впечатление, будто рассмотренный в исследовании круг вопросов и заключает в себе всю этнонациональную проблематику Испании. Конечно же, это не так: просто, с точки зрения автора, есть вещи, которые буквально вопиют о том, чтобы их как можно скорее проанализировали или хотя бы заместили и ввели в научный, административный и т. п. оборот. Им и посвящена данная работа. Что же до этнокультурного многообразия нынешнего населения Испании, то оно, разумеется, много шире упомянутого в исследовании, — равно как и затронутые здесь проблемы далеко не исчерпывают список забот испанского общества и переживаемых им конфликтов в интересующей нас сфере.

Выше упоминалось о том, что в среде испанского населения издавна — на протяжении веков — отмечается существование своеобразных групп, иногда характеризующихся нашими исследователями как «этнические» или «этнографические». Практически всегда этих людей отличал особый род занятий (нередко в сочетании с запретом на иные профессии), связанные с ним особые черты жизни и быта, но главное — более низкий, чем у окружающих, социальный статус (в рамках обычного права) и вынужденная эндогамия. Негативное отношение соседей варьировалось от бытовой отчужденности до жестоких и оскорбительных ограничений, поддержанных местными властями, и, разумеется, оправдывалось в общественном сознании массой всевозможных предрассудков, плотной стеной окружавших эти «проклятые народы», как называли их в родной стране. Такое положение, в свою очередь, не могло не сказаться на культурном, а в ряде случаев и языковом облике дискриминируемых групп, усиливая их самобытность и обособленность. Правительство Испании не раз за последние столетия пыталось, с помощью указов и пред-

писаний, защитить этих людей и реально уравнивать их в правах со всеми остальными подданными — но без большого успеха.

Одна из таких групп — «бакейрос де альсада» западной Астурии — насчитывала, по оценкам специалистов, около полутора десятков тысяч человек к началу 1970-х годов. Они жили в маленьких поселениях на горных склонах и вершинах, практикуя издревле и до последнего времени постоянные сезонные перекочевки со скотом, тогда как их соседи, оседлые земледельцы, населяли деревни в долинах. В прежние, хотя не столь уж отдаленные, времена «бакейрос» (пастухам) запрещалось принимать участие в выборах в местные органы самоуправления; им не позволяли участвовать в религиозных процессиях наравне со всеми, нести церковные хоругви или статуи святых; в самой церкви им отводился свособразный «загон» подальше, иногда — за загородкой и даже с отдельной дверью на улицу, а места для «чистой» публики охранялись предостерегающей надписью на стене: «Сюда не входят бакейрос слушать мессу»... Во время праздников с ними никто не танцевал, зато охотников подразнить или оскорбить их находилось сколько угодно, — так что всякое сельское торжество здесь непременно сопровождалось ссорами и стычками бакейрос и их соседей. В тавернах для них держали особые стаканы из рога, тогда как все остальные посетители пили из стеклянных, — и т. д., и т. п., вплоть до того, что и на кладбищах для них были предназначены наиболее отдаленные, «непрестижные» участки земли.

Сходными чертами обладала другая группа — так называемые пасьегос, горные скотоводы Кантабрии, тоже пускающиеся в путь при смене времени года. А вот «марагатос» (жители местности Марагатерия в Леоне) известны по всей стране традиционным отхожим промыслом, которым занимались местные мужчины — транспортировкой товаров с помощью вьючных мулов. В числе «проклятых народов» — «аготы» Наварры, дискриминация которых отмечена и в середине 1960-х гг; «негры» андалусийской провинции Уэльва, давно уже не отличающиеся по внешнему виду от соседей, которые, однако, отказывались вступать с ними в браки; «шуэты» острова Мальорка, далекие предки которых перешли в христианство из иудаизма, и др. ... То, чего за столетия не смогла достичь королевская администрация, сделали время и та направленность общественно-экономического развития, которую избрала страна на рубеже 1950—1960-х годов. Разрушение традиционного уклада жизни, в первую очередь — на селе, новая система ценностных ориентаций означали и разрушение основы, на которой держались прежние стереотипы. От былых предубеждений, как свидетельствуют испанские исследователи, к настоящему времени остались лишь отголоски.

Хочется, однако, отметить в этой связи один любопытный, как представляется, момент. Выработавшаяся в испанской литературе за многие годы трактовка феномена «проклятых народов» традиционно, вслед за общественным мнением и «здравым смыслом», сосредоточивалась главным образом на вопросе о происхождении

обособленных групп испанского населения, рассматривая самые фантастические версии, существующие в массовом сознании, и добавляя к ним новые, порой не менее экзотичные гипотезы. Вместе с тем в последние десятилетия растет число видных этнологов, которые скептически относятся не только к возможностям, но и к необходимости подобных изысканий, считая их данью «этнологическому схематизму». Поиски происхождения, по их мнению, не должны быть целью этнологической науки, поскольку практически всегда служат объектом манипулирования со стороны сил, от науки весьма далеких, и редко что дают для понимания истории данной группы и ее нынешнего положения, характеризуя скорее ее окружение и идеологию общества в целом. Попытки подтвердить этот тезис на конкретном материале выглядят достаточно убедительно. Так, в случае с «урданос» — жителями глухой, изолированной местности в труднодоступных горах Эстремадуры, чья особая природа, отличающая их от остальных испанцев, даже вошла в поговорку — удалось проследить время (XVI век) и обстоятельства зарождения легенды о них как о дикарях, не знающих морали и подлинной религии, поклоняющихся демонам, не владеющих кастильским языком, прозябающих в крайней нищете, не пользующихся одеждой, не видящих греха в убийстве и людоедстве, наконец, думающих, что они — единственные, кто живет на свете... Ничего подобного на самом деле, разумеется, не было — кроме удручающей бедности, но в этом «урданос» мало чем отличались от многих других крестьянских общин, разбросанных по всей территории Испании. Тем не менее легенда широко распространялась и развивалась, дополняясь полуправдоподобными деталями о происхождении этого «проклятого народа» — в полном соответствии с потребностями и представлениями эпохи. Едва ли не с самого начала в испанском обществе выделились урданофобы и урданофилы; активность последних приобрела к началу XX века размах движения за возрождение «урданос», их приобщение к цивилизации; в 1908 г. состоялся Национальный съезд урданофилов... Длинный ряд благотворительных мероприятий, ставший следствием этих усилий, воспитал, как замечает один из исследователей, во многих «урданос» потребительское отношение к остальной части общества, представления о том, что вся Испания в долгу у них только потому, что они такие, какие есть. Лишь сегодня, и то не без труда, такого рода установки постепенно отмирают...

В число «проклятых народов» обычно включали и цыган, но их положение несколько более специфично. В сравнении с упомянутыми выше группами численность цыган в Испании весьма велика (по некоторым оценкам — до полумиллиона), а их интеграция в испанское общество встречает на своем пути немалые трудности. Первые дискриминационные и репрессивные королевские указы, направленные против цыган, увидели свет еще в XV веке, вскоре после появления цыганских кибиток на дорогах полуострова. Вплоть до 1978 г. сохранялось действие специального приказа, адресованного

жандармерии и предписывавшего вести особое наблюдение за цыганами, их деятельностью и передвижением. Королевский декрет от 11 января 1979 г. о создании межминистерской комиссии по изучению проблем, связанных с цыганами, стал едва ли не первым законодательным актом в пользу цыган за все 500 лет их пребывания в Испании. В октябре 1985 г. испанский парламент принял общенациональный план помощи развитию цыганской общности и утвердил создание специальных административных структур для реализации этой цели.

Дело в том, что начиная с 1960-х годов в образе жизни испанских цыган произошли серьезные изменения. Разрушение традиционного уклада вело к оседлости, урбанизации и пролетаризации, которые, по мнению исследователей, охватили сейчас основную массу цыганского населения. Все более серьезной проблемой становятся отношения между цыганами и другими жителями испанских городов; более того, антицыганские выступления последних лет достигли такого размаха, что власти начали бить тревогу в связи с ростом расизма и ксенофобии в обществе. Как правило, конфликт происходит в результате попытки администрации построить жилье для цыганских семей, живущих в самодельных хижинах—чаболас, в каком-либо городском квартале; тамошние обитатели яростно сопротивляются этим намерениям, организуя пикеты, марши и демонстрации с тысячами участников и заявляя о своем нежелании иметь новых соседей, несущих с собой, как им представляется, угрозу роста преступности в их квартале (особенно часты обвинения в торговле наркотиками). В конце 1991 г. в ответ на такого рода выступления прогрессивная общественность организовала по всей стране широкую кампанию маршей и митингов с участием цыган под лозунгами: «Цыгане — против расизма и торговли наркотиками!», «Долой наркотики и долой расизм!», «Цыгане и нецыгане — все мы братья!» и т. д. Наши коллеги, испанские этнологи, постоянно выступают в печати и перед разными аудиториями, разъясняя сущность «цыганской проблемы» и борясь с позорными для общества межобщинными предрассудками.

Как мы помним, после завершения Реконкисты вначале еврей-иудаисты, а затем мавры-мусульмане, отказавшиеся расстаться с религией отцов и принять католичество, были изгнаны из страны. В настоящее время в числе испанских граждан не так уж мало представителей двух вероисповеданий, когда-то столь упорно искоренявшихся на земле Пиренейского полуострова. Так, еврей-иудаисты (около 12 тысяч) организованы в 12 общин (по городам проживания), во главе каждой из которых стоит комитет из 12 человек, избранных на трехлетний срок. Община располагает синагогой, кладбищем, магазинами кошерной пищи и т. д. Все общины объединены в федерацию, глава которой является ее представителем перед центральной администрацией.

Достаточно широко представлены в испанской общественной жизни мусульмане, по преимуществу арабы. В Андалусии они органи-

зованы в ассоциацию, которая участвует в выборах в региональный парламент, имея в программе среди прочих представляющийся несколько курьезным пункт о восстановлении исламского государства в южной части Пиренейского полуострова. Сейчас на территории страны более двух десятков мусульманских молельных домов и мечетей.

На протяжении столетий и вплоть до второй половины XX века Испания была страной эмиграции. Миллионы испанцев за это время покинули родину, отправившись на покорение и освоение новых земель для своей державы, на поиски лучшей доли для себя и своих близких, наконец, просто на заработки. Миграционное движение в Испанию уроженцев чужих краев на этом фоне оставалось малозаметным. Однако в последние десятилетия положение стало постепенно меняться. Прежние центры притяжения мигрантов извне — развитые страны Западной Европы — резко ужесточили (особенно после экономического кризиса 1973 г.) свою иммиграционную политику, а с другой стороны, установлением демократического режима в Испании и ростом благосостояния населения начала возрастать привлекательность самой этой страны в глазах тех, кто по тем или иным причинам не мог оставаться у себя дома. По некоторым оценкам, к концу 1980-х годов на территории Испании находилось более 700 тысяч иностранцев, около 60% которых исходило из стран третьего мира. В ходе опроса, проведенного среди иммигрантов в Мадриде в 1986 г., 48% их заявили, что приехали с целью улучшить свое экономическое положение, 22% — вследствие политических преследований на родине, оставшиеся 30% назвали обе причины вместе. Наиболее крупными группами в мадридской иммигрантской общине (около 175 тыс. чел.) оказались латиноамериканцы (около 85 тыс.), уроженцы мусульманских стран (около 30 тыс.) и филиппинцы (около 15 тыс.). Более половины иммигрантов-мусульман составляют марокканцы. Что же касается остальных групп, то простой перечень их даст представление о степени пестроты той людской волны, которая накрыла Испанию в последние годы: португальцы, уроженцы Экваториальной Гвинеи (бывшей испанской колонии), аргентинцы, чилийцы, доминиканцы, перуанцы, кубинцы, североафриканцы, сенегальцы, выходцы из Индии и Пакистана, с островов Зеленого мыса, поляки, китайцы, вьетнамцы, иранцы и многие, многие другие... Значительная часть этих людей рассматривает Испанию как цель или конечный пункт своих скитаний и намерена так или иначе найти для себя «нишу» в местном обществе, чтобы закрепиться здесь навсегда. Процессы экономической, социальной, культурно-языковой интеграции, для одних — быстрые и безболезненные, для других — долгие и мучительные, вовлекают в свою орбиту многие сотни тысяч людей, из числа как приезжих, так и «принимающей стороны», ежедневно и повсеместно порождают различные драматические ситуации, ставят перед испанским обществом и администрацией множество задач, требующих немедленного решения.

Политика поощрения и покровительства со стороны испанскими властями с конца 1930-х годов, до какого-то времени облегчала желающим въезд в страну, без больших формальностей и затрат. Этим обстоятельством воспользовались те, кто стремился не столько оставить в Испании свои доллары, франки и т. д., сколько найти здесь источник более или менее обеспеченного существования. Не случайно из общего числа иммигрантов, опущенных в Мадриде, 67% прислали сюда как туристы (после чего остались здесь уже на незаконных основаниях), 17% получили визы для учебы, и лишь 8% въехали на основе заключенного трудового соглашения.

В итоге создалось положение, при котором значительное количество — многие десятки тысяч — иностранцев в Испании годами проживало на нелегальном положении. Именно эти люди заняли низшие ступени социально-профессиональной и имущественной лестницы, именно они вынуждены были браться — при ничтожной оплате — за грязную, тяжелую или сомнительную с позиции закона работу, на которую не находилось других охотников. Чтобы изменить ситуацию, испанское правительство объявило в 1991 г. широкую кампанию под названием «Выйди на свет!», обратившись к подпольным иммигрантам с обещанием не наказывать и не высылать их, но, напротив, узаконить их пребывание в стране, если они откликнутся на призыв и добровольно заявят о себе. По данным из официальных источников, почти 133 тыс. иммигрантов, половина из которых уроженцы Марокко, воспользовались предоставленной возможностью; около 40 тыс., по оценкам исследователей, не решились этого сделать.

Есть сообщения, что в последнее время под эгидой министерства внутренних дел Испании подготовлены или разрабатываются программы помощи различным этноконфессиональным группам, проживающим на территории страны. Ставятся задачи установить точную численность этих групп, изучить их проблемы, вложить средства в социальные нужды и т. д. Важное значение при этом придется тому, чтобы в качестве посредника найти в каждой группе человека, приемлемого для всех представленных в ней течений и точек зрения, и именно с ним вести переговоры.

* * *

Трудно найти в нашей стране человека, которому ничего не говорит слово «Испания». Другое дело — насколько образ, рождаемый этим словом, соответствует реальности. А сейчас, когда рушатся непродолимые прежде барьеры и сокращаются расстояния, когда все больше «простых» россиян, подобно «простым» французам, американцам, немцам, марокканцам, сенегальцам и всем прочим, получают возможность не только показывать Испанию на карте, что было доступно и раньше, а увидеть ее «живьем», ступить на ее

землю,— соответствие мечты и действительности становится все более насущной необходимостью. Убежденность в этом и вдохновляла автора этой работы.

¹ Гусейнов Г., Драгунский Д., Сергеев В., Цымбурский В. Этнос и политическая власть//Век XX и мир. 1989. № 9. С. 16—17.

² Академическая наука долгое время оставалась — по крайней мере в своих теоретических построениях — в стороне от такого подхода, и лишь в последние годы появились работы, для авторов которых генетический критерий этнической принадлежности само собой разумеется.

A. N. Kozhanovsky

LOS PUEBLOS DE ESPAÑA EN LA SEGUNDA MITAD DEL SIGLO XX

En últimos años en Rusia se dice mucho de la necesidad de utilizar la experiencia histórica de España en la solución de los problemas que están ahora ante nuestro país. En efecto, España es el país, que ha hecho hace poco tiempo el paso del régimen autoritario a la democracia parlamentaria, del dominio en la sociedad de la ideología y del partido únicos — al pluralismo político y ideológico, de la estructura unitaria centralizada del estado — al sistema de amplia autoadministración local, de la economía atrasada y «cerrada» — a la economía desarrollada industrial, del aislamiento del mundo entero — a la integración hacia la Europa que se une, etc. Todo esto — sin guerras civiles, revuelta y pogromos, sin caos económico, hambre y pauperización de masas populares. Pero las analogías exteriores pueden inducir a error y llevar a las conclusiones equivocadas. Algo parecido ocurre con la interpretación exterior tradicional de así llamado «problema étnico-nacional» en España y de los modos de su solución por los gobiernos españoles. Autor del libro quiere mostrar en su investigación al lector ruso, que el concepto corriente en Rusia de los «cuatro pueblos-étnicos-naciones» de España, donde el criterio principal de cada nación es el idioma, — no está conforme con la realidad, y que, utilizando este concepto, no es posible entender adecuadamente la historia de este país y los acontecimientos de su vida interna actual, entre todo — la reforma autonómica de los años 1970—1980 y sus consecuencias. El punto habitual de vista de la gente rusa (y entre otros — de científicos, políticos, periodistas etc.) sobre la situación étnico-cultural y etnopolítica en España es en realidad el reflejo de la situación del mismo nombre en Rusia, la cual (la situación en Rusia) se interprete como universal. El autor prueba que en España el papel del factor étnico tanto en la vida política y social como en la característica personal es otra y mucho más natural, que en Rusia y otros estados de la URSS antigua. La comparación con España permite comprender que los gobiernos soviéticos del pasado estimulaban sin querer — por su principio de la «autonomía étnico-territorial» — fijación obligatoria de pertenencia étnica para cada persona — la «etnización» intensiva de la sociedad soviética y de la mentalidad de sus miembros, y, como resultados — la desigualdad real de derechos

para «nacionalidades» diferentes y los conflictos en todas partes y hasta sangrientos de ahora.

La base del libro es la investigación escrupulosa del poblamiento de todo el territorio de España, con los criterios de autoconciencia, dominio de una u otra lengua, análisis de los procesos y acontecimientos, que tienen relación con el tema, en las esferas política y cultural durante nuestro siglo. Autor presta mucha atención al fenómeno de región en el contexto histórico español. Realizando su tarea-destruir las dogmas viejas y los estereotipos que impiden estudiar en Rusia los problemas de España — el se concentra especialmente en el hecho que ciertos términos (tales como «nación», «pueblo», «espanoles» etc.) tienen contenido diferente en tradición española, de una parte, y rusa, de otra.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава первая

ВАЛЕНСИЙСКОЕ «ОКНО» В ОБЩЕИСПАНСКУЮ ЭТНИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ

Почему мы остановились именно на «валенсийских каталонцах»	11
Кто же населял Валенсию в 1960-е годы?	12
Политика Мадрида и ее результаты для культурно-языкового развития Валенсии	21
«Валенсийское возрождение» и борьба вокруг него в местном обществе	26
Особенности и варианты самосознания местных жителей	40
Итоги изучения валенсийской ситуации	57

Глава вторая

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ КАТАЛОНСКИЙ ЭТНОС?

Каталаноязычный ареал	67
Каталония	72
Балсарские острова	87
Каталонцы Арагона	96
Так что же такое каталонский народ?	97

Глава третья

ЭТНОСЫ ИЛИ ЧТО-ТО ИНОЕ?

Баски	102
Проблема Наварры	118
Кто же населяет баскские провинции Испании?	121
Ситуация в Галисии	124
Существует ли «испанский этнос»?	132
Народы Испании	145
Закключение (опыт Испании)	173
A. N. Kozhanovsky Los Pueblos de España en la Segunda mitad del Siglo XX	187

Кожановский А. Н.

К 58 Народы Испании во второй половине XX в. (Опыт автономизации и национального развития). М.: Наука, 1993. 192 с.
ISBN 5-02-010063-3

Во второй половине XX в. в Испании произошли изменения, воспринятые их очевидцами как эпохальные. На смену авторитарному режиму пришло открытое общество парламентской демократии. Новая социально-экономическая политика выдвинула прежде отсталую страну в число наиболее динамичных государств Европы. Немаловажную роль в успешных преобразованиях играет политика в национальной области. Различным аспектам национального развития Испании посвящена данная книга.

Для историков, этнографов и широкого круга читателей.

К $\frac{0505000000-146}{042(02)-93}$ 95—92 (Пол.)

ББК 63.5(3)

Научное издание

**Кожановский
Александр Николаевич**

**НАРОДЫ ИСПАНИИ
во второй половине XX в.
(Опыт автономизации
и национального развития)**

**Утверждено к печати
Институтом этнологии
и антропологии
Российской академии наук**

**Заведующая редакцией Л. С. Кручинина
Редактор издательства А. В. Болдов
Художник Т. Б. Лосин
Художественный редактор И. Д. Богачев
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректор А. Б. Васильев**

ИБ № 49815

Сдано в набор 24.04.92

Подписано к печати 27.10.92

Бумага тип. № 2

Гарнитура Таймс Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,0 Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 13,9

Тираж 360 экз. Тип. зак. 2811

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6